Annotation

Сияет преподобных жен сословие, яже уязвившеся любовию и добротою Христа—Жениха своего, во след Его текоша, последующе стопам Его Божественным. Сего ради возмездие трудов своих на небесах восприемше, с лики ангельскими и преподобных веселятся, моляшеся непрестанно Христу Богу нашему, еже спастися всем нам.

Contents

Преосвященный Филарет (Гумилевский), Архиепископ Черниговский.

Святые подвижницы Восточной Церкви.

Сияет преподобных жен сословие, яже уязвившеся любовию и добротою Христа—Жениха своего, во след Его текоша, последующе стопам Его Божественным. Сего ради возмездие трудов своих на небесах восприемше, с лики ангельскими и преподобных веселятся, моляшеся непрестанно Христу Богу нашему, еже спастися всем нам.

Кондак преподобным женам

Предисловие

«В царстве льдов, — говорит восторженный почитатель смелого путешественника по Альпам, — все изменчиво: где вчера вы шли по снежной арке, перекинувшейся через пропасть, сегодня не можете пройти: арка рухнула и перед вами бездна… Идете далее: от одного неверного глаза зависит ваша жизнь… Здесь все зависит от крепости ваших мускулов, от силы вашей воли, от ловкости, от умения невозможное сделать возможным, от сознательного мужества… Вот перед вами отвесная стена в несколько сот футов, на которую надобно взобраться… И вы начинаете влезать, заметив углубление в стене, за которое можно уцепиться пальцами; с невероятными усилиями, при помощи подкованных башмаков и подсаживаний, вы взобрались высоко и висите над бездною… Вот небольшой выступ. Вы укрепляете на нем веревку, поднимаетесь на ноги, упираетесь ногою о выступ… Малейшее дрожание ваших мышц и — не только вы погибли, но погибли и те, которым вы помогаете взобраться по веревке» и пр. и пр.

Воля в путешественнике энергетическая! Но тут только физическая гимнастика душевных сил, известная и язычнику.

То ли дело — борцы с духовной природой! Дух крепче скал каменных и изменчивее снежных гор. Там борьба из‑за чего?.. Здесь — за вечную долю, за славу Того, Кто выше всего!.. В постепенном приближении всего человека к Богу, в поступательном возрастании «от силы в силу» на пути нравственном — вот в чем заключается преимущество, отличающее человека от животного и необходимое для человека, как созданного по образу Божию. Без успехов в нравственности успех в науках — не успех желаемый, и лоск наружного образования (цивилизация) — не просвещение истинное. Это видно в опыте. По милости непризванных благодетелей человечества народная нравственность падает, нищенство увеличивается, воровство, разбой, душегубство, разврат, кощунство, святотатство растут, и — того гляди — общественная жизнь разразится страшной катастрофой…

Борьба нравственная — борьба столько же живительная, сколько и высокая!

И вот: кто борется и побеждает? Организация слабая, женская!

Во Христе Иисусе нет разницы между мужчиной и женщиной в том отношении, что для всех готова небесная помощь. Но — благодать Божия при спасении человека не уничтожает сил его, а только исцеляет и укрепляет. Потому остается и разница между мужской и женской организацией спасаемых — разница, требующая неодинаковых приемов для спасения.

Жития святых, чудных подвижниц Божиих, особенно могут быть полезны для дев и жен, ищущих спасения. Это — образцы, по которым они должны поверять жизнь свою и с которых должны брать уроки для частных своих состояний.

Да и для мужчин, которые так нередко говорят: «Мы слабы», не укор ли, не улика ли во лжи дивные подвиги слабых женских организаций?..

В русских обителях списываема была книга «Святых жен чтение» (Опись книгам степенных монастырей № 1826).

Пишущему эти строки давно доставлено было, в русском переводе с французского, описание восточных дев и жен–пустынниц. Но только недавно довелось пересмотреть сочинение Мишель–Анж–Мареня. Главная мысль прекрасная! Есть хорошее и в ее выполнении. Марен описывает жизнь отшельниц по местам подвигов их. Описание его полнее, чем сочинение предшественника его Виллефора: Les vies de saints solitaires, Amsterdam 1714. И однако описание Мареня оказалось очень и очень неудовлетворительным. Не говорим о других недостатках, например о недостатке отчетливости и

близости к древнему тексту известий, — Марен не знает весьма многих подвижниц Восточной Церкви.

Главный указатель на образцы подвижничества — церковная служба сырной субботы. Здесь показаны по именам великие подвижницы. В той же службе читаем еще: «Да воспоется и аще кая другая просия от жен в пощении». Потому было бы ошибкою ограничивать описание подвижниц именами, показанными в службе.

Лютер имел совесть кричать, что подвижничество девственное началось только с 4 века. Но несомненно, что говорил он неправду, в угоду людским страстям и во вред христианству. Тем не менее, так как подвижницы, окончившие жизнь страдальческой смертью за веру, известны в Церкви с особым именем св. мучениц, при обзоре св. подвижниц не будем мы говорить о житии подвижниц–мучениц.

В укор православию говорили, будто оно только подвиг поста и девства считает подвигом спасительным. Нет, христианское подвижничество, по разумению православия, не так тесно, как говорили не покидавшие ни Православия, ни подвижничества.

В настоящем описании предлагаются вниманию благочестивому:

1. Подвижницы Александрии и ее окрестностей: Синклитикия, Сарра, Феодора, Александра и Пиамука, Евфросиния, Фомаида, Таисия, Феодора, Аполлинария, Марина, Анастасия.

2. Подвижницы Верхнего Египта: Таисия, Пахомия, Исидора и две неизвестные по имени, Талида, Тафра и неизвестная по имени, Евпраксия, Феодула и Юлия.

3. Палестинские подвижницы: Клеопатра, Павла и Зоя, Евстолия, Мелания, Пелагия, Мария–египтянка, Мария, Мастридия.

4. Сирские подвижницы: Платонида, Вриэнна, Феврония, Иерия и Фомаида, Публия, Пансемния, блаж. Явдундонта, Марана и Кира, Домнипа, Марфа.

5. Подвижницы Малой Азии: Нонна, Эмилия, Макрина, Фэозевия, Магна, Евсевия, Мария, Феодора, Анна, Феоклета.

6. Подвижницы Константинополя и Эллады: Олимпиада, Кандида и Геласия, Пульхерия, Домника и Мавра, Матрона, Евстолия и Сопатра, Феврония, Елисавета, Анфуса, Афанасия, Феодора–царица, Феодора Солунская, Феоктиста, Мария, Феофания–царица, Каллия и терпеливая Феодора, Марфа.

Обозрение св. подвижниц Востока оканчивается 10 веком и потому, что подвиги подвижниц последующего времени скрываются в недоступных греческих рукописях.

I. ПОДВИЖНИЦЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ АЛЕКСАНДРИИ

Преп. Синклитикия

Язычество не любило девства; оно даже наказывало бездетных, — но первый христианский император «едва не благоговел пред святейшим сонмом девственниц Божиих, будучи убежден, что в душах их живет Сам Бог, Которому посвятили они себя». Если св. апостол так одобрял жизнь девственную (1 Кор. 7, 32–34), то естественно, что еще со времен апостольских являлись в Церкви Божией чистые девственницы, проводившие жизнь в молитве и воздержании. Ученик апостольский св. Игнатий Богоносец писал даже предостережение одному пастырю: «Не возлагай ни на кого ига девства: ибо небезопасно сие стяжание и нелегко сохранить его, когда бывает сие по принуждению». В Александрии, по известию св. Кассиана, основателем девственной жизни был св. Евангелист Марк. Чистые Девы, пламенея любовью к Небесному Жениху своему, обыкновенно бывали первыми мученицами в гонениях за веру, и жизнь девственная в бурные времена не получала определенного устройства. Как великий Антоний явился основателем пустынной отшельнической жизни, так св. Синклитикия была начальницей пустынного общежития для дев и жен.

Она родилась в Александрии от родителей, вышедших из Македонии, богатых и благочестивых. У нее была сестра и два брата, и все дети воспитывались добрыми родителями в христианском благочестии. Младший брат умер рано; другого, когда был он 25 лет, приготовлялись женить, но молодой человек вырвался, как птица из тенет, ушел в пустыню. Дочь богатых родителей и прекрасная лицом, Синклитикия рано увидала женихов, домогавшихся руки ее; родители желали выдать ее замуж. Но она отклоняла от себя предложения о супружестве. У нее были желания другой жизни. Не тешили зрения ее ни наряды, ни дорогие каменья, и музыка не увлекала собою души ее. Она молилась и в молитве находила для себя лучшие утешения. Убежденная в том, что самый опасный враг для нее — молодое тело ее, она любила поститься и смиряла плоть воздержанием и трудами. Она так приучила себя к жизни умеренной, что, если случалось ей принимать пищу не в определенное время, это томило ее, лицо становилось бледным и тело слабело.

Смерть родителей доставила ей свободу вполне предаться той жизни, которую давно избрала она душой. Она продала имущество, раздала деньги бедным, взяла с собой слепую сестру свою, полюбившую уединение, и удалилась в одну из близких к городу гробниц, принадлежавшую родственнику ее. Тамошние гробницы были довольно обширны, чтобы быть жилищем для двух, хотя и не просторны. За этим шагом великой девственницы следовал другой на пути отречения ее от мира. Женщины того времени считали волосы свои лучшим украшением своего пола. Синклитикия пригласила пресвитера, и он, по ее желанию, обрезал волосы ее. Это значило, что она совершила полное отречение от мира и его радостей. Современный св. архипастырь Александр писал деве: «Одежды твои не должны быть из дорогой материи. Верхняя одежда должна быть черной, некрашеной; головное покрывало такого же цвета, без бахромы; рукава должны быть шерстяные, покрывающие руки до перстов; волосы на голове подрезаны кругом; головная повязка шерстяная; кукуль и наплечник — без бахромы. Если встретишься с мужчиной, покрой лице твое и не смотри на человека, а только на Бога».

Благочестивая жизнь дома родительского приготовила Синклитикию к строгой жизни, какую стала она вести в новом жилье своем. Впрочем, она соразмеряла строгость подвижничества с состояниями души и тела своего. Когда чувствовала она сильное восстание плотской брани, она ела только хлеб из отрубей, не пила воды, ложилась на голой земле. Когда ослабевало искушение, смягчалась и строгость ее к себе. Она

вела жизнь с духовным рассуждением, опасалась доводить тело до расстройства. Мы видели, говорит биограф ее, таких, которые неумеренным и безрассудным пощением нанесли себе вреда более, чем мог бы нанести дух злобы.

В духовной брани Синклитикия поступала так, как поступают на море. Во время жестокой бури не думают ни о пище, ни о питье, а обращают все внимание на спасение корабля от гибели. Когда пройдет буря, напряжение сил ослабляется и люди принимают пищу и покой. На корабле знают и то, что находятся на изменчивой и коварной стихии. Потому не предаются беззаботной лени и неге, а содержат в готовности снасти на случай новой бури. Так должно быть и в духовной жизни. Так вела жизнь свою Синклитикия!

Великая подвижница желала быть безвестной для всех в своем уединении. Но Господь восхотел употребить ее на освящение многих других дев и жен. К ней стали приходить для выслушания советов ее; другие желали жить с ней, чтобы пользоваться если не словесными наставлениями, то примером жизни ее. Синклитикия долго отказывалась предлагать советы и отвечала на просьбы одними вздохами. Но, наконец, уступила настойчивым желаниям ревнующих о душевном спасении. Так образовалось при ней общежитие девственниц, и она была матерью–наставницей многих.

Образ жизни девственниц предписан был тогда св. Афанасием. «Да будет, — писал он деве, — всегдашним занятием твоим упражнение в Священном Писании. Имей Псалтырь и учи псалмы. Восходящее солнце да видит в руках твоих книгу, и по третьему часу посещай церковное собрание, в шестом часу совершай молитву с псалмами, плачем и прошением, ибо в сей час Сын Божий был повешен на кресте; в девятом часу в пениях и славословии умоляй Бога, ибо в сей час Господь, вися на кресте, предал дух свой Богу. Вставай в полночь и воспевай Господа Бога твоего, ибо в оный час Господь наш восстал из мертвых и воспел Отца. Вставши, сначала прочти стих: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 69). Потом молись и читай 50–й псалом. Поутру читайте сей псалом: *Боже, Боже мой, к Тебе утренюю* (Пс. 62). Также: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение, благословим Тя* и проч. Если будут с тобой девы, то и они должны петь псалмы, и одна после другой совершайте молитву; пред трапезой так благодари Господа:"Благословен Бог, милующий и питающий нас от нашей юности и дающий пищу всякой плоти, исполни радостию и веселием сердца наши, дабы мы, имея всякое довольство, богаты были для всякого дела благого, во Иисусе Христе Господе нашем, с Которым Тебе подобает слава, честь и поклонение, со Святым Духом, во веки веком, аминь". Когда, раздробив хлеб, положишь его на стол, прочти молитву всю"Отче наш". Когда встаешь из␦за стола, опять читай"Благословен Бог"и трижды повтори:"Щедр и милостив Господь, пищу даде боящимся Его; слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков". Если сидишь за трапезой с девами, то вкушай с ними все предложенное. Ибо когда ты не будешь есть, то будут думать, что ты осуждаешь их».

Когда св. Синклитикия, уступив желаниям других, стала преподавать советы искавшим их, то опытная мудрость советов ее оказалась такой, что не только руководимые ею девственницы глубоко запечатлевали советы се в сердце своем, но их записывали для будущих времен, и они потом изучаемы были наряду с советами великих духовных наставников.

«Мы все знаем, — говорила она, — как спастись, но не спасаемся по нерадению. Прежде всего нужно сохранять сию заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею и ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22, 37, 39).

Много трудов и подвигов предстоит приходящим к Богу, но потом ожидает их радость. Желающие развести огонь сперва задыхаются от дыма и плачут, а потом достигают, чего ищут; так и мы должны воспламенять в себе божественный огонь со слезами и трудами. Наше звание есть не что иное, как отречение от жизни и помышление о смерти. Как мирские вельможи поручают слугам различные должности: иных отсылают в деревни для возделывания земли, и те там плодятся, а детей, если найдут хорошими, берут в дома свои для услуг, так и Господь лучших детей поставляет на служение себе. Они

свободны от всех мирских занятий и питаются от стола Господня. Если мирские жены, сочетаясь с мужем, много заботятся об умовениях, о благовонных мазях и различном убранстве, что бы быть прелестными, то тем более мы, обреченные Небесному Жениху, должны превосходить их в старании, должны омыть скверны грехов подвижничеством».

«Если ты живешь в общежитии (киновии), то не переменяй места, иначе выйдет из того большой вред для тебя. Если птица слетает с яиц, они делаются болтнями и бесплодными; так и монах или дева, если переходит с места на место, охладевает и умирает для веры».

«Живя в киновии, мы должны предпочитать послушание подвижничеству. Последнее располагает к высокомерию, а первое к смирению. Мы должны с рассуждением управлять своей душой. Так как живем мы в киновии, то не надобно нам приобретать собственность и не надобно служить своей воле; мы, как бы ссылая себя, предали все по вере духовному отцу, отреклись от всего мирского, не должны искать того, откуда вышли».

«В чувства наши, — говорила она, — хоть бы мы и не хотели, влезают воры. Как может не зачерниться внутренность дома, когда окружен он дымом, а окна отворены? Не предосудительно ли смотреть на улице обнаженных до непристойности и произносящих слова нескромные? От сего рождаются мысли тревожные и вредные».

«Если ты победила любодеяние грубое, старайся, чтобы враг не вложил любодеяния в ощущения твои. Он часто воздвигает внутреннюю брань, припоминает отшельницам красивые лица, нескромные разговоры. Не должно сдружаться с такими представлениями: они полагают путь ко греху. Если явится в твоей мысли образ красивого лица, гони его вон, — представь все тело любимого предмета в смердящих ранах и гное, представь мертвым трупом, — и порочное желание оставит душу. Мы, принявшие на себя обет чистоты, должны сохранять целомудрие совершеннейшее. И у мирян, по–видимому, есть целомудрие, но у них много неразумия, потому что они грешат всеми чувствами: они и смотрят нескромно, и смеются бесчинно».

«В этом веке нет для нас безопасности. Кто стоит, говорит апостол, пусть остерегается, чтобы не пасть. Плывем мы в неизвестной стороне».

«В море есть более опасные места, есть и покойные. Мы плывем в покойной стороне моря, а мирские — в местах опасных. Мы плывем при свете Солнца Правды, а они несутся в ночи неведения. Впрочем, бывает, что мирские, плывя в темноте и опасности, от страха крепко кричат пред Богом, бодрствуют и так спасают корабль; а мы по нерадению тонем, оставляя управление правды».

«Хорошо не гневаться. Но если случится предаться гневу, то не позволено тебе и дня оставаться в этой болезни. Солнце да не заходит в гневе вашем (Еф. 4, 26). Зачем ты ненавидишь оскорбляющего тебя человека? Гневайся на болезнь его, если можешь, а не на больного. Гнев еще меньшее зло; самое тяжкое зло — злостное памятование о зле. Гнев, на короткое время встревожив душу, проходит, а злопомнение делает ее лютее зверя».

«Не слушай речей злословия, чтобы не быть вместилищем чужих пороков. Если примешь в себя нечистые речи, положишь пятно на твою молитву. Наслушавшись худых отзывов, на всех будешь смотреть косо и ненавидеть без всякой причины. Люби врагов, не презирай беспечных и нерадивых. Истинно добродетельные, подражая Господу, евшему с мытарями и грешниками, заботятся о спасении грешников и употребляют все средства наставлять их на путь спасения. Впрочем, тому, кто сам не испытал деятельной жизни, опасно приниматься за научение».

«Враг нападает сперва объядением, негою и любодеянием. Эти ветры дуют особенно на возраст молодой. Когда душа воздержала чрево, победила чистотой чувственные удовольствия, является гордость или сребролюбие; в уме являются мысли о первенстве, учении, дарованиях, заслугах. Отшельница, если

придут к ней такие помыслы, пусть идет в киновию. Пусть она принудит себя есть два раза в день, — она должна выполнять все службы и выслушивать укоры».

«Сокровище открытое похищается легко: так и добродетель, когда о ней публикуется, может пропасть. Воск тает от огня, так душа ослабляется похвалами и теряет твердость добродетели».

«Когда болезнь тяготит нас, не надобно нам скорбеть о том, что от боли и ран не можем петь псалмы устами. Болезнь и раны служат к истреблению похотений; а пост и земные поклоны предписаны нам также для укрощения страстей. Если же болезнями исторгаются страсти, то не о чем заботиться. Великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них благодарить Господа».

Заботы Синклитикии о вверившихся ей душах не слабели никогда. Она возбуждала одних, ободряла других; забывчивых обращала к добру строгостью, слабых и малодушных поддерживала материнской любовью.

В себе самой Синклитикия показала пример терпения, подобного терпению Иова. Ей было 80 лет, когда посетила ее изнурительная лихорадка; она томила ее более трех лет, огонь пожирал ее, не давая отдыха. Потом от загнившего зуба начали гнить у нее десны; гниение перешло на всю щеку; через 40 дней обнажились кости, едкая материя заразила все тело. Гниение и зловоние так были сильны, что и те, которые прислуживали ей с любовью, страдали сильно. В этом мучительном положении святая не искала себе облегчения, переносила все терпеливо. Когда явился медик, приглашенный сестрами, она говорила: «Для чего вы хотите остановить полезную для меня борьбу?» — «Мы вовсе не думаем, — сказал ей медик, — ни облегчить, ни исцелить вас, хотим только умастить умершие члены тела вашего, чтобы остановить в них заразу, опасную для прислуживающих вам». «Если это не для меня, то пусть будет по–вашему», — сказала страдалица. Еще более трех месяцев страдала она, и жизнь ее держалась только волей Божией. Никакой пищи в это время не могла она принимать, сон ее был на минуты. «Через три дня я буду разлучена с моим ничтожным телом», — сказала она наконец. И в назначенный день душа ее отлетела ко Господу, Которого она так крепко возлюбила на земле.

Блаженная кончина ее последовала около 350 г.

Святая Сарра

По древнему известию, блаженная девственница Сарра была настоятельницей девичьей общины. Она шестьдесят лет прожила в тесной келье своей на берегу Нила и ни разу не взглянула на реку. Духовная твердость ее была изумительная. Много случалось с ней разных искушений, то болезни, то обиды: она терпела и молилась, оставаясь верной обету. Докучливые образы суеты мирской, иногда прелестные и чарующие, прогоняла страхом Божиим.

Со страстью блуда боролась она 13 лет и никогда не просила о прекращении борьбы, а только молилась: «Дай мне, Господи, крепость». Раз, когда искушение было сильнее и настойчивее, она, в глубоком сокрушении и трепете пред геенною, взошла на крышу кельи и предалась усиленной, горячей молитве. Демон, явясь ей в человеческом образе, поклонился ей и сказал: «Ты победила меня, Сарра». Она, понимая значение хвалы его, отвечала: «Тебя победил Господь Иисус, а не я, грешная».

Слава о ее высоком подвижничестве призывала к ней посетителей. Два известные подвижника пришли из Пелузийской пустыни видеть Сарру. Побеседовав с нею о пользе душевной, они, на прощанье, положили: поучим старицу смирению. «Смотри, — сказали они ей, — не превозносись умом твоим, не говори: вот и отшельники ходят ко мне, женщине». Сарра отвечала: «Да, я точно слабая и бедная женщина; но стараюсь, сколько могу, держать душу при бодрости и мужестве». Она говорила это в тех мыслях, что слабость пола не увольняет никого от долга борьбы христианской и что звание рабы Христовой обязывает к ревности духовной и жену, как и мужчину.

Она говорила: «Если я буду желать, чтобы все люди были довольны мною, то должна буду стоять с поклонами у дверей каждого. Но лучше буду молиться, чтобы сердце мое было чисто пред всеми».

Она особенно часто помышляла о смерти и побуждала себя к готовности стать на Суде Божием не со стыдом и бесполезной тугой. «Когда поднимаю ногу свою, — говорила она, — чтобы взойти на лестницу, то представляю себе смерть и потом всхожу на лестницу».

В числе наставлений, слышанных от нее, чаще других встречали настояние ее быть милостивыми к бедным. «Хорошо, — говорила она, — подавать милостыню и для людей; пусть она подается и по человекоугодию, но, повторяемая, она обратится в дело чистой любви к Богу».

Память о св. Сарре совершается в сырную субботу, когда воспоминаются все великие подвижники.

Св. Феодора

Святая девственница Феодора подвизалась в Александрии: по памятникам называется она Александрийской. По наставлениям ее более чем вероятно, что она была настоятельницей общины дев. По ее же словам видно, что она жила в то время, когда Александрийской Церковью управлял архиепископ Феофил. Между письмами св. Исидора Пелусиотского, жившего во время Феофила и Кирилла Александрийских, есть послание к александрийским инокиням–сандальницам. Это название значит, что инокини блаж. Феодоры носили на ногах сандалии, тогда как фиваидские пустынницы ходили босыми. «Женский пол, — писал преподобный, — не имеет права на снисхождение: он может мужественно противостоять обольщению и отражать нападения пожеланий. Учат этому славная Сусанна, дочь Иефая, и достойная удивления Иудифь… А глава женских побед и трофеев всехвальная Фекла, стоявшая неизменным столпом девства, как огонь, возгоревшись среди волн страстей, приплыла в безопасную пристань. Если желаете быть таковыми, сохраняйте неугасимыми лампады: скоро придет Жених. Да не усыпит вас какой-либо сон сладострастия, который сонливых и нерадивых оставляет за дверями брачного чертога». Блаженная Феодора бодро ожидала Небесного Жениха, зорко смотрела за состоянием души своей, не допуская власти греха над собой. По памятникам остается за нею название св. Феодоры щедролюбивой. Это значит, что она отличалась в жизни своей особенной любовью к подвигам милосердия. Подвигами многих лет достигла она высокой духовной опытности, так что наставления ее записывались и перешли в книгу духовных советов.

Она приглашала избирать тесный путь, указанный Спасителем, как путь, необходимый для духовного совершенствования. «Старайтесь, — говорила она, — входить тесными вратами. Если бы деревья не подвергались в холодное время напору ветров, дождю и стуже, то летом не приносили бы плодов. Жизнь земная с ее невзгодами — наша зима. Если не станем переносить скорби и испытания — не ожидайте себе покоя за гробом».

«Неоценимы выгоды уединенной жизни, особенно для дев и отшельников молодого возраста. Но надобно строго наблюдать за собой, чтобы не утонуть в лени или унынии. Под предлогом желаемого душевного мира предаются покою телесному и доходят до бед душевных; появляется чувство усталости, расслабление колен, появляется то та, то другая болезнь."Болен я, — говорят, — не могу прочитывать положенных молитв". Но дело в том, что не возбуждают себя к твердости. Один монах при наступлении часа молитвы ощущал лихорадку и боль в голове. Раз он говорит себе:"Да, я чувствую себя дурно; пожалуй, я умру: пусть же встану и помолюсь Богу прилежнее обыкновенного". Так он вынудил себя стать на молитву и читал положенные молитвы. Оказалось, что еще не окончил он молитв, как чувствовал легкость, и когда прочел, то пропала вся болезнь. После того он стал бороться с лукавой ленью точно так же и каждый раз чувствовал себя после молитвы свежим и здоровым».

«Христианин, разговаривая с манихеем, настаивавшим, что тело — источник зла и дело демона, отвечал ему умно:"Подчините тело ваше христианскому умерщвлению и убедитесь, что тело создано Богом"».

«Один уважаемый человек, — говорила она еще, был осыпаем жестокой бранью. Выслушав брань, отвечал он покойно:"Я мог бы отвечать вам такой же бранью, но Христов закон заграждает мне уста"».

«Ни бдения, ни телесные труды не доведут нас до спасения, если нет в душе смирения. Был святой пустынник и изгонял духов из бесноватых. Раз спросил он демона, что прогоняет его, не пост ли?"Нет, отвечал тот, — и мы постимся". — "Не бдение ли?" — "Нет, ты знаешь, что и мы не спим и бываем очень деятельны". — "Не пустынная ли жизнь?" — "Нет, и мы ходим по пустыням". — "Какая же добродетель

изгоняет вас?" — "Смирение побеждает нас, смирения не терпим мы", — отвечал тот. Видите, — продолжала Феодо–ра, — смирение есть та добродетель, которая дарует нам победу над злыми духами».

Она не дозволяла никому оставлять своей кельи по причине искушений. «Искушения, — говорила она, — пойдут за нами везде. Пустынник, мучимый искушением, собирался совсем в дорогу, чтобы оставить свою келыо. Но неожиданно видит, что кто‑то в человеческом образе надевает сандалии и говорит ему:"Ты, может быть, ради меня удаляешься отсюда; но уверяю тебя, что я хожу скорее тебя и, куда бы ты ни пошел, везде найдешь меня". Видите, он еще насмеялся над неопытным отшельником».

Вот прекрасный урок, данный святой для начальствующих! «Кто не умеет, — говорила она, — вести другие души ко спасению, пусть откажется и от мысли о начальствовании. Начальник не должен питать в себе ни гордости, ни желания власти. Он не должен быть игрушкой лести и не должен ослепляться подарками. Начальник должен быть кроток, исполнен смирения, терпелив; он должен быть строго честен и прямодушен; должен быть кстати снисходительным и в свое время строгим. Любовь его должна заботиться о других, как о самом себе». Св. Феодора почила около 415 г.

Св. Александра и св. Пиамука

В окрестностях Александрии, при св. Златоусте, было много спасавшихся девственниц. Иные жили в отдельных кельях, другие в киновиях. «В стране Египетской, — говорит великий проповедник, — в Антиохии, можно видеть Христово воинство, чудное общество, образ жизни, свойственный небесным силам. И это не только между мужчинами, но и между женщинами… И жены часто превосходят подвигами своих мужей и воздвигают знамения блистательной победы».

Близ Александрии спасалась и спаслась в могильной пещере великая девственница Александра. «Не могла я, — говорит усердная посетительница восточных отшельников Мелания–старшая, — видеть сию блаженную в лице, но, став у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя в могильной пещере. Она отвечала мне через отверстие:"Один человек сходил с ума по мне; чтобы не огорчать и не бесчестить его, я решилась лучше заключить себя живой в этой гробнице, чем портить душу, созданную по образу Божию". Когда сказала я ей:"Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь и одна борешься со скорбью и помыслами", — она отвечала:"С самого утра часа до девятого я молюсь; с часа пряду лен; в остальные часы дня припоминаю себе сказания о вере святых отцов и Патриархов о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников; когда наступает вечер, я, принесши славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благою надеждою и явлюсь лицу Христову". Пищу приносила ей одна добрая женщина и передавала через отверстие пещеры. Иначе затворница не показывалась на глаза ни мужчине, ни женщине. Так подвизалась она до двенадцати лет! Чувствуя близость кончины, приготовила она сама себя к погребению. Раз женщина, принеся пищу, не получает никакого ответа затворницы. Поняв, что она почила, дала знать о том в городе. Целые толпы поспешили из города к пещере великой подвижницы, открыли вход в пещеру и увидели, что Господь, по ожиданию подвижницы, принял ее к себе в селение праведных».

Так как Мелания беседовала с затворницей не раньше 373 г., а Палладий, путешествовавший по пустыням Египта с 388 г., уже не застал ее в живых, то кончину Святой надобно относить к 376 году.

Святая девственница Пиамука (Пиама) взошла на дивную степень духовного совершенства в доме матери. Она жила и здесь как в затворе, уединенно, не видалась с людьми пустыми, принимала пищу через день, после молитвы пряла лень. Так говорит о жизни ее Палладий. При такой простоте жизни, но и при зорком наблюдении за своей душой, она так преобразовала свою душу, что Господь удостоил ее дара прозрения. Последнее открылось по особенному случаю. Так как Нил разливом вод своих оплодотворяет поля, то поселения, дорожа благодетельной влагой, задерживают ее на полях искусственными загородя–ми; при этом немощи людские поднимают спор и ссоры, нередко сопровождаемые драками. Община, более многолюдная, чем та, где жила Пиамука, поклялась истребить за воду слабое поселение. По молитвам Аммы Шиамы Бог спас от преступления и смерти. Ангел открыл Пиамуке о злодейском замысле соседей. Она, созвав старшин села своего, объявила им о замысле. «Ступайте, — говорила она, — встречайте тех, которые идут на вас, упрашивайте их, чтобы удержались от боя». Старшины в страхе пали ей в ноги и говорили: «Мы не смеем идти навстречу им; мы знаем пьяную жизнь их и их буйство; сотвори новую милость с нами, иди сама к ним и уговори их оставить нас в покое». Она не поступила по их просьбе, не пошла иметь дело с людьми, от сношения с которыми давно отказалась, а обратилась к Господу; удалясь в свой домик, провела всю ночь в молитве. «Господи! — так молилась она. — Ты Судия земли и не любишь неправды, прими молитву мою, пошли силу Твою, чтобы устремившиеся на погибель нашу стояли как столпы на месте, где встретит их сила Твоя!» И молитва ее была услышана. Неприятели на третьем камне от села остановились и не могли сдвинуться с места. Им также было дано знать, что задерживает их

молитва праведницы. Они прислали послов своих в село и просили мира. «Благодарите, — говорили, — Бога, Который по молитвам девы Пиамуки избавил вашу собственность от истребления».

Память о св. Пиамуке (Пиаме) чтится марта 3–го дня и в субботу сыропустную.

Тот род подвижнической жизни, какой проходили блаженные девы Александра и Пиамука, много имеет своих преимуществ: но он соединен и со многими опасностями. По наблюдениям духовного опыта, жизнь наедине сближает с гордостью или отчаянием, а иногда со страстью к корысти, тогда как общежитие отнимает пищу у этой последней страсти и обламывает угловатую гордость. Вот и пример, выставленный Палладием из жизни, современной свв.. Александре и Пиамуке.

В Александрии была девственница. По виду она была смиренна, но в душе горда и любила более деньги, чем Христа. Она была богата, но не подавала пособия ни страннику, ни деве, ни монаху, ни обиженному, ни бедняку, ни в церковь. Она взяла себе на воспитание дочь сестры своей. Ей–то день и ночь обещала она свое имущество, расставшись с любовью к Небу. Бедная обманывала сама себя. Сперва заразилась она страстью к деньгам; потом и любовь свою к племяннице довела до страсти, под влиянием тщеславия. Кто поработил душу свою заботе о родных, тот подлежит суду закона за то, что мало ценил свою душу. Больную девственницу решился излечить пресвитер Макарий, надзиратель богадельни увечных. В молодости своей он был ювелиром, о чем знала и дева. Придя к ней, говорит он: «Попались мне дорогие камни — изумруды и яхонты; краденые они или некраденые, не умею сказать, только камни высокой цены; владелец продает их за 500 червонцев; это чудный наряд для твоей племянницы». Дева, привязанная к племяннице–невесте, говорит: «Сделай милость, не уступай их никому, вот тебе деньги». И выдала 500 червонцев. Святой Макарий употребил деньги на нужды богадельни. Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях. «Он пользовался высоким уважением, как старец весьма благочестивый и милостивый; он жил около ста лет, и я еще застал его в живых», — замечает Палладий. Наконец, встретившись с ним в церкви, дева говорит: «Что ж камни, за которые дано 500 червонцев?» Он отвечал: «В тот же день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни; пойдем в странноприимный дом, они там у меня; если не понравятся тебе эти камни, возьмешь свои деньги назад». Когда пришли они к дому, старец говорит: «Что угодно тебе видеть сперва: яхонты или изумруды?» — «Что хочешь», — отвечала она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал: «Это вот яхонты!» Потом, сойдя вниз, указал на таких же мужчин со словами: «А это — изумруды! По–моему, драгоценнее этих камней нигде не найти! Впрочем, — прибавил он, — если они не нравятся тебе — возьми свои деньги назад». Пристыженная девственница вышла и, придя в себя, занемогла от скорби. Но после она благодарила старца, когда племянница ее, выйдя замуж, умерла бездетной. Она и сама стала употреблять свое имущество как должно.

В наших штатных обителях, где деньги делятся по рукам, нередко попадаются подобные больные!

Св. Евфросиния

«Есть разные пути ко спасению», — так начинается сказание древнего Менолога о св. Евфросинии.

При Феодосии–младшем в Александрии жил добрый христианин Пафнутий, человек очень богатый и уважаемый. Жена его была также добрая христианка и долго не рождала детей. Пафнутий много делал благодеяний для обителей и бедных. Наконец родилась ему дочь Евфросиния. Ей дано было образование по состоянию. На 12 году, лишась матери, дочь была предметом самых нежных забот отца. Умная и красавица собою, она пленяла молодых людей. Нежный отец сделал выбор между женихами, обещал руку дочери молодому человеку, отличному по уму, по сердцу и по благородному происхождению. Но блаженная Евфросиния, воспитанная с юности в благочестии, желала пламенно жить для одного Господа. Она теперь скорбела о том, выполнится ли желание ее.

Один из братий обители, которой особенно благотворил Пафнутий, послан был игуменом пригласить благотворителя на храмовый праздник обители. Не застав в доме отца, он увиделся с дочерью. Евфросиния, расспросив его подробно о жизни монастырской, открылась перед ним, что очень желает она посвятить себя на служение Богу, но что отец, который страстно любит ее, уже отдал руку ее жениху и никак не согласится отпустить ее в монастырь. Инок объяснил ей преимущества девства и дал совет пригласить к себе старца, иеромонаха их, когда отец будет на празднике в обители. Евфросиния так и поступила и провела всю ночь в молитве о исполнении над нею воли Божией. Пришедший старец, после беседы о значении самоотречения христианского, остриг волосы ее и одел ее в иноческую одежду. Оставалось скрыться в обитель, но в какую? В девичьей обители страстный отец мог отыскать ее. Евфросиния оделась в одежду инока и явилась с именем евнуха Смарагда в обитель Феодосиеву, где было до 350 братий,

Феодосии, которому Евфросиния назвала себя евнухом, служившим при царском дворе, но наскучившим мирской суетой, поручил Смарагда опытному иноку Агапиту. Евфросинии было тогда 18 лет.

Красота Смарагда, похожая на красоту женскую, стала предметом смущения для некоторых, которые еще не победили своих немощей, и они жаловались на то настоятелю. Игумен призвал Смарагда и предложил ему жить в уединенной келье. Евфросиния с радостью приняла совет. В строгом затворе прожила она 18 лет. В продолжение этого времени отец много раз бывал в монастыре со скорбью о пропавшей дочери и просил братию молиться об отыскании следов ее. Раз, когда он особенно сильно скорбел пред настоятелем о дочери, настоятель говорит ему, не хочет ли он побеседовать с благочестивым братом, служившим при царском дворе имп. Феодосия? Пафнутий изъявил желание. Настоятель приказал Агапиту отвести Пахомия к затворнику Смарагду. Евфросиния, увидев любящего отца, заплакала. Но Пафнутий не узнал дочери: красота ее от бдений и слез поблекла, да и она же закрыла лицо свое головным покрывалом. Она говорила отцу о вечности и славе небесной, о смирении и чистоте, о любви и милосердии, приближающих к Богу, — благости бесконечной; говорила о том, что любовь к детям не должна превышать любви к Господу и что скорби времени, если переносятся терпеливо, усовершают душу для неба; уверяла благостью Божией, что дочь его при стольких молитвах непременно была бы найдена, если бы она была на пути недобром, и что, во всяком случае, Господь утешит его в свое время. Беседа дочери оживила оскорбленную душу отца. «Я так много получил пользы от брата, как бы нашел дочь мою», — говорил он настоятелю.

Не будем думать, что деве чистой жить в обществе мужчин было легко или при свидании с нежным отцом не тяжко было смотреть на душевные страдания его. Она боролась с природой, от поста и борьбы харкала кровью, но при помощи благодати побеждала природу. Св. певец поет: «Странное зрелище, не

легко понятное для естества человеческого… Как ты прошла сквозь огонь, не обжегшись? Ты испепелила сласти похоти огнем воздержания, молитвой и слезами доискивалась Бога. Разжегшись огнем святой любви, ты сожгла хворость слабостей, и, разгоревшись огнем любви к Господу, ты, чудная, засияла лучами чудес!»

После блестящих побед над природой св. Евфросиния приблизилась к кончине своей, лежала тяжко больной. На то время отец се прибыл в монастырь. Узнав о смертной болезни Смарагда, он говорил с глубокой скорбью: смерть Смарагда будет для него тяжелой потерей; ему одному обязан он той покорностью Промыслу, с какой переносит потерю дочери. Он выпросил у настоятеля дозволение видеться с затворником в последний раз. Больной затворник, при свидании с Пафнутием, просил его остаться на три дня в монастыре и обещал открыть ему нечто неожиданное. Пафнутий полагал, что затворник имел видение о его дочери и остался ждать. Спустя три дня пришел он к Смарагду. Тогда святая открыла ему, что он в келье дочери своей, оставившей жениха и отца для Господа; она просила отца не дозволять никому прикасаться к телу ее, но пусть он, отец, обмоет тело грешной дочери своей; наконец, просила и о том, чтобы отец отдал монастырю имущество, которое могло принадлежать ей. И вслед затем испустила дух свой иа руках отца своего (около 445 года).

Открывшаяся тайна, смерть так долго отыскиваемой дочери, произвела на отца потрясающее, но понятное действие. С громким воплем упал он без чувств на пол. Агапит, услышав крик его, поспешил дать ему пособие и дал знать настоятелю; скоро собралась вся братия. Тайна стала известной всем, и все воздали хвалу Богу, подавшему крепость для победы в борьбе столько трудной. Пафнутий отдал значительную часть имения своего монастырю, остальное раздал бедным и решился провести остаток жизни в келье дочери. Спустя 10 лет умер он на той самой рогожке, на которой умерла дочь его.

Благодать Божия открылась в теле Евфросинии чудом, спустя несколько часов после ее смерти. Один из братий, слепой на один глаз, припав к умершей, со слезами молился и вдруг поднялся с лицом веселым: он внезапно прозрел.

Церковь празднует память о святой Евфросинии сентября 25 дня.

Тем же путем, по которому шла прп. Евфросиния, лет за 50 до нее шла и достигла Небесного Царствия подвижница Ликопольской пустыни. Преступно, оскорбительно для совести чистой, если жена является в одежде мужчины по легкомыслию, по движениям греха, особенно женщина, предъявляющая права на деятельность мужчины в кругу общественном, — великое, уродливое явление. Это не женщина и не мужчина, а погибший член людской. В отношении к обществу природа указала место женщине — семью, тут она полезный деятель. Другое дело, когда хотят жить только для себя и Господа, ищут спасения своего. Одежда мужчины может оказаться необходимой жене, даже для спасения жизни телесной. По отношению к душевному спасению, если одежда мужчины оберегает женщину и от одного праздного любопытства жен, самого докучливого и самого бесплодного, — и это уже великая выгода для души; но она не может спасать жену и от похотливых очей мужчины. Если же с одеждой мужчины жена соединяет глубокое молчание, то она совершает самый тяжелый подвиг, так как говорливость — досадная слабость женской организации.

Скитский авва Виссарион, который скончался не позже 390 г., странствуя с учеником своим Дулою по пустыне около Ликополя, зашел в пещеру. Наставник и ученик нашли здесь пустынника–старца, который вьет веревки из пальмовых листьев; по входе их пустынник не обратил на них никакого внимания, не приветствовал их, не обратился к ним с вопросом или просьбой, а продолжал в молчании свое дело — работу и молитву. «Пойдем отсюда, — сказал авва ученику, — старец не получил извещения, чтобы говорить с нами». Спустя несколько времени, возвращаясь назад, шли они опять мимо пещеры. Авва Виссарион сказал ученику своему: «Зайдем опять сюда, может быть, Бог даст, что сей старец поговорит с нами». Входят в пещеру и видят, что пустынник умер. Наставник сказал ученику: «Похороним почившего,

на это и послал нас Бог сюда». Когда стали совершать обряд погребения, увидали, что это — жена. И учитель и ученик поражены были изумлением. «Смотри, чадо, — сказал авва, — вот и жены в пустыне успешно ведут брань с духом злобы и одолевают его, а мы не бодрствуем». Учитель и ученик прославили Господа.

Св. Фомаида

Авва Даниил, который 40 лет прожил в общежитии, потом с 420 г. жил отшельником в Скитской пустыне, пришел с учеником своим в Александрию, и при них случилось следующее: сын инока октодекадского имел молодую жену Фомаиду. Отец, бывая у сына, разжигался похотью на сноху, обнимал и целовал ее, та принимала эти ласки, в простоте чистой души, за выражение любви родительской. В одну ночь товарищи рыбаки вызвали сына–рыбака на рыбную ловлю. Отец стал приставать к снохе с явным грешным требованием. «Что с тобою, отеп? Оградись знамением креста Господня и отойди», — сказала Фомаида. Тот, распалившись похотью, не отходил, а приставал. Фомаида сопротивлялась твердо. Над кроватью сына висел меч. Схватив меч, отец стал грозить Фомаиде, что убьет ее, если не послушается его. Фомаида отвечала твердо: «Хотя бы рассекали меня на части, никогда не соглашусь я на беззаконие».

Распаленный гневом, несчастный преступник ударил Фомаиду мечом и убил. Приходят другие рыбаки звать сына и видят убийство. Отец говорит им: «Ведите меня к князю, я — убийца». Авва Даниил, узнав об том, говорит ученику: «Надобно с честью похоронить тело страдалицы». Он идет в Октодекадский монастырь александрийский; его встретил настоятель с братией. Старец сказал инокам: «Тело Фомаиды должно быть положено не иначе, как с отцами». Иные с ропотом отозвались: «Вот велит положить тело вместе с отцами». Старец сказал: «Это отроковица — амма (мать) мне и вам, она умерла за чистоту». Тогда никто более не возражал старцу и она погребена была с отцами.

В одно время в скиту восстала блудная брань на брата, и он объявил о том авве Даниилу. «Иди, — сказал ему старец, — в Октодекадский монастырь, в гробницу отцов и молись там так:"Боже, для молитв святой Фомаиды, помоги мне"». Брат поступил так, как велел старец, и, возвратясь из Октодекадского монастыря, пал к ногам старца. «Бог по молитвам твоим избавил меня от блудной брани», — говорил брат. «Не то говоришь ты, говори, как освободился ты?» — сказал старец. Брат отвечал: «Я сотворил только 12 поклонов и, наклонившись на гробницу, заснул. Приходит отроковица и говорит мне:"Прими сие благословение и иди с миром в келью свою". И я почувствовал, что брань перестала. Но что значит то благословение, не понимаю». Старец сказал: «Благословение — дар мученицы целомудрия; такое дерзновение имеют перед Богом подвижники чистоты».

Русский поклонник святынь инок Зосима в 1420 г. писал о Царьграде: «Монастырь женский, идеже лежат мученики Козьма и Дамиан, и тут лежит Фомаида блаженная, яже посечена бысть от свекра… И даде ей Бог исцеления, иже кому брань плотская приходит. И прилегают, и поклоняются гробу ея, и абие отходит брань молитвами ея».

Верность дому супружества награждается Господом и в этой жизни. «Пришли мы в Аскалон, — пишет блаженный Иоанн Мосх, — и авва Евгений, пресвитер, рассказывал нам. Один купец из нашего города, пустившись в море, лишился всего собственного и чужого, только сам спасся. Когда он прибыл сюда, то был взят заимодавцами своими, посажен в темницу и лишен всего, что было у него в доме, так что не осталось у него ничего, кроме того, что сам носил и жена его. Жена его от тяжелой скорби и заботы едва могла кормить мужа хлебом. В один день, когда она сидела и ела с мужем своим в темнице, пришел какой-то важный человек подать милостыню узникам, и, увидев жену, сидевшую вместе с мужем своим, уязвился любовью к ней (она была весьма хороша собой), и сказал ей через тюремного сторожа, чтобы она пришла к нему. Она охотно пошла, думая получить милостыню. Отведя ее в сторону, тот человек спросил ее:"Кто ты и зачем здесь?"Она рассказала ему все. Он сказал ей:"Если я заплачу за тебя долг, проспишь ли ты со мною эту ночь?"Прекрасная и вместе целомудренная жена отвечала ему:"Я слышала, господин мой, слова апостола, что жена не владеет своим телом, но муж; итак, позволь мне, господин, спросить об этом

мужа моего, что он прикажет, то и сделаю". Она пошла и сказала обо всем мужу. Благоразумный муж, по любви к жене своей, не захотел таким средством освободиться из темницы. Но, тяжко вздохнув, со слезами сказал жене своей:"Пойди, сестра, откажи этому человеку и скажи: я говорила мужу своему, но он не согласился; нас Бог не оставит". В то же время заключен был в темнице один разбойник, который слышал весь разговор мужа с женой и, вздохнув, сказал сам себе:"В какой крайности они находятся и, однако ж, не захотели купить свободы своей за деньги; они предпочли целомудрие всякому богатству, пренебрегли всем в этой жизни! А я, несчастный, что делаю? Никогда не подумал даже о том, что есть Бог, и вот почему я виновен в стольких злодеяниях". Подозвав их в окно к тому месту, где заключен был, разбойник сказал им:"Я был разбойником и делал много зла, и многих умертвил, и знаю, что когда придет начальник, меня казнят, как убийцу. Увидав целомудрие ваше, я сокрушился за вас. Пойдите вот на это место городской стены, раскопайте и возьмите деньги, которые там найдете, и помолитесь за меня, чтобы я обрел милость". Спустя несколько дней начальник, прибывший в город, приказал вывести разбойника и обезглавить. Спустя день жена сказала мужу своему:"Позволь, господин мой, сходить на то место, о котором толковал нам разбойник, я посмотрю, правду ли он говорил?"Муж отвечал:"Если тебе угодно, ступай". Жена взяла бороздник, пошла вечером на то место и, покопав, нашла горшок с золотом. Она поступила осмотрительно: отдавала деньги заимодавцам понемногу, чтобы они подумали, будто она у других занимает деньги; наконец выплатила всем.

Так она освободила мужа своего. Тот, кто рассказывал нам это, присовокупил:"Вот они сохранили заповедь Божию, и Господь Бог наш возвеличил милость свою над ними"».

Св. Таисия младшая

Скитские отцы Иоанн Колов и брат его Даниил ревновали не только о своем спасении, но и о спасении других. Авва Иоанн Колов говорил: «Нельзя строить дома с верха, а начинают с основания». Что же за основание? «Основание — любовь к ближнему, заботливая о его спасении», — говорит авва. По этой‑то любви авва любил говорить и делать полезное для других. Этою‑то любовью возвращена была к Господу сбившаяся с доброго пути Таисия.

Таисия была дочь богатых и добрых родителей; они учили ее добру, и их уроки не были бесплодными в душе дочери. Оставшись сиротою, она обратила свой дом в приют для странников. Особенно находили у нее покой иноки скитские, посылавшиеся старцами по разным нуждам в город. Так, немалое время принимала она с щедрой любовью пустынных отцов. Наконец средства ее очень уменьшились. Пришлось самой знакомиться с нуждами и горечью нищеты. Явились к молодой девушке дурные люди, и она, потеряв невинность, стала промышлять блудом в Александрии. Скитские старцы, услышав о том, сильно горевали о порче бедной девушки. В общем собрании сказано было Иоанну Колову: «Тебе Бог дал мудрость; сестра Таисия, столько благотворившая нам и которой должны мы оказать любовь за ее добро, слышно, живет худо; посудись, авва, побывать у нее'и поговорить с ней, не придет ли она в себя». Авва отправился. Прибыв в дом Таисии, просил он прислужницу сказать о нем госпоже Таисии. «Вы, иноки, объели и обобрали ее», — отвечала с гневом старая прислужница. Авва перенес брань с кротостью. «Доложи госпоже, — сказал он ласково, — что могу я доставить ей хорошие вещи». Та доложила. «Да, очень может быть, — сказала Таисия, — иноки ходят по берегу моря, и им попадаются дорогие вещи, жемчуг, каменья; пусть войдет». Авва, войдя, сел около Таисии и, взглянув на нее, залился слезами. «О чем ты плачешь, авва?» — тревожно спросила Таисия. «Вижу, — отвечал авва, — сатана играет на щеках и в очах твоих, как не плакать мне?». Услышав это, Таисия, так много любившая прежде добро, почувствовала мерзость новой жизни своей. «Есть ли покаяние для подобных мне, авва?» — спросила она. «Есть», — отвечал авва. «Веди же меня, куда хочешь», — сказала кающаяся грешница. И, встав, пошла за аввой. Тот, идя впереди, изумлялся и говорил себе: «Вот как бросила все за один раз, не сделав и распоряжения о доме». Прибыв вечером в пустынное место, старец устроил для Таисии из песка ложе и, осенив ее знамением креста, сказал: «Спи спокойно». Потом, приготовив невдалеке и для себя такую же постель, помолился и уснул. Пробудясь в полночь, видит -какой‑то светлый путь идет от ложа Таисии к небу и Ангелы возносят душу. Он встал и, подойдя, толкнул Таисию. Оказалось, что она умерла. Смущенный всем тем, что случилось, он пал на землю и горячо молил Господа открыть Свою волю. И вот слышит голос: «И один час покаяния Таисии принят Господом, и принят лучше, чем долгое, но неискреннее покаяние других».

Св. Феодора

Дочь богатых родителей, прекрасная собою, выбрана была в замужество за доброго молодого человека. Молодой муж любил молодую жену, и жизнь их была примером счастливой супружеской жизни. На несчастье, молодой богатый человек страстно влюбился в Феодору. Он сыпал подарки и деньги, уверения и ласки, чтобы совратить Феодору с пути долга. Та не поддавалась греху. Он обратился за помощью к ловкой женщине, занимавшейся обманами разного рода; продажная душа взялась за молодую, неопытную женщину; после многих сатанинских обольщений она успела внушить Феодоре ту мысль, что Бог не видит грехов ночных, и преступление совершилось ночью. Но едва совершен был гнусный грех, Феодора почувствовала жгучее раскаяние. Терзаемая совестью, она не могла переносить присутствия своего мужа, своих родных и знакомых. Напрасно говорила она себе, что грех ее не известен добрым людям и Богу. Совесть ее обличала в неверности мужу и не давала ей покоя. Наконец приняла она твердое намерение бежать из дома и в пустынном месте загладить преступление строгим покаянием.

Сперва явилась она в женский монастырь, где приняли ее с любовью. Игуменья, заметив тоску ее, дала ей читать Евангелие. Когда прочла она здесь: ничто же покровено, еже не откроется; она обомлела от ужаса. Терзая на себе волосы, призналась она теперь настоятельнице в своем преступлении. «Если есть для меня покаяние, — говорила она, — то разрываю связи с миром и стану молить Бога о помиловании». Боясь того, что муж найдет ее в женском монастыре и не допустит ее выполнить подвигов раскаяния, она положила скрыться в мужском монастыре. В мужской одежде пришла она в Октодекадский монастырь. Настоятель на первый раз не велел давать ответа до утра. Она осталась ночью за монастырем. Потом сказано: «Ты евнух молодой и изнеженный, а устав монастыря строг, суров, нельзя принять тебя». — «Умру с голода, но не уйду от монастыря», — отвечал евнух. Настоятель уступил. Феодора теперь в том самом монастыре, где лежали мощи св. Фомаиды, отдавшей жизнь свою за сохранение верности супружеской. Понятно, как решимость ее на подвиги должна была усилиться. Понятно, почему хотела она умереть, но не отойти от стен Октодекада. Прием в Октодекад считала она знаком, что желания ее — каяться — не отвергнутся небом. На нее возложена была работа в монастырском саду, разноска воды, где она требовалась, наконец, очистка всего двора; вместе с тем не освобождала она себя от поста, бдений, молитв келейных и общих.

Феодора со смирением говорила себе, что, судя по важности ее преступления, послушания, возложенные на нее, слишком легки и снисходительны. Она сама хотела усилить свои труды и довела ревность свою до того, что принимала пищу только один раз в неделю. Успехи ее в духовных подвигах привлекали на нее милосердие Спасителя, и она приводила в изумление игумена и братию своими подвигами, до того распялась она на кресте умерщвления, беспрестанно припадая, как новая блудница, к ногам Христа, день и ночь омывая их слезами покаяния, что не только грех ее прощен был, но она стала на высокой степени духовного совершенства.

Божественная благодать стала обнаруживаться в ней видимо. Так, раз крокодил, пожиравший людей, издох по ее слову. И, однако, Господь допустил подвижнице быть под страшным испытанием. Настоятель послал ее в город с верблюдами, на которых она должна была нагрузить елей и хлеб и возвратиться в монастырь. Ей было приказано, если в пути застанет ночь, остановиться в девятом монастыре (он находился в девяти милях от Александрии). Здесь девушка, принимая Феодору за мужчину, хотела склонить ее ко греху, но была со смиренным негодованием отвергнута, бросилась в постыдном своем исступлении в объятия какого‑то прохожего. Сделавшись беременною, она на настояния родителей, хотевших узнать, кто обольститель ее, отвечала, что виновник ее преступления — монах девятого монастыря, и определила день, час и место, где с ним встретилась. По принесении жалоб и произведении

розыска в этом монастыре выяснилось, что виновный — Феодор.

Монахи девятого монастыря обратились с громкими жалобами к настоятелю того монастыря, в котором жила подвижница, требуя строгого наказания за оскорбление всего монашества. Смиренная Феодора, конечно, могла бы оправдаться немедленно, но она, глубоко чувствуя свои недостатки пред святостию Божией, решилась добровольными скорбями усовершать душу свою.

Ее выгнали из монастыря; она должна была скрыться в нищенский шалаш, который сама поставила вблизи обители.

Когда обвинившая Феодору девушка родила, Феодоре принесли ребенка, как отцу, долженствовавшему питать его; она кормила этого приемыша молоком, которое соседние пастухи давали ей из сострадания. Сама же довольствовалась дикими травами пустыни, а в утоление жажды пила морскую воду. Сколько скорбей вытерпела эта нежная женская душа под градом насмешек дерзкой праведности! Чего стоило переносить и зной жаркого климата, и холод зимнего сырого воздуха! Лишенная права жить с людьми, жила она со зверями пустынными. И все это переносила с любовью молчаливою целые семь лет.

Спустя семь лет после изгнания монахи девятого монастыря, требовавшие наказания Феодоры, явились к изгнавшему ее настоятелю и просили принять покаявшегося евнуха. Ее приняли, но с условием, что она запрется со своим ребенком в уединенной келье и не будет выходить из нее.

Затворничество это продолжалось два года. Незадолго до смерти ее монастырь терпел великое бедствие: от засухи не было воды в колодцах и даже в самом озере. Игумен, созвав братию, сказал: «Только отец Феодор почивающей на нем благодатью Божией может спасти нас». Вызвав Феодору из уединенной кельи, он велел ей взять сосуд и принести воды из колодца, который был совершенно сух. Она со словом «Благослови, отче» пошла и почерпнула воду из колодца, который мгновенно наполнился водой и не был без воды во все остальное время засухи.

Перед смертью своей Феодора предложила ребенку, считавшему ее своим отцом, самые назидательные советы. Она увещевала его остаться в монастыре, быть послушным, терпеливым, услужливым. Она умоляла его никогда и ни в каком случае не осуждать никого, о согрешающих молиться единому Безгрешному, отвечать скромно на вопросы, не осквернять уст ни праздным, ни хульным словом, служить инокам с любовью, особенно же ухаживать за больными, прибегать к Богу во всех печалях и искушениях и творить о ней поминание перед Господом, Который имеет судить не только грехи, но и правоту людей.

В заключение она сказала мнимому своему сыну, что вручает его Богу Всемогущему, Который не оставит его, ибо Он отец и матерь всех сирот, наставник и руководитель ко спасению. Эти последние советы ее ребенку слышали некоторые из иноков. После горячей молитвы она почила от трудов своих.

Увидев, что она умерла, ребенок начал громко рыдать; монахи, слышавшие поучения и дивную последнюю молитву ее, пересказали о том настоятелю, но Бог уже открыл ему и о поле, и о духовных заслугах умершей. Настоятель не хотел обнаружить этого иначе, как в присутствии отшельников девятого монастыря, за которыми и послал. Они прибыли все с игуменом. Тайна пола, ангельская чистота, долгое терпение чудное, подвиги самоотречения, невинность Феодоры были торжественно признаны. Провидению было угодно привести и мужа ее в обитель; он узнал только в это время как о причине удаления жены из дому, так и о подвижничестве ее; глубоко пораженный примером, он оставил свет, продал свое имущество, принял монашество, поселился в келье Феодоры и был погребен в одной с ней могиле. Ребенок же возрастал в добродетели и впоследствии был настоятелем этого самого монастыря.

Блаженная Феодора подвизалась при императоре Зеноне (474–490 гг.).

Св. Аполлинария

Аполлинария была внучкой благочестивого имп. Маркиана; о родителе ее Анфиме, зяте Маркиана, сперва первом министре, потом императоре Запада (468–471 гг.), св. Феофан говорит в своей летописи: «Это был муж самый христианский и управлял царством в Риме благочестиво». Само по себе понятно, что дочь таких родителей получила лучшее образование. Но на земле скучно душе при всякой обстановке, если только душа присматривается к себе и земле. Аполлинария сильно желала скрыться от сует мирских и посвятить жизнь свою на служение Господу. Родители страстно любили ее и желали видеть в замужестве. Она отклоняла предложения о браке и выпросила себе дозволение поклониться святым местам Востока. Благочестивые родители поручили ей раздать богатые дары церквам и обителям Востока. Она отправлена была со множеством слуг и служанок, с запасами серебра и золота. Буря пригнала корабль ее к Аскалону. Совершив поклонение св. местам Иерусалима, раздав щедрую милостыню храмам, обителям и бедным, она предоставила свободу слугам и служанкам и оставила при себе только старца и евнуха. Из Иерусалима отправилась она в Египет поклониться мощам муч. Мины. Отдохнув в обители св. Мины, сказала, что должна посетить скитских отцов. На дороге ночью у источника, который после назывался источником Аполлинарии, когда слуги заснули, она оделась в одежду инока и скрылась в камышах соседнего озера. Здесь она мужественно вела начальную борьбу со страстями. Рои комаров скоро превратили мягкое тело ее в сухую кожу; вся внешность ее до того изменилась от насекомых и поста, что и знавшему ее нелегко было узнать ее в одежде отшельника; скудную пищу доставляло ей финиковое дерево. В пустыне встретился с нею авва Евфимий. Она просила у него дозволения обитать с братиями и, при вопросе об имени, прибавила: «Грешный евнух Дорофей желает спасти душу свою». Авва дал евнуху келлию и велел плести камышовые веревки. Скитскими отцами тогда уже принято было за правило принимать пищу не вечером, как бывало прежде, а в девятый час дня (в 2 ч. пополудни). «Недавнее принятие пищи не дозволяет быть с легкими и тонкими мыслями на молитве. Почему признано за полезное принимать отдых в девятый час дня. Когда пища уже переварится в желудке, инок бывает легким не только в ночное бдение, но и при вечернем славословии». Так подвизался и евнух Дорофей. Аполлинария проводила время в подвигах, незнаемая никем в скиту; знали только евнуха — инока Дорофея. У родителей Аполлинарии была другая дочь; та была одержима бесом. Родители отправили ее к скитским отцам с просьбой помолиться об исцелении больной. Настоятель поручил больную Дорофею, хотя тот и отказывался. Молитвами Аполлинарии больная исцелилась. Возвратясь к родителям, сестра скоро опять подверглась болезни, и злобный дух обвинял инока Дорофея в растлении девицы. Поднялся шум против иноков. Посланы были нарочные взять преступного Дорофея для суда и наказания. «Пусть дозволено будет поговорить с царем и царицей в уединенной комнате», — сказал мнимый евнух. В уединенной комнате евнух выпросил обещание отпустить его в пустыню, когда открыта будет тайна. Затем открыл он грудь свою и прибавил, что видят дочь свою Аполлинарию; больная сестра в то же время была исцелена. В восторгах радости родители плакали, что видят любимую дочь свою — и какою? Они просили ее остаться при них в обители; но надобно было выполнить данное слово, и они просили молиться за них пред Господом. Возвратясь в скит, Аполлинария предузнала, что близка смерть ее. Она просила настоятеля, чтобы не касались тела умершего при погребении. «Как это можно?» — отвечал настоятель Дорофею. По смерти мнимого евнуха иноки, приготовлявшие тело к погребению, узнали, что это раба Божия Аполлинария. Ее положили (в 470 г.) на восточной стороне церкви, в пещере преп. Макария, и много чудес совершалось от ее гроба.

Церковь празднует память св. Аполлинарии января 5 дня.

Св. Марина

В Вифинии жил благочестивый человек Евгений. Похоронив жену свою, он решился оставить мир. У него была маленькая дочь и значительное имение. То и другое поручил он надзору верного друга. Поселившись в обители, стоявшей в 32 милях от города Александрии, он выполнял здесь послушание с любовью, и настоятель любил его более, чем других, как верного и усердного раба Божия. Спустя некоторое время любовь отца привела на мысль его дочь, и он стал печалиться. Настоятель, заметив скорбь его, спросил его: о чем он печалится? «У меня осталось юное Дитя в доме», — отвечал отец. «Что же, возьми его сюда с собою», — сказал настоятель, не знавший и не дознавшийся, что это дочь, а не сын. Евгений явился в дом. Девочка после восторгов радости о свидании с отцом объявила, что и она не желает оставаться в мире, но не хочет расставаться и с отцом. «Что ж делать нам, — говорит отец, — девочке не позволять жить в мужском монастыре». Она отвечает, что острижет волосы свои и оденется в одежду послушника и так будет трудиться в монастыре. Отец и дочь раздали имение свое нищим, дочь преобразовалась в смиренного послушника Марина, и они были приняты в обитель. Отец обучил дочь читать псалмы. Марин был усердным послушником. Когда дочери было 14 лет, отец, заботясь о ее спасении, сказал: «Смотри, дочь моя, жить тебе между иноками то же, что близ огня, береги себя». Дочь произнесла твердый обет пред отцом и Господом беречь чистоту души и тела. Отец взял с дочери слово и в том, что для себя и других до самого гроба не даст она знать ничем и никому о своем поле. В обители все думали, что живет с ними евнух Марин. Дочери было 17 лет, когда умер отец. Послушливость и любовь к трудам, особенно по храму, были в иноке Марине таковы, что в обители смотрели на Марина с уважением.

Но вот встретило блаженную неожиданное и жестокое искушение. В монастыре была пара волов, с ней отправлялись иноки за три мили в морскую пристань для покупки необходимого для обители. В самой пристани была общая гостиница, где по временам приходилось оставаться на ночь и инокам обители. В одно время настоятель говорит: «Брат Марин! Почему бы и тебе не ходить наряду с прочими и не помогать в пристани?» — «Если повелишь, авва, буду исполнять это послушание». И Марин стал отправляться с телегой и волами, и, если запаздывали, останавливались на ночь в гостинице. У гостинника была дочь. С каким-то прохожим солдатом свалялась она и стала готовою родить. Родители потребовали сказать: с кем она согрешила? Лукавая грешница отвечала, что инок Марин изнасиловал ее и она зачала от него. Родители с дочерью пришли в монастырь и говорили настоятелю: «Вот что сделал инок Марин! Изнасиловал дочь». — «Допросим его», — отвечал настоятель. «Марин! говорил он. — Ты ли сотворил грех с девушкой?» Марин долго думал и вздыхал и наконец сказал: «Согрешил я, авва, каюсь в грехе моем, помолись за меня». Настоятель сильно разгневался и велел отколотить грешника инока. «Так как ты наделал такую пакость, — сказал настоятель, то ты не будешь более жить в монастыре». И выгнал Марина из обители. Не сказав никому ни слова о своей тайне, так как дала слово отцу не открывать своего пола никому, блаженная осталась за обителью под открытым небом и каждого, кто входил в монастырь, просила помолиться за грешную душу. Так провела она три года, не удаляясь от монастыря. Между тем грешница родила гостиннику сынка и вскормила его. Мать ее принесла ребенка к Марину и сказала: «Изволь кормить твое дитя». И, оставив ребенка, ушла. Святая дева взяла ребенка как будто собственного и куском хлеба, который подавали для Христа ходившие в монастырь, кормила его. Так прошло два года. Наконец братия обители сжалились над Марином и просили настоятеля: «Авва! Прости брата Марина и прими его; вот уже пять лет совершает он покаяние у ворот монастыря, прими его, как принял Господь наш Иисус Христос кающихся». Настоятель велел Марину войти в монастырь, призвал его к себе и сказал: «Отец твой был святой человек, как знаешь ты, и привел тебя в святой монастырь еще маленьким. Он не думал, чтобы ты сделал то, что сделано тобою, и никто в монастыре не ожидал того. Теперь ты вступил в

монастырь с сыном твоим, плодом греха твоего, для покаяния. Приказываю тебе очищать все отхожие места обители, одному мыть власяницы братии и всем прислуживать, тем только заслужишь любовь мою». Святая, охотно душою приняв поручение, исполнила все, что ей приказано было.

Спустя немного дней блаженная Марина почила во Господе. Братия объявила авве: брат Марин умер. Строгий настоятель сказал: «Видите, братия, каков грех его: не заслужил и того, чтобы принести покаяние. Ступайте, обмойте и похороните вдали от монастыря». Те, когда стали обмывать, узнали, что это жена. Все начали говорить: такое терпение, такая чудная жизнь! Никто не узнал тайны, а все только теснили святую! Со слезами сказали они авве: «Авва! Иди, посмотри на брата Марина, приди, посмотри на дивные дела Божии». Авва, увидав почившую, ужаснулся, упал и, стукая головой о землю, кричал: «Заклинаю тебя Господом Иисусом, не обвини меня пред лицем Божиим за то, что так теснил тебя. Я был в неведении, ты, госпожа, не открыла твоей тайны, и я не знал святой жизни твоей». Он приказал похоронить святое тело ее внутри монастыря, в самом храме, декабря 4 дня. Память ее в греческой церкви 12 февраля. У коптов декаб. 8 (4) «мать Марина». О дне кончины надобно предпочесть показание коптов, как местное, тем более что 12 д. февраля, вероятно, был днем перенесения мощей в Константинополь.

В тот же день и та грешница, мучимая злым духом, пришла в монастырь, исповедала грех свой и сказала, от кого зачала она. На седьмой день она в храме избавилась от беса.

Услышав о дивных делах, бывшие в пристани и соседние монастыри, взяв кресты и свечи, священными песнями и псалмами прославляя Господа, пришли в монастырь и в храме, где покоилось тело блаженной, восхвалили Бога. Здесь молитвами святой девственницы Христос совершил многие чудеса к ее славе. Это было в начале VI века.

Жизнь дивной подвижницы прежде всего подает нам тот урок, чтобы не осуждали мы Других. Чужая душа открыта только Господу, а мы легко ошибаемся, даже имея в виду знаки согрешения чужой души.

Дочь подвизалась в простоте души, в одежде инока, сперва по детской любви к отцу, потом по горячей любви к Господу. Господь помог ей вынести и неожиданное ее страшное испытание, по ее крепкой любви к Богу. Но того, что могла перенести любовь крепкая, не должны принимать на себя души слабые, что бы не пасть падением жестоким. Наше дело следовать св. Марине в ее терпении, переносить скорби, какие пошлет нам Господь. Святая Марина поставлена была в горькое испытание обещанием, данным отцу, а не вызвалась на испытание. И мы не должны вызываться на искушение. Другое дело, если вследствие данного обета приходится терпеть горе, и позор, и голод: не нарушай обета, чего бы то ни стоило, да будет слава Господу.

Св. Анастасия

Св. Анастасия и по рождению своему была из высшей дворянской фамилии двора цареградского, и была в замужестве за первым сановником империи. Потому и звали ее патрицианкою. По смерти мужа жила она в страхе Божием и усердно исполняла заповеди Божий. За добродетели и редкую красоту пользовалась она общим уважением. Император Юстиниан оказывал особое внимание к молодой вдове. Это одно было причиной преследования явного, поднятого императрицей против богобоязненной вдовы. Анастасия, более благородная душой, чем думали о ней и добрые люди, сказала себе: «Вот случай спасать свою душу, ты должна избавить императрицу от ревности, иди же в пустыню, так можешь заслужить венец небесный, тебя гонят от двора, почему же и не уйти?»

Взяв деньги и драгоценности, какие могла собрать, Анастасия, не сказав ни слова при дворе, отправилась на корабле в Египет. Недалеко от Александрии построила она монастырь и с ревностью начала подвизаться в молитве. Монастырь этот долго и после Анастасии назывался монастырем Патрицианки. Анастасия смиренно занималась простым женским рукоделием, читала назидательные книги, пела псалмы в храме и была покойна.

Императрица умерла. Император Юлиан, сохранив уважение к высоким качествам Анастасии, велел искать ее везде, с приглашением возвратиться ко двору. Когда слух о том дошел до Александрии и до Анастасии, Анастасия сильно встревожилась распоряжением царя. Она полюбила уединение, любовь к Господу возросла в ней, а двор царский казался ей теперь только жилищем смут, интриг, тревог — то вовсе бесполезных, то решительно вредных для души; по крайней мере, для себя самой считала она теперь жизнь придворную невыносимой.

Боязнь быть принужденной возвратиться ко двору заставила ее бежать в глубокую пустыню. Ночью она оставила свой монастырь. Отыскав авву Даниила, начальника скитников, бросилась к ногам его, рассказала ему все и просила помочь ей. Авва, помолившись, дал ей одежду послушника и с именем евнуха Анастасия запер ее в пещере. Он дал ей правила, по которым должна она жить. Самое главное правило было — не покидать никогда пещеры, ни под каким предлогом, и не принимать никого к себе. Одному из послушников приказано было доставлять евнуху Анастасию раз в неделю хлеб и сосуд с водой, ставить это у пещеры и удаляться, не произнося ни слова.

Анастасия, жившая прежде в роскоши и в почестях, в неге и шуме двора, жила теперь в суровом посте, с лишениями крайними, в уединении глубоком. Твердая душа выполняла правила аввы со всей точностью. Один Бог знает и Он, Благий, оценил скорби и борьбу, какие пришлось переносить затворнице. Так прожила она 17 лет и стала сосудом Духа Святого. Господь открыл рабе Своей день смерти ее. На черепке начертала она слова: «Честный отец, возьми с собою ученика, приносившего мне хлеб и воду; принесите орудия, чтобы предать земле чадо твое, евнуха Анастасия». Тогда же Бог открыл и авве близость кончины Анастасия. Он послал послушника к пещере, и тот нашел черепок с надписью. Пришедшие вслед затем авва и ученик нашли евнуха больным. Авва со слезами говорил: «Блажен ты, брат Анастасий, памятуя о смерти, ты пренебрег земной славой, помолись за нас ко Господу». — «Я имею нужду в молитвах ваших», — отвечал евнух. «Надобно исполнить нашу просьбу, как первую», — сказал старец. Сидя на рогоже, святая обняла голову старца и тихо молилась. Старец, взяв ученика, приклонил его к ногам ее со словами: «Благослови ученика моего, твое же чадо». — «Бог отец моих, — сказала святая, — готовый разлучить меня с землею, да успокоит дух отца на сыне, как почил дух Илии на Елисее». Потом сказал евнух: «Господа ради, не снимайте с меня одежды моей». Старец причастил святую Св. Тайн. Лицо ее засияло как огонь. Оградив себя крестным знамением, сказала она: «Господи! В руки Твои предаю дух

мой», — и скончалась. Авва и ученик выкопали перед пещерой могилу; старец снял с себя рясу. «Одень брата», — сказал он ученику. Тот, одевая, увидел, что это жена: груди ее высохли, как листья. На дороге ученик сказал старцу: «Знаешь ли, авва, что это жена?» — «Да, знаю», — отвечал авва и рассказал, что одел ее в одежду евнуха по нужде — ее требовали ко двору, где не могла она быть. Историю дивной Анастасии узнали затем и другие. Преподобная почила в 565 г., в один год с блаженным императором.

II. ПОДВИЖНИЦЫ ВЕРХНЕГО ЕГИПТА

Св. Таисия

Та, которая ныне чтится в лике великих святых, долго была великой грешницей.

Отечество Таисии и город, который был свидетелем печальных побед ее, неизвестны. Известно только то, что она жила в Египте и весь Египет знал о непомерном распутстве ее. Мать ее была женщина дурной жизни и не только не заботилась о внушении ей добрых правил, но сама учила ее торговать развратом. При таких уроках красавица дочь стала страшной. Богатые люди всякого возраста спешили уловить внимание ее, разоряли состояние свое на подарки; любовники в доме прелестницы не только дрались, но и убивали один другого; покой и счастье многих семейств были расстраиваемы по милости этой слуги сатанинской.

Слух о прелестнице Таисии дошел до монастырского гераклейского аввы Пафнутия. Пафнутий был такой высокий подвижник, что на него смотрели как на ангела Божия. Ревнуя о спасении душ, он многих забывчивых мирян обратил на путь спасения. Услышав о Таисии, Пафнутий снял с себя отшельническую одежду и в наряде светского богатого человека, с запасом денег явился в толпе обожателей прелестницы.

Таисия еще не совсем заглушила в сердце своем требования религии, она еще верила в Бога Всеведущего, верила, что по смерти будет Суд правды. Но эти мысли только мелькали в душе ее, как у всех светских женщин, они были затемняемы и не доходили до глубины сердечной под влиянием пристрастий ее к наслаждениям светским, к роскоши, неге, плотоугодию, веселой жизни.

Пафнутий воспользовался для спасения Таисии истинами, доступными для души ее. Пустив в ход средства, открывающие доступ к жалким женщинам, Пафнутий просил Таисию назначить свидание в тайном месте, в таком тайном, где бы не только люди, но сам Бог не мог видеть их. Она отвечала с улыбкой, что это невозможно — Бог везде и все видит. Тогда Пафнутий живо представил ей ужас дерзости грешить так нагло, так гнусно, как она грешит; открыл ей, какой устрашающий ответ должна она дать пред Богом и за свои гнусности, и за беззакония прельщенных и погубленных ею душ, за множество душ, истерзанных распутством ее или потерявших саму жизнь в гоньбе за нею.

Таисия скоро почувствовала, что тот, кто говорит с нею таким языком — не светский грешный человек и даже не светский умник, а человек, посланный к ней Богом, и сердце ее озарилось небесным светом.

Трепеща, обливаясь слезами, кинулась она к ногам отшельника и сказала: «Подвергни меня какому угодно покаянию, чувствую мерзость мою, трепещу мук, готовых для меня, но и надеюсь, что твоими молитвами Бог помилует меня. Дай мне не более трех часов времени, нужного мне, и я явлюсь, куда прикажешь, и выполню все, чего бы ни потребовал ты от меня». Пафнутий согласился и назначил место свидания.

Таисия собрала все собранные ею сокровища, плоды страшного распутства ее, наряды, драгоценности, стоившие огромной суммы, приказала сносить все на площадь. Тут, в присутствии народа, сама зажгла все и громко призывала участников развратной жизни ее каяться в грехах. Предавая плоды греха огню, она давала видеть, что признает она гнусной свою прежнюю жизнь, не находит имущества, нажитого грехом, стоящим даже и того, чтобы раздать его бедным, а жжет все как зачумленное.

Выполнив это, явилась она в назначенное Пафнутием место. Он отвел ее в женский монастырь и запер ее в тесной келии; к дверям приложена была свинцовая печать, а в малое окошечко приказано было

подавать кающейся ломоть хлеба и несколько воды.

Заключенная как бы во гробе, Таисия просила уходившего Пафнутия об одном: как должна она молиться Богу? «Ты не достойна призывать Бога и именовать Его твоими устами недостойна поднимать руки к Нему; уста твои полны нечестия, и руки осквернены преступлениями. Обратясь к востоку, повторяй одно:"Создавший меня! Помилуй меня!"»

Кающаяся свято выполняла назначенное ей суровое покаяние.

Спустя три года Пафнутий почувствовал в сердце сожаление о заключенной. Он отправился к Великому Антонию узнать, отпущены ли Богом грехи Таисии? Явясь к нему, он сказал ему о жизни Таисии. Св. Антоний собрал к себе главных учеников своих и предложил им провести ночь в молитве, не откроет ли Господь воли Своей о нужде Пафнутия? Воля Божия открыта была Павлу, которого звали Препростым. Ему явилось на небе ложе, покрытое одеяниями неподражаемой красоты и которое охраняют три девы с лицами светлыми и прекрасными. Павел с восторгом сказал: «Верно, это готово для отца моего Антония». Тогда голос возвестил ему: «Нет, это не для Антония, а для блудницы Таисии». Так Пафнутий узнал волю Божию о Таисии.

Явясь в монастырь, где заперта была Таисия, он открыл дверь келии ее. Таисия кротко сказала ему, что желала бы остаться в затворе. Пафнутий объявил: «Выходи, Бог простил тебе грехи твои». Она повиновалась и притом сказала. «Бог свидетель, с той минуты, как вошла я в келию, все грехи мои были пред моими глазами — и я обливалась слезами, смотря на них». За это именно, — сказал Пафнутий, — Господь милосердный и помиловал тебя, а не за строгость заключения твоего».

Таисия прожила только 15 дней по выходе из очистительного заключения. Душа ее, омытая покаянием и разрешенная Взявшим на Себя грехи всего мира, возлетела на небо за нетленною наградой.

Пафнутий за день до своей смерти рассказал о Таисии бывшим у него отшельникам, показывая на опыте, что нет состояния в жизни, которое позволено бы было презирать, и что величайшие преступники могут искренним покаянием достигнуть и прощения, и великих наград.

Так как блаженная Таисия подвизалась и почила при вел. Антонии (+ 356 г.) и Павле Препростом (+ 340), то кончина се последовала не позже 340 г.

Считаем должным сказать здесь об особенности, отличавшей Павла Преиростого, узнавшего о судьбе Таисии. Он имел дар от Господа видеть сердца людей, как видят лицо другого. Раз стоял он у дверей храма, где начиналось вечернее служение. Входили один за другим иноки с веселым взором. Но один шел мрачный и расстроенный — дух злобы хватался за его руки, чтобы оттащить его от дома Божия. Преподобный сел у порога и горько заплакал; так проплакал он во всю вечерню. Когда служба кончилась и в числе других шел брат, прежде расстроенный, теперь же веселый, Павел вскочил от радости, остановил брата на виду у всех. «Для общей пользы, — сказал Павел, открой, как случилось, что ты стал иной душою?» Тот отвечал свободно: «Да, я точно был грешником, жил порочно и беззаботно. Но ныне услышал я в храме слова пророка: измыйтеся и чисти будете. Аще будут грехи ваша яко багряное, яко снег убелю (Ис. 1. 17–19). И я в храме решился переменить жизнь мою. И теперь клянусь пред всеми — буду служить Господу от искреннего сердца». «Видите, братия, — прибавил Павел, — Господь готов принять каждого грешника, лишь бы мы приходили к Нему».

Св. Пахомий и Исидора

Когда св. Пахомий основал в Верхней Фиваиде, в епархии Тентирской, Тавеннское братство, Господу угодно было, чтобы он же был здесь устроителем общежития и для инокинь. Вот как это было: Пахомий оставил в мире сестру. Желание видеть любимого брата и лично убедиться в тех чудесах, которые соединяли с именем Пахомия, привело сестру в Тавенну. Пахомий постоянно уклонялся от разговоров с женщинами; от родственных связей отказался он давно, и душа его горела одной любовью к Господу. Когда привратник сказал Пахомию, что сестра желает видеть его, он велел сказать ей, что он жив, и только, довольно для нее, но пусть откажется она от надежды видеть его лично. Желая же подарить ее добрым советом, прибавил: пусть она подумает, не захочется ли ей подражать его роду жизни. Примером ее Бог, может быть, привлечет к чистой жизни других жен, с ними она будет освящаться хвалами Богу, а это будет много значить для нее, для ее вечности. Он просил ее непоспешно и трезво обдумать предложение его и, если решится принять, объявить ему, и он займется построением монастыря. Сестра его, не ожидавшая такого приема, горько плакала, но в это же время Бог тронул сердце ее дивной Своею благодатью. Успокоясь от тревоги, она обдумала предложение и просила отвечать брату, что вполне решилась последовать его совету. Решимость сестры на святые подвиги доставила Пахомию живую радость. Он благодарил Бога за сестру и, не медля нимало, принял все меры к постройке женской обители.

Избранное место для обители называлось Мен и находилось на другом берегу Нила, тогда как монастырь иноков был на острове посреди Нила. Поселясь в монастыре, новая отшельница проводила жизнь в страхе Божием и в святых трудах, как надеялся св. Пахомий. Она вскоре стала духовной матерью многих отшельниц. Под влиянием советов великого аввы она была достойной руководительницей вверившихся ей душ, наставлениями и примером собственным отрешала сердца их от всего земного и возвышала души их к благам небесным, негибнущим.

Св. Пахомий дал отшельницам почти одинаковый со своим монастырский устав; они не носили одного козьего кожуха, который составлял одежду его монахов, но постригали волосы и накрывали голову камилавкой, прикрывавшей голову и плечи. Рукоделие их состояло в тканье льна и шерсти, которые закупал для них тавеннский эконом.

Ни один монах не был допускаем в женин монастырь без особенного дозволения, братья или родственники приходили очень редко и то в сопровождении испытанных старцев, посещаемая сестра тоже была сопровождаема старицей. Не дозволялось ни подносить подарков, ни принимать их от кого бы то ни было, потому что монахини не могли иметь ничего собственного, а все было общее. Всякая светская речь, слух, новость, известие были изгнаны из разговора, одним предметом его было спасение души.

Монахи, приходившие для построек или других необходимых работ, не принимали даже пищи в женском монастыре, но возвращались к себе. Священник и диакон приходили в церковь только для богослужения. Первый духовный отец, которому Пахомий доверил руководство сестер, был инок Петр, почтенный столько же по престарелым летам, сколько по святости своей жизни. Вдовы и девицы были одинаково принимаемы в эту обитель, здесь пострижены сестры Петрония, одного из первых учеников Пахомия, здесь же подвизались в иночестве мать, сестра и бабка Феодора Освященного, любимого ученика Пахомия.

Когда отшельница умирала, сестры с пением псалмов выносили тело на берег Нила, а монахи тавеннские, с таким же пением, неся оливковые или пальмовые ветви, переправлялись из своего монастыря через реку, поднимали покойную и погребали на горе, где было общее Тавеннское кладбище.

Слава о подвигах тавеннских инокинь дошла до Запада. В Риме пробудила она решимость на подвиги

девства даже в аристократках, какова была богатая вдова Маркея. К тавеннским подвижницам относится то, что писал блаженный Августин в книге о чистоте жизни кафолической церкви. Отдав честь подвигам иноков и отшельников, он говорит: «Монахини, следуя тем же правилам, служат Богу как бы еще с большею чистотою и рвением; не только отделенные, но и отдаленные от монастырей мужских, пособие которых им нередко необходимо, они терпят, бодрствуют и соединяются с ними лишь в молитвах, милосердии и подвигах; ни один мужчина не может даже приближаться к обители женской, и старцы испытанные, являясь туда лишь для доставления сестрам житейских потребностей, никогда не входят в келью, а только в общие сени. Пустынницы изготовляют шерстяные и льняные изделия как для себя, так и для братий, от которых взамен получают необходимое для жизни».

Преподобный Пахомий почил в 348 году, преподобная сестра его окончила свой подвижнический путь, вероятно, не позднее 355 г.

Во время Палладия, в тавеннском монастыре Мен было до четырехсот сестер. Высокой подвижницей была здесь св. Исидора, называвшаяся по–коптски Варанкис.

Эта святая девственница томилась неудержимым желанием смирять и унижать себя для очищения духа. Чтобы подвергаться от сестер унижению и дурному обращению, она приняла себя вид глупой и помешанной (юродивой) и так искусно вела дело свое, что все считали ее действительно безумной. Она в точности исполняла слова Евангелия: *иже хощет в вас вящий быти, да будет всем раб и всем слуга* (Мф. 20 26. Мк. 16, 43). *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18). Вместо того чтобы носить куколь и башмаки, она набрасывала на голову какую‑нибудь тряпку и ходила босая. Она никогда не садилась за трапезу вместе с другими, а довольствовалась крошками и вымывками из посуды, постоянно трудилась в кухне, выполняя все трудные работы, и была служанкой для всех. Многие из сестер обращались с нею как с настоящей безумной, другие били ее, глядели на нее с отвращением, почитая ее бесноватой. Исидора переносила все это спокойно. Никто не слыхал от нее ни ответа грубого, ни ропота: чем жестче бранили и унижали ее, тем более она бывала весела.

Так упражняла она себя в мудром безумии Креста Господня. Только одному Богу была известна скрывавшаяся добродетель, и Он, благой Судья, любящий возносить смиренных даже и в этой жизни, счел нужным обнаружить наконец достоинства Исидоры. Ангел, явясь к Великому Питириму (ученику св. Антония), жившему в Порфиритской пустыне, объявил ему: «Пусть он не считает себя слишком добродетельным и не мечтает о своих подвигах, если хочется видеть душу несравненно совершеннейшую, то в Тавеннской женской обители встретит покрытую ветхим платком девственницу, умеющую радоваться самому грубому и дурному обращению с нею всех сестер и всегда усердную послушницу их, тогда как он, спокойно оставаясь телом в пустыне, мыслию носится по городам».

Питирим пришел в Тавеннский женский монастырь и просил у настоятельницы дозволения видеть всех сестер. Он был высоко уважаем за прославленную добродетель и долголетнее подвижничество в пустыне, и ему не могли отказать в его просьбе. Все монахини, кроме Исидоры, были представлены Питириму, но, не видя именно той, которая была указана ему Ангелом, он просил позвать остальных и на ответ, что все пред его глазами, сказал, что это неправда, он не видит между ними именно той, которая была указана ему самим Богом.

Тогда ему объявили, что нет только одной безумной. «Приведите ее, — отвечал он, — и позвольте мне говорить с нею». Исидора, может быть предчувствуя, по внушению свыше, долженствовавшее случиться с нею, столь противное ее глубокому смирению, сперва не хотела повиноваться, так что ее привели почти силой. Когда увидел он голову Исидоры, покрытую тряпкой, он пал к ногам ее со словами: «Благослови меня, амма (мать)». Так называли подвижниц высокой духовной жизни. Она также пала к ногам его и сказала: «Ты благослови меня».

Невообразимо было удивление всех сестер при виде великого Питирима у ног безумной! «Отец, — говорили они, — не унижайте своей святости, ведь это безумная». «Вас, а не ее Бог лишил разумения, — отвечал он им строго, вижу это потому, что вы не поняли до сих пор ее достоинств: она амма и вам и мне (так называются там духовные матери)». Авва прибавил: «Да пошлет мне Бог милость в День Судный быть с совершенствами безумия ее».

Тогда, не имея возможности признать высокой добродетели сестры, которую столько и так долго унижали, все бросились к ногам Питирима, прося простить их невежество духовное, и каждая чистосердечно исповедала виновность свою пред Исидорой. «Я насмехалась над нею», — говорит одна. «А я смеялась над покрывалом ее», — говорит другая. Третья со скорбью созналась: «Я обливала ее помоями». «А я, несчастная, — говорила четвертая, — так была дерзка, что сыпала в ноздри ее горчицу». Каждая искренно открывала свою вину.

Питирим молился о них Богу, да простит им грехи их, и после продолжительной беседы с Исидорой отправился обратно в пустыню. Уважение, которым окружили с этой минуты святую смиренницу, внимание, с каким замечали каждое ее действие, каждое ее слово, беспрерывные раскаяние и извинения в прежнем с нею обращении тяготили смиренную Исидору, и она тайно скрылась из обители. После того осталось неизвестным, где окончила она жизнь для принятия венца вечной славы.

Палладий повествует об этом в 420 г. Но Далеко прежде него предложил «сказание юродивой» св. Ефрем Сирин, посещавший пустыни Египта в 371 г. Итак, св. Исидора окончила подвиги свои не после 365 г.

Св. Талида, Таора и две безымянные подвижницы

В Верхнем Египте, иначе в Фиваиде, в IV и V веках было множество женских обителей.

В городе Оксиринхе, нынче почти засыпанном песком, было до 20–ти тысяч инокинь. Древние публичные здания и храмы, посвященные прежде ложным божествам, обращены были в иноческие обители. Влияние иноческой жизни на горожан было изумительное. Они такую имели любовь к успокоению странных, что высылали слуг к городским воротам и сами выходили смотреть, не близится ли где какой странник? Если странник был инок, бежали навстречу ему, каждый тащил к себе, хватались за плечи, за одежду, только бы иметь счастье успокоить его. Руфим говорит, как очевидец, что в его время в Оксиринхе не было ни одного язычника и ни одного еретика, так что епископ с такой же свободой мог проповедовать на площади, как и в церквах.

Дивный тут был и епископ Апфий. Когда он был монахом, вел весьма строгую жизнь; а когда стал епископом, хотел вести такую же строгую жизнь и среди мира, но не мог. Повергаясь пред Богом, говорил он: «Неужели по причине епископства отступила от меня благодать?» И было ему открыто: «Нет, но тогда ты был в пустыне, там не было ни одного человека и Бог помогал тебе, а ныне ты в мире и люди помогают тебе».

На восточном берегу Нила стоял город Ангиной, а напротив Антиноя — Гермоиоль, ныне, с VII века, Ашмунейм. На восточном берегу продолжавшиеся Аравийские горы испещрены пещерами; это древнейшие каменоломни и гробницы. Здесь�то были фиваидские уединения, прославленные делами христианских подвижников и подвижниц. Они начинались от нынешней Миниэты и тянулись далеко на юг. В Шейх–Абаде, возле исчезнувшей Антинои, в мечети показывают гробницу антинойского епископа Аммона, подписавшегося под определением Собора 394 г. По известию Палладия, в Антиное было 12 женских обителей, где вели жизнь богоугодную.

Между антинойскими подвижницами отличалась особенно высокой духовной жизнью старица амма (мать) Талида. Она уже восемьдесят лет пребывала в подвижничестве, когда виделся с нею Палладий. С нею жило шестьдесят девственниц. По ее наставлениям они проводили жизнь постническую и чистую. Они все так уважали и любили ее, что ворота монастыря их не затворялись, как в других монастырях. Одна любовь и уважение к воле аммы удерживали их в стенах обители, и они крепко хранили чистоту души и тела для вечной славы. В ушах и сердцах их постоянно звучали слова апостола, переданные им аммой. *поступайте достойно звания, в которое вы призваны со всяким смиренномудрием кротостью и долготерпением, снисходя дпуг другу любовью, стараясь сохранить единство духа в союзе мира* (Ефес. 4, 1–3). Амма Талида достигла невозмутимой чистоты душевной. «Когда пришел я к ней и сел, — говорит Палладий, — она села подле меня и положила на мои плечи свои руки, с изумительным упованием на Христа, сохраняющего чистоту ее помыслов».

Что это за бесстрастие Талиды? Не свойство ли одряхлевшего организма? О нет, в мире бывают старики и старухи 80 лет такие, что в их членах сильно играет нечистый грех. С другой стороны, один жил в пустыне с детства, но, когда в первый раз увидел на дороге женщин, сказал отцу своему: «Вот те самые, которые приходили ко мне ночью в скит». Авва Антоний говорил: «Думаю, что тело имеет движение естественное, прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет, и бывает движение без похоти. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищею и питьем. Происходящий от них жар крови производит нечистые возбуждения в теле. Потому и сказал апостол: *не упивайтесь вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 19); равно и Господь в Евангелии сказал ученикам: *внемлите, да не когда отягчают сердца ваша объядением или пьянством* (Лк. 21, 34). В подвижниках

бывает и иное движение — от коварства и зависти диавола». Приложите эти слова к Талиде, и увидите истину. Восходивший с земли на небо говорил о себе, что до разлуки с телом он не считает себя свободным от опасности: но вместе с тем воля, крепкая благодатью, ныне и вчера одерживает победы и над естественными движениями испорченной плоти и по временам уходит с земли на небо.

В том же Антинойском монастыре жила девственница Таора, ученица св. Талиды. Она уже 30 лет подвизалась, когда видел ее Палладий. Она никогда не хотела взять ни нового хитона, ни мафорты, ни обуви. «Для меня нет надобности в том, — говорила она, — чтобы иначе не заставили выходить за ворота». Когда прочие сестры в воскресный день (и только в воскресный) обыкновенно ходили в церковь для приобщения Св. Тайн, она, покрытая ветошками, оставалась в монастыре, постоянно занимаясь делом. Лицо ее было так красиво, что самый твердый с трудом мог не увлечься красотой ее, но ее подвижничество внушало невольный страх даже самому бесстыдному оку. Верная раба Божия отказывала себе в духовном утешении в посещении храма Божия — оттого, что страшилась соблазнять кого�либо лицом своим и себя избавляла от искушения опасного. Взор на мужчину язвит или уязвляется, говорит духовный опыт. «Девственница, — писал великий Антоний, — не должна питать в себе чувств, свойственных жене; она должна удаляться нечистых мыслей, гордости и всего, что приятно диаволу; должна любить всех, бегать мирской славы, быть преданной Богу, обуздывать язык и строго хранить пост». Так подвизалась преподобная Таора.

«Была и еще в Антиное, — говорит Палладии, — истинная девственница, бдительно совершавшая дело подвижничества. Она жила в дальнем от меня расстоянии». Палладий путешествовал но пустыням Египта в 388–392 гг., в том числе жил и в Антиное. «Я не видел ее в лицо, — продолжает он, — она, как говорили знавшие ее, никогда не выходила из кельи с тех пор, как отреклась от мира, и 60 лет провела в подвижничестве вместе со своей матерью. Когда же наконец пришло время перейти ей из этой жизни в жизнь вечную, явился ей прославившийся мужеством в том месте святой мученик Коллуф и сказал:"Сегодня ты пойдешь к своему Господу и узришь всех святых. Потому приди разделить вместе с нами трапезу в монастыре". Блаженная, встав рано поутру, оделась, положила в свою корзинку хлеба, оливок и несколько овощей и после столь многолетнего затворничества отправилась в храм мученика. Здесь она помолилась, села и целый день выжидала времени для вкушения. В девятом часу, когда пришло время вкусить пищу и в храме уже никого не было, она выложила снедь и обратилась к мученику с молитвой:"Благослови, святый Коллуф, пищу мою, и да сопутствуют мне молитвы твои!"После того, сев, вкусила. Потом, еще помолившись, пришла домой около захода солнца. Здесь передала она матери своей толкование строматописца Климента на пророка Амоса со словами:"Передай это епископу, посланному в заточение, и скажи ему, чтобы он помолился обо мне, я отхожу ко Господу". В ту же ночь она скончалась: не страдав ни горячкой, ни головной болью, она сама себя приготовила к погребению и предала дух в руки Божии».

Авва Даниил около 420 г., посещая пустыни фиваиды. пришел в Гермополь и сказал ученику своему: «Иди вот в тот женский монастырь скажи игумении, что желаю быть у них». Это был монастырь, основанный о. Иеремиею, в нем сестер было до 300. Ученик постучал в ворота. Привратница тихо спросила: что нужно? Ученик отвечал: «Скажи игумении, что один инок хочет беседовать с нею». Пришла игумения и спросила: что нужно? Брат отвечал: «Сотвори любовь, позволь ночевать в твоей обители мне и брату, чтобы иначе не съели нас звери». Игуменья отвечала: «Мужчина никогда не входит сюда, и для вас полезнее быть нищей зверей, чем страстей». Ученик объявил, что скитский авва Даниил желает быть у них. Тогда игуменья велела отворить ворота, немедленно созвала всех сестер. Постницы от ворот до места, где стоял старец, покрыли путь коврами и, кланяясь ему, целовали ноги его и с радостью ввели его в монастырь. Игуменья приказала принести лохань, и, налив теплой воды, положив в воду благовонных трав, уставив сестер в два ряда, сама обмыла своими руками ноги его и ученика его, и затем окропила той водою всех сестер, и обмыла себе голову. Постницы стояли безмолвными и только знаками давали знать о

нужном; ходили они весьма тихо и скромно. Старец сказал игуменье: «Нас ли стыдятся сестры, или они всегда таковы?» «Всегда таковы», — отвечала игуменья. «Скажи же ученику моему, — сказал старец, — пусть учится он молчанию, он у меня настоящий готфянин (немец)».

Из инокинь одна лежала на монастыре в разодранной одежде. Старец спросил игуменью: «Кто это лежит?» Игуменья отвечала: «Это одна из сестер, нетрезвая, не знаю, что с ней делать? Выгнать из монастыря боюсь, не согрешить бы, держать ее — смущение для других». Старец сказал ученику: «Возьми умывальницу и налей воды на нее». Когда он исполнил это, она встала как будто пьяная. «Такова она всегда», сказала игуменья. Затем настоятельница повела старца в трапезу и предложила вечерю для него и для сестер. «Благослови, отче, рабынь твоих покушать при тебе», — сказала игуменья. Сама она и по ней вторая сели со старцем. Старцу предложены были: чечевица квашеная, невареный овощ, финики и вода; ученику поставили хлеб, вареный овощ и вино, разбавленное водой; инокиням предложены были: разная вареная нища, рыба и вино. Когда старец встал из-за трапезы, сказал игумении: «Отчего это у тебя так? Надлежало бы нам кушать лучшую пищу, а у вас вы кушали лучшее». Игуменья отвечала: «Ты, отче, инок, и тебе предложена иноческая пища; ученику твоему подана пища, приличная ученику великого старца; а сестры мои, как новоначальные, ели пищу новоначальных». «Господь да воздаст вам за любовь вашу, за урок, полезный для нас», — сказал старец. Когда все ушли спать, старен приказал ученику идти посмотреть, где будет спать та пьяная? Он, посмотрев, сказал: «В отхожем месте». Старец сказал: «Побдим эту ночь». Когда заснули инокини, старец и ученик пришли к тому месту, где была мнимая пьяная, и видят: она стоит с поднятыми к небу руками, слезы текут но щекам ее, она бьет поклоны усердные. Когда выходила для нужды сестра, она ложилась как пьяная и храпела. «Позови ко мне игуменью и вторую по ней», — сказал старец ученику. Они, придя, смотрели всю ночь. Игуменья со слезами говорила: «Как много неприятностей делала я ей!» Когда ударили в било, игуменья рассказала всем постницам о подвиге мнимой пьяницы. Но та, когда увидела, что узнали ее, тайно пришла туда, где спал старец, унесла посох его с милотью, отворила ворота и на воротах написала: «Простите меня, сестры, в чем согрешила я, и молитесь обо мне». Затем скрылась. Сестры искали ее целый день и, не найдя, увидали на воротах прощальные слова ее. Сестры плакали по ней. Старец сказал им: «Вот каких пьяниц любит Бог».

Преподобные Евпраксии, мать и дщерь, игуменья Феодула и преподобная Юлия

При императоре Феодосии Великом был в Царственном городе сенатор Антигон, близкий к императору и по родству, и по служебным отношениям, умный на словах и на деле, советник благожелательный, управлявший Ликеей честно, человек сострадательный. Император любил его не только как сенатора, но и как христианина, всегда готового подать самый лучший совет. Богат он был, как никто из вельможей современных. Супруга его Евпраксия была также в родстве с домом императора и также была благочестива. Она, вознося молитвы к Богу со слезами, много делала приношений храмам и монастырям. Бог благословил добрую чету рождением дочери Евпраксии. И отец и мать были очень рады. В одно время Антигон говорит своей супруге: «Ты знаешь, добрая Евпраксия, как ничтожна эта жизнь, как ничтожно богатство, как ничтожна пышность мирская. Напрасно тратим мы дни наши, если не заботимся о спасении душ». Евпраксия сказала: «Как повелишь, господин мой, так и будем жить». Тот продолжал: «Бог дал нам дочь, довольно для нас, и не будем более мы делить ложа». Евпраксия с восторгом радости отвечала: «Благословен Бог, подавший тебе святую мысль. Я давно молилась о том. Время коротко, говорит апостол, *пусть имеющие жен живут, как не имеющие*» (1 Кор. 7, 29).

Антигон с того времени щедро раздавал милостыню. И спустя год после обета мирно скончался.

Император был поражен скорбью о потере человека, которого по строгости его правил и по уму опытному заменить кем‑либо было очень трудно. Тем более старался он утешить вдову. Когда дочери минуло 5 лет, император, объявивший себя опекуном ее, советовал матери обручить ее с сыном честного и богатого сенатора. Мать согласилась с умным советом и приняла подарки. Между тем в то же время, как мать устраивала судьбу дочери, собственной руки ее домогался вельможа, втайне от императора искавший помощи императрицы, и императрица приняла сторону искателя. С величайшим изумлением приняла Евпраксия предложение, сделанное ей от имени императрицы. Она, не требуя времени на размышление, отказала наотрез искателю. Император, узнав о том, был очень недоволен супругой своей. Ему известна была решимость Евпраксии служить Господу, делать ей предложение о браке значило оскорблять ее незаслуженно — так понимал дело император. С печалью замечая, что неумный вызов на брак стал причиной холодности между императором и императрицей, Евпраксия тайно отправилась в Египет под предлогом нужды осмотреть имения свои. По дороге посещала она многие монастыри, оставляя в них щедрые подаяния.

Тавеннская женская обитель аммы Феодулы с 130 сестрами славилась строгостью правил ее. «Тут не употребляли ни вина, ни яблока, ни винограда, ни финика, ни другого чего‑либо приятного для вкуса, иные не вкушали даже и елея; одни постились с утра до вечера, другие принимали пищу через день, а некоторые через два или три дня.

Ни одна не мыла ног своих, иные, услышав о бане, смеялись и считали это за гнусность, нетерпимую для слуха. Для каждой постелью была земля, покрытая власяницей в локоть ширины и в три длины, тут и покоилась она. Одежда их была из шерсти и доходила до пят. Каждая работала, сколько могла. Если которая заболевала, к пособиям медицины не обращались, болезнь принимали за благословение Божие и терпеливо переносили страдание, если не посылалось исцеление Господом. Ни одна не выходила за ворота обители. Была привратница, через нее передавались все ответы. Вся забота их была о том, как угодить Господу молитвенными помышлениями. Потому Бог творил здесь много знамений, подавая исцеления для приходивших сюда».

Глубоко пораженная такой жизнью инокинь, Евпраксия часто бывала в их обители с дочерью, которой был восьмой год. Она дарила обители свечи и ладан. Раз говорит она настоятельнице:"Хотелось бы мне доставить доход обители в 20 или 30 литров (фунтов) золота, дабы молились вы за рабу вашу и за отца ее Антигона". Игуменья отвечала:"Госпожа моя благородная! Рабыни твои не требуют ни золота, ни имений; они все оставили, чтобы заслужить вечные блага, и всего мирского чуждаются, страшась лишиться Небесного Царства. Чтобы не опечалилась ты на нас, принеси нам елей для лампад и ладан для кадил, и за то будет награда тебе". Когда это принесено было, Евпраксия просила молиться за Антигона и дочь его Евпраксию».

Настоятельница любила заниматься с маленькой Евпраксией. «Нравятся ли ей монастырь и сестры?» — спросила она девочку. «Очень нравятся», — отвечала она. «Если же так, почему не останетесь вы с нами?» — продолжала игуменья. «Я осталась бы с большой охотой, — возразила девочка, — но боюсь, чтобы это не огорчило доброй моей мамы». «Кого вы любите более, — сказала еще настоятельница, — нас ли или жениха своего, с которым обручены?» — «Я совсем не знаю его, — отвечала маленькая Евпраксия, — да и он тоже не знает меня; а вас я знаю и люблю; но вы кого любите, меня или моего жениха?» — «Мы очень любим вас, — отвечала настоятельница, Господа же нашего Иисуса Христа любим более всего». — «И я, — сказала девочка, — люблю вас очень, а более вас люблю Господа Иисуса».

Радостно велся этот разговор. Евиракcия–мать выражала радость свою слезами. Когда нужно было расставаться с обителью, Евпраксия–дочь объявила матери, что желает остаться в монастыре. Стараясь отговорить ее, сказали ей, что в обители нельзя остаться иначе, как дав обет посвятить себя Христу. Девочка спросила: а где Христос? Игуменья показала ей на образ Спасителя. Девочка кинулась к иконе, целовала ее и твердо произнесла: «Истинно, искренно и я даю обет Христу и не возвращусь домой с матерью». Тогда положили позволить ей переночевать в монастыре, полагая, что она не пожелает остаться долее. Но на следующий день убедились, что намерение ее не изменилось. Настоятельница заметила, что если она хочет остаться, должна выучить весь Псалтирь наизусть, должна поститься до вечера и мало спать. Ребенок согласился на все, настаивая на том, чтобы остаться в монастыре.

Эта решимость так была необыкновенна, что настоятельница сказала матери: «Не Сам ли Бог внушает дочери вашей такое желание? Видно, добродетели и молитвы родителей призвали на нее особенную благодать Божию. Оставьте ее с нами».

Любовь Евпраксии к Господу была выше нежной привязанности ее к единственной дочери. Она подвела девочку к образу Спасителя и, подняв руки к небу, с громким плачем сказала: «Господи Иисусе! Прими это дитя под Твой покров». Потом, обратясь к дочери, сказала: «Создатель, утвердивший горы, да утвердит тебя, дочь моя, в страхе Своем!» Затем передала дочь настоятельнице.

Спустя несколько дней игуменья с молитвами в молитвенном доме одела девочку в одежду отшельницы. Мать спросила ее: нравится ли ей новый наряд? Девочка отвечала, что любит его больше всякого другого, потому что Христос дарует его только избранным. «Да соделает же Он тебя вполне достойной милостивого Своего избрания», — сказала добрая мать. Она обняла ее, простилась с настоятельницей и, вступая в одинокую жизнь, положила избрать и себе новую дорогу.

Она продолжала дела щедрого милосердия, но вместе стала строже к себе самой, прекратила употребление вина, мяса, рыбы и ела только овощи один раз в день. Император, услышав о перемене жизни ее, и изумился и рад был.

В подвигах духовной жизни Евпраксия–старшая приблизилась к концу жизни своей. Это было открыто настоятельнице обители, где осталась дочь ее. Она видела во сне Антигона, окруженного светом и просившего у Господа дозволения привести свою супругу. Настоятельница объявила об этом самой Евпраксии. Евпраксия была уже столько тверда, что считала только Небо отчизной своею. Узнав о близости

конца, она благодарила Господа за знак милости Его к ней и просила довершить милость упокоением ее в обители святых Его.

Когда мать передала дочери весть о близости своей смерти, дочь, увлеченная нежной привязанностью к редкой матери, рыдала неутешно, что должна расстаться с такой матерью. Мать для успокоения ее напомнила ей, что она дала обет любить выше всего Господа Иисуса. Вот тебе, говорила она, завещание любимой тобою матери: «Люби Господа Иисуса с трепетом благоговения, уважай сестер твоих, не смей никогда думать, что они ниже тебя и могут служить тебе, будь нищей в мыслях своих, чтобы пользоваться сокровищами духовными, ты теперь владеешь всем состоянием моим, доставляй нужное для обители, моли об отце твоем и о мне, да дарует Он нам милостивое прощение». Спустя три дня скончалась она и была похоронена в обители.

Узнав о смерти старой Евпраксии, император повелел сказать о том сыну сенатора и известить, что так как дочь приняла иночество, то связь его с нею прекращена. Потом, уступая просьбам сенатора, писал он сам к дочери и просил ее возвратиться в Константинополь, чтобы вступить в обещанный брак. Евпраксия отвечала императору: «Неужели хочешь ты, добрый император, чтобы раба твоя оставила Христа вечного для человека смертного? Ведь он может быть завтра пищей червей. Да избавит меня Бог от этого преступления! Повели лучше этому человеку не беспокоить тебя и забыть о той, которая не в состоянии нарушить обета, данного Господу. Умоляю тебя в память о моих родителях разделить все оставленное ими имущество между бедными, сиротами и церквами. Уверена, что ты помнишь о родителях моих, и особенно об отце, который пользовался такой доверенностью твоей. Именем его и матери моей прошу тебя обратить все богатство их на дела, угодные Богу, дать свободу всем рабам и простить долги должникам и наемникам земель. Благоволи распорядиться всем, чтобы свободно могла я служить Господу. Молите Господа с доброй императрицей, чтобы удостоилась я быть достойной рабой Христа Господа».

Письмо Евпраксии было прочитано в сенате и сообщено жениху. Все видели, что юная Евпраксия достойная дочь Антигона и Евпраксии, святая отрасль благочестивых родителей, и никто не думал более о возвращении ее в мир. Император повелел немедленно выполнить со всей точностью желания ее относительно наследственного имущества ее. Это было перед самой смертью императора (Т 395 г.).

Евпраксии было тогда 12 лет. Успехи ее в жизни духовной были выше ее возраста. Освободясь от забот об имении, она вся предалась на служение Господу.

Любовь к покаянию вызвала ее на усиленный пост. Сперва она ела один раз в сутки; скоро потом — раз в двое и трое суток. Она отдавала себя на самые низкие послушания, бывала рабыней каждой сестры обители. Не обращала внимания на слабость сложения своего и несла труды наравне с другими.

Было поставлено правилом обители, чтобы сестры объявляли настоятельнице о каждом искушении, которое испытывали. Евпраксия, как и многие, была совершенно изумлена и встревожена первыми нападениями злобного врага; она прибегала к советам сестры Юлии, которая дана ей была в руководительницы. По ее наставлению открывала она настоятельнице состояния души своей при каждом искушении и оттого выходила из боя победительницей.

Опытная настоятельница не только молилась с сестрами за юную подвижницу, но советами вела ее как бы по ступеням к высокой жизни. Евпраксия, по ее советам, не в том только подчинялась безмолвно, что было легко и приятно, но и в том, что оскорбляло струны самолюбия. Смирение, усвояемое более и более Евираксиею, уравнивало для нее дорогу к высоким подвигам.

На 20–м году Евпраксии, когда она, помимо намерений, сформировалась изумительной аристократкой, настоятельница подвергла ее жестокому испытанию. Она приказала ей перетаскать груду камней с одного места на другое. Камни были тяжелые, но Евпраксия перетаскала. Игуменья приказала

перетаскать их на прежнее место. Евпраксия исполнила. Тридцать раз настоятельница приказывала таскать камни с одного места на другое. И Евпраксия тридцать раз таскала их, не сказав ни слова о тяжести камней, ни о чем другом.

Сестры были изумлены такой покорностью Евпраксии. И Господь подавал силы слабой Евпраксии выполнять послушание.

После сильного искушения Евпраксия выпросила у настоятельницы дозволение проводить неделю без всякой пищи — такой пост держала только настоятельница.

Твердость ее в подвижничестве была редкая. Она читала целые часы вслух сестрам, изготовляла им трапезу, прибирала, чистила, мела в монастыре, колола и носила дрова, месила тесто и пекла хлебы. Это были ежедневные труды ее. И она успевала все делать так, что никто не оставался недовольным.

Вместе с тем не считала она себя вправе ни днем ни ночью освобождаться от утренних молитв, от молитв третьего, шестого и девятого часа и всех служб.

При всех трудах она не только не истощалась силами, но укреплялось ее здоровье.

Кто бы мог подумать, чтобы душа, столько возвышенная, могла подвергнуться укорам? Но Господь попустил одной сестре восстать против нее по зависти. Сестра эта была Германа. Она была низкого происхождения и по душе была не высока. Она была из тех, которые живут в монастыре на испытание другим. Германа упрекала Евпраксию в лицемерии и честолюбии, относя к ним все ее труды и подвиги. Она уверяла, что Евпраксия постится лишь с тем, чтобы унижать собою других и заслужить место настоятельницы, которого ждет нетерпеливо. Евпраксия не оскорблялась укорами Германы, она кротко объяснила, что постится по воле игуменьи, и потом падала к ногам Германы, упрашивая простить ее, грешную.

Игуменья призвала к себе злобную сестру и, назначив ей особое послушание, сказала, что она недостойна жить с другими. Евпраксия в продолжение месяца упрашивала игуменью простить Герману, потом уговорила Юлию, чтобы все сестры просили настоятельницу за бедную Герману, и наконец достигла того, что настоятельница простила виновную. Блаженная с точностью выполняла заповедь Апостола: *не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте* (1 Петр. 3, 9).

Злобный дух поднялся против Евпраксии с явными насилиями. Раз он столкнул ее в колодец, когда она доставала воду; в другой раз сбросил ее с верхнего этажа здания; после опрокинул на нее котел с горячей пищей; а там, когда колола она дрова для кухни общей, он толкнул, и она рассекла себе ногу до того, что, облитая кровью, лежала без чувств. Только особенным покровом Божиим избавлялась Евпраксия от смерти.

Присутствие духа Божьего в Евпраксии открылось нечаянным случаем. Женщина принесла дитя, пораженное параличом и лишенное слуха и языка; она со слезами просила помолиться о здоровье ребенка. По воле игуменьи, Евпраксия приняла от матери ребенка. Осеняя его крестным знамением, она сказала: «Бедненький! Да исцелит тебя Милосердный Создатель!» Она хотела нести его к игумений, но едва пронесла несколько шагов, как больной исцелился, спросил о матери и, вырвавшись из рук святой девы, побежал, как будто и не был больным.

После этого опыта игуменья поручила Евпраксии ходить за бесноватой, давно жившей в обители. Ее держали в цепях, да и то не смели подходить к ней, пищу давали ей в корзине на длинном шесте. Когда Евпраксия хотела накормить бесноватую, она заскрежетала зубами и кинулась на нее. Святая дева погрозила на несчастную жезлом настоятельницы — и бесноватая утихла. Потом приняла пищу из рук Евпраксии. С тех пор Евпраксия свободно, без опасения прислуживала больной, к которой никто другой не смел подойти. Гордая и завистливая Германа раз вызвалась: «И я могу кормить эту несчастную». Она

подошла к ней, но ринувшаяся бесноватая бросила ее на землю, изорвала на ней одежду и начала кусать и терзать ее. Евпраксия, прибежав, спасла окровавленную Герману от бесноватой. Настоятельница сказала, что Евпраксия должна изгнать беса из больной. Святая дева глубоко смущена была таким поручением. Простершись пред иконой Спасителя, в сознании своей немощи, со стоном призывала она помощь Божию. И отправилась к бесноватой. Сестры следили издали, что будет. Подойдя к бесноватой, Евпраксия говорит: «Да исцелит тебя Господь мой Иисус Христос, создавший тебя». Вдруг все слышат голос: «Как? Столько лет живу я тут, а эта нечистая и похотливая хочет выгнать меня?» Евпраксия сказала: «Не я выгоняю тебя, а Христос Бог». — «Не выйду, поганка», — кричал дух. «Я точно поганая, полная всякой нечистоты, — говорила Евпраксия, — но повелевает Господь: выходи из нее». Как ни упирался бес, наконец, при сильной молитве Евпраксии к Господу, с криком вышел. Евпраксия прибрала бывшую больную, жившую дотоле в отвратительной нечистоте, и привела ее к игумений.

После того Евпраксия жила недолго, созрев для жизни небесной. О близкой кончине ее открыто было игумении, которая, скрывая печаль свою о близкой потере, лишь за день сказала сестрам, что близок конец Евпраксии. Сестры поражены были глубокой скорбью. Евпраксия, услышав от Юлии извещение настоятельницы, упала на землю без чувств. По смирению считала она себя вовсе не готовой к той жизни и потому так поражена была известием о близкой смерти. Она молилась вслух: «Господи! Оставь для земной жизни хоть один год, дабы могла я покаяться в грехах и совершить угодное Тебе; у меня нет добрых дел для получения награды праведников». Настоятельница утешала ее благостью Спасителя. Открылась тогда же горячка. Игуменья и Юлия пробыли всю ночь при больной. Юлия умоляла ее упросить Господа, когда явится она к Нему, дабы и ей скоро явиться туда. Утром все сестры простились с умиравшей, и под звуки тихих молитв их Евпраксия сладко заснула, на 30 году своей жизни, в 410 г.

Спустя три дня, проведенных в слезах, Юлия с радостью объявила игумении, что Евпраксия умолила Творца и ее берут туда. На другой же день, простясь с сестрами, покойно скончалась.

Прошло не более месяца, когда и настоятельнице, по ходатаству Евпраксии, возвещена была та же милость. Она объявила о том сестрам и предложила избрать себе настоятельницу. Избрана была сестра Феогния. Настоятельница говорила ей: «Умоляю тебя именем Св. Троицы не искать имений и богатства, не занимай сестер заботами о временном, пусть они дорожат одним Небом; вы же, дорогие сестры, — обратись к ним, сказала она, — старайтесь подражать блаженной Евпраксии, если хотите разделить ее небесное блаженство».

Расставшись со всеми, игуменья заперлась в молельной, и на другой день нашли ее умершей. Евпраксия, Юлия и игуменья Феодула положены были в одной могиле (в 410 г.).

Биограф говорит, что Евпраксия в загробной жизни своей совершала множество чудес.

Чистая голубица Евпраксия трепетала, узнав о близкой смерти; она, подвизавшаяся 20 лет, говорила, что ей еще надобно каяться. А мы что? Конечно, умирать не хотят почти все. Но почему? Не потому ли, что еще вовсе не каялись во грехах! Не потому ли, что обиженные не удовлетворены? Бедным не подавали посильной помощи? Дети не воспитаны в страхе Божием? Когда бы было так! Когда бы все подобное не было делом сторонним! Хотят жить просто, без всякой заботы или, что еще хуже, хотят жить, чтобы завидовать покою других, спорить и ссориться за местечко более теплое, более видное… Господи! По молитвам праведниц Твоих, просвети и спаси нас.

III. ПАЛЕСТИНСКИЕ ПОДВИЖНИЦЫ

Св. Клеопатра

Дочь благочестивого и богатого палестинского дома, Клеопатра, выдана была в замужество за военного начальника. Он умер на службе царской в Египте, оставив юного сына Иоанна. Для матери–вдовы осталось одно утешение — сын. Она воспитывала его со всей нежной любовью и за него молилась. Когда Уар (Вар), начальник египетской сотни военной, за свободное исповедание Христова имени был мучен и замучен, а тело его брошено было между трупами животных, Клеопатра, без страха и с участием любви смотревшая на подвиги мученика, тайно со слугами своими скрыла святое тело в доме своем, где благоговейно положила его в пещере под своей спальней. Это было в гонение Максимина Геркулия в 313 г. При Константине кончились гонения. Благочестивая Клеопатра, возвращаясь на родину, благоговейно взяла с собой мощи мученика, а это стоило ей многих забот. Мощи положила она в фамильной пещере «в своем поселении Эдре». Каждый день молилась она при мощах мученика и решилась построить храм мученику. Между тем сын пришел в возраст, воспитанный зоркой любовью матери. Это был прекрасный молодой человек, добрый, послушный, готовый на все доброе. Любящая мать озаботилась определить его на военную службу. По просьбе матери и за заслуги отца сын принят был с офицерским чином, для него прислан был военный пояс. Мать очень рада была счастью сына, но сказала: «Пусть милый сын мой вместе со мной перенесет св. мощи в новый храм и тогда отправится он на службу». На освящение храма приглашен был епископ с духовенством, собралось множество народа. Когда совершилось освящение и мощи были перенесены в храм, во время литургии мать горячо молила мученика испросить у Господа для сына то, что угодно святой воле Божией, благой и мудрой. «Более того, — говорила она, — ничего не смею просить, Господь знает полезное для нас».

Для гостей нового храма приготовлено было богатое угощение. Христианская любовь сделала более: мать сама прислуживала при столе, и сын по ее воле также прислуживал. «Мы с тобой после покушаем», — сказала она сыну. В конце обеда сын почувствовал головную боль и лег в постель. Мать собралась вместе с ним покушать, но оказалось, что он в сильном огне. Мать встревожилась и осталась при постели больного сына. К полуночи сын умер. Неутешно рыдала мать о потере единственного сына, единственной радости ее, в волнении души роптала она на мученика за его холодность к ее судьбе. Измученная страданием душевным, она впала в легкий сон. Являются ей мученик и сын ее, оба в блестящем военном наряде и в чудном свете. Мученик говорит матери: «Напрасно ты жалуешься на меня. Знаю и ценю все дела благочестивой любви твоей — и те, что совершила ты в Египте, и те, что ты творила тут. Молился и молюсь я за тебя. По молитве моей Господь простил грехи родных твоих; покоящихся в фамильной пещере твоей. Для сына твоего я выпросил у Господа, что он теперь со мной в чине воинов Царя Небесного, близких к престолу Его. Разве это не благая воля Божия, которой желала ты для сына? Если хочешь, сын может поступить и в службу царю земному. Выбирай, но не обманись». Сын просил мученика не возвращать его в мир, полный грехов и бед, хотя бы мать и хотела этого. Клеопатра, видя сына в такой невиданной славе, сказала: «Возьмите и меня с собой». Святой отвечал: «Возьмем, когда придет время». И стали невидимы оба. Придя в себя, Клеопатра нашла сердце свое полным радости и веселия. Она рассказала видение священникам, и тело сына положено было близ мощей мученика.

Теперь блаженная поняла, что ей надобно еще трудиться над собой для Господа: небесные не говорят неправды. И она удвоила труды свои. Она раздала имение свое бедным и стала жить только для искреннего благочестия. В постановлениях апостольских предписывалось: «Да будет всякая вдовица

кротка, молчалива, тиха, незлоблива, не гневлива, не болтлива, не двуязычница, не охотница мешаться в чужие дела… Как премудрая Юдифь, известная целомудрием, ночью и днем умоляла Бога за Израиля (Иуд. 9, 1), так и подобная ей вдовица непрестанно возносит к Богу моление за церковь… Ее и око непорочно, и слух чист, и руки не запачканы, и ноги покойны, и уста говорят должное… Она воздержна, благоговейна, стыдлива — поет псалмы, молится, читает священное, постится». Так жила блаженная Клеопатра. Она день и ночь молилась и соблюдала пост. Иначе, она вела теперь жизнь посвятивших себя Богу. Современный ей Палестинский епископ Евсевий так писал об этой жизни: «В церкви Божией два рода жизни. Один течет выше природы и обычной жизни, не заботится ни о браке, ни о рождении детей, ни о земном счастии, совершенно и во всем отделяется от обычного житья, посвящает себя на служение Богу, по полной любви к небесному; избирающие эту жизнь представляются умершими для смертной жизни, остаются на земле по телу, по духом они на небе». При такой жизни преподобной Клеопатры сын и мученик часто являлись ей с неба. В подвигах высокой духовной жизни провела она семь лет и мирно переселилась к мученику и сыну. Тело ее положено было близ мощей мученика. Это было не позднее 327 года.

Св. Павла

Отец блаженной Павлы происходил из рода Агамемнонова, а мать из дома Сципионов и Павла Эмилия; муж ее был потомок дома Юлиева. Блистательной знаменитости происхождения соответствовало богатство супругов. Павла была доброй супругой и матерью пятерых детей. Но счастье земное могло повредить доброму сердцу Павлы. И вот Господь посылает ей тяжелую скорбь: любимый супруг умирает, когда ей было 32 года.

Павла, у которой сердце было нежное, неутешно плакала о смерти мужа. Благочестивая и образованная вдова Маркела послужила ей подпорой. Она смягчала скорби ее христианскими утешениями и обратила сердце ее к Господу. Павла стала евангельской вдовицей. Огромное состояние доставляло ей средства отирать слезы сотням семейств бедных. Не было между бедными умершего, которого не хоронили бы за счет Павлы, не было больного, которому не оказывала бы пособия любовь Павлы. Павла отыскивала бедность и горе в огромном городе, чтобы утешить их. Она считала себя несчастливой, если не ей удавалось оказать пособие страждущей семье. Блаж. Иероним, когда познакомился с ней, считал должным говорить ей: «Нет ли излишеств в благотворительности?» Но сам же сознается, что она обезоружила его словами: «Я желаю быть нищею для Господа, обнищавшего для нас».

Сама для себя была она теперь строга. Связи с веселым миром были ослаблены; малую ошибку свою наказывала она сурово.

Когда св. Епифаний Кипрский и Павлин Антиохийский прибыли в Рим по церковным делам (это было в 328 г.), Епифаний и Иероним жили в доме Павлы и она же доставляла все нужное Павлину; беседы со святителями были для нее самым приятным наслаждением.

Старшая дочь ее, необыкновенно даровитая, жившая с мужем только 7 месяцев, готовилась вступить в монастырь, но умерла. Это было сильным ударом для сердца Павлы. Блаж. Иероним должен был утешать ее. «Дочь твоя, — писал он, — перешла в тот мир с прекрасной решимостью посвятить себя Богу; уже более 4 месяцев очищалась душа ее покоем. Ты и не думаешь о том, что говорит тебе Спаситель: Павла, зачем ты скорбишь о том, что дочь твоя стала Моею. Твои слезы — возмущение против Моих забот, оскорбление Мне. Знаю, что надобно уступать природе матери: но излишняя скорбь — не честь для веры».

Брак сына ее Токсотия последствиями изумил Рим и утешил Павлу. Лета, жена Токсотия, была дочь верховного языческого жреца. Кто бы мог подумать, говорит Иероним, чтобы внучка языческого жреца Альбина родилась по обещанию мученика, чтобы деду улыбающемуся лепечущая внучка пела: «Аллилуйя» — и Христову невесту кормил на коленях своих такой старец? Но мы счастливо надеялись: «святый и верующий дом освещает неверующего»? Старый язычник стал христианином.

Вселенский Собор 381 г. наименовал Иерусалимскую Церковь «матерью всех Церквей», а Рим — что такое в христианской истории? Павла сильно желала быть дщерью Иерусалимской Церкви. Это желание внушено было ей другом ее Маркеллой и поддержано Иеронимом. Нелегко было ей расставаться с детьми и с обширной знатной родней. Но в 385 г. знаменитая и богатая патрицианка отправилась с дочерью опасным морским путем на Восток.

На острове Понтии, который прославлен ссылкой знаменитой патрицианки Флавии Домитиллы при Домитияне, видела келлийки; где долго томилась св. страдалица. В Кипре виделась со св. Епифанием, десять дней проведено здесь не для отдыха, а на посещение обителей и храмов. Потом была она в Антиохии у Павлина. «На берегу в Сарепте входила в малый храм Илии, где поклонялась Господу Спасителю; песками Тира, на которых преклонял колена Павел, достигла Акка, нынешней Птолемаиды;

полями мегиддонскими, знающими о смерти Иосии, вошла на землю Филистимскую; дивилась развалинам Дора, когда‑то весьма крепкого города; возвратясь, была в Кесарии, где видела дом Корнилия–сотника, обращенный в церковь, и храмины Филиппа, и четырех дев–пророчиц. Видела Лидду, переименованную в Диосполис, славную воскресением Энея; также недалекий от нее Аримафей, селение Иосифа, почтившего погребением тело Спасителя; Иоппию, порт, из которого бежал Иона. Повторив путь, была в Никополе, называвшемся прежде Эммаусом, где Господь узнан был в преломлении хлеба и освятил дом Клеопы в церковь».

В Иерусалиме проконсул приготовил для нее дворец, но она поместилась в маленьком бедном домике. «Она простиралась пред крестом Спасителя, лобызала камень, отваленный Ангелом, и то место, где лежало тело Принявшего на себя грехи всего мира. Сколько тут пролито было слез, сколько вздохов и скорби! Показывали ей столп, окропленный кровью Господа, где, привязанного, Его бичевали. Указывали место, где сошел Дух Святой на 120 верующих».

Раздав бедным что могла, пришла в Вифлеем и посещала пещеру, где родился Христос Господь. «Какое счастье, говорила она, — для бедной грешницы, какова я, лобызать эти ясли, где Спаситель мой лежал младенцем! Надобно ли мне еще искать для себя места, после того, которое избрал для Себя Спаситель мой?»

Посещая окрестности Вифлеема, Павла восходила на Гадер, башню стада, подле которой Иаков пас стада овец (Быт. 37), а бодрствовавшие ночью пастухи удостоились слышать: «Слава в вышних Богу» (Лк. 2, 14). Из Восора была в Есяоле, видела следы дуба Авраамова, Хеврон, Кафар–Сарун и печальное озеро. Потом путешествовала в Иерихон, где видела галгалский лагерь (Ис. Нав. 5); с берега Иордана была в Вефилс и на горе Ефремовой, где отдала честь гробницам Иисуса, сына Навина, и Елеазара, сына Ааропова; прошла чрез Сихем, видела гробницы 12 Патриархов, Севастию или Самарию, где «погребены пророки Елисей и Авдия и тот, которого больше не было из числа рожденных женами, Иоанн Креститель, там поражена и потрясена была она многими странностями. Она видела, как демоны потешались разными мучениями, как люди пред гробницами святых выли по–волчьи, лаяли как собаки, рыкали будто львы, шипели как змеи, мычали как волы, а другие вертелись на голове и через спину макушкой касались земли. Жалела она о всех и о каждом проливала слезы, умоляя Христа о милосердии.

Вдвойне дорогое путешествие: и как совет для благочестия, и как урок для задорного скепсиса поздних полуязычников!

Из Вифлеема мать и дочь отправились посетить пустыни Египта. Они принимали благословение и советы Макарьев, Исидоров, Серапионов и других дивных пустынников.

По возвращении в Вифлеем Павла построила на дороге к Иерусалиму странноприимный дом и монастырь мужской, где бл. Иероним был настоятелем. В Вифлееме устроен был обширный монастырь женский, с тремя отделениями. В воскресенье все собирались на молитву в храм общий, в прочие дни служили богослужение в комнатах молитвы. Все были одеты одинаково, собственности никакой ни у кого, а все было общее; все нужное приготовляли сами работой. Сестрам была предписана строгая воздержанность в речах, ни одно резкое слово не должно было исходить из уст девы, посвятившей себя Богу; «если случалась между ними сварливая, дерзкая, заносчивая, — остановив ее не раз, Павла принуждала ее молиться у дверей трапезы, позади всех сестер, и есть отдельно от них, дабы стыд образумил ту, которую не образумили слова». Той, которая выказывала в одежде более, чем опрятность, говорили, что щегольство ее — вывеска грязной души. О слабых и больных заботливость была ревностная.

Строгая мать Павла была училищем благочестия для сестер ее, смирение ее было изумительное. «Когда она была окружена сонмом дев, то казалась последней между ними и по одежде, и по голосу, и по приемам, и по поступи. Она спала на голой земле, даже в лихорадке, мало вкушала пищи, и притом самой

простой, а питалась более слезами. Исключая праздничные дни, она почти вовсе не подбавляла в пищу масла. Когда просили ее поберечь свое слабое здоровье, она отвечала:"Мне надобно обезобразить лицо свое, которое столько раз выставляла я напоказ, натирая красками, в оскорбление воли Божией; справедливость требует истязать тело, которое слишком много вкушало сладостей; надобно мне плакать много, после безумных и преступных веселостей; я должна заменять власяницей роскошные одежды, которые льстили суетности и неге; довольно я старалась нравиться свету, хочу употребить все, чтобы сколько‐нибудь быть угодной Богу"».

Господь привел к Павле одну грешницу. В окрестностях Кесарии палестинской подвизался преп. Мартиниан. В бурную ночь пришла к его келлии жена, одетая в рубище, и просила у него покрова. Пустынник принял ее человеколюбиво в переднюю келлию. На другой день видит он жену, одетую в роскошную одежду. Зажегши огонь среди келлии, он стал на него босыми ногами и говорил с собою: «Как кажется тебе, Мартиниан, этот огонь? Ведь это не то, что огонь геенский! Если хочешь геенского огня, пожалуй, подойти к этой женщине». Пораженная самоотречением и его проповедью, грешница бросилась к ногам святого отшельника, исповедала грехи свои и просила у него духовного исцеления. Преподобный отвел ее в монастырь Павлы, и здесь она, под надзором преподобной, проводила строгую жизнь до смерти и почила с миром, с именем преподобной Зои.

Чтение Священного Писания было самым любимым занятием Павлы, и она старалась обращать правила его в жизнь души своей.

Немало оскорблений пришлось вытерпеть блаж. Павле от партии, не умно понимавшей и еще не умнее защищавшей личные мнения Оригена. Когда же не удалось хитростью склонить на свою сторону знаменитую римлянку, а не удалось оттого, что блаж. Иероним был против этой партии, партия стала бросать в Павлу разные оскорбления, выдавали ее за помешанную и говорили: нужно бы оградить ее от расстройства. Дело доходило до того, что блаженный наставник советовал Павле удалиться с Востока. Она отвечала ему: «Ты был бы справедлив, отец мой, если бы где‐либо могла я найти любимый мною Вифлеем. И зачем скрываться от людской злости? Надобно превозмогать ее терпением! Почему не одержать победы над гордостью смирением? Почему, получая удар в одну щеку, не подставлять другой?»

Приближалась и кончина св. Павлы. В тяжкой болезни своей она тихо читала псалмы. «Не слишком ли страдаешь ты и не оттого ли не спросишь советов?» — спросил ее духовник. Она отвечала по–гречески: «Мне хорошо». И это были последние слова ее. Иерусалимский архиепископ Иоанн с несколькими другими епископами, множество иноков и инокинь совершали погребение над нею. Псалмы петы были на языках еврейском, греческом, латинском и сирском. Вдовы и бедные указывали на одежды, доставленные ею; толпы нуждающихся кричали, что «потеряли они мать и кормилицу свою». Она почила янв. 26 дня 404 г., на 58 году своей жизни.

Св. Евстохия

По стопам блаженной матери Павлы следовала блаженная дочь Евстохия.

Хотя Евстохия и воспитывалась под надзором благочестивой вдовы Маркеллы, но нелегко было дочери сенаторской, девушке из самого аристократического и богатого дома, решиться на нищету Христову, тем более что Евстохия — первая из благородных дев Рима решалась посвятить себя девству. Родные восстали с силой против ее монашества. Тетка Претекстата, аристократка высшего полета, по воле мужа сбросила с Евстохии смиренную одежду ее и пышно нарядила ее, «желая победить решимость дочери и желание матери». Что же случилось? Бог — помощник добру и против греха. По известию блаж. Иеронима, «в ту же ночь видит она (тетка): явился ей грозный Ангел и говорит:"Ты ли смела предпочесть волю мужа воле Христовой? Ты коснулась святотатственными руками главы девы Божией. Руки твои будут сохнуть, чтобы почувствовала ты себя, спустя 5 месяцев приблизишься ты к гробу. Если будешь упорствовать в нечестии, лишишься и мужа и детей". Все выполнилось в свое время и позднее раскаяние запечатлела смерть». Мужественная девушка твердо шла своим путем и не смотрела на суд гордого мира. Иероним справедливо писал: «Кто храбрее Евстохии, которая обетом девства взяла в плен ворота благородства и гордость консульского рода?»

Блаженный Иероним, содействовавший советом Евстохии в решимости жить девой для Господа, в 383 г. написал для нее обширное сочинение о девстве. «Пока мы живем в этом хрупком теле, — писал он, — пока носим сокровище в глиняном сосуде (2 Кор. 4, 7) и плоть борется с духом, как дух с плотью (Гал. 5, 17), дотоле нет верной победы. Потому постоянно необходимы смирение и труд. Особенно для молодого тела нужно воздержание: свобода, какую дозволяют себе многие в этом отношении, вызывает жалкие последствия. Надобно уклоняться от сношения с лицами, от которых веет мирщиной. Редко ходите и на поклонение мученикам; поклоняйтесь им в келье вашей. Трудно, чтобы душа человеческая не любила ничего, не увлекалась какими�нибудь чувствами. Пусть же плотская любовь побеждается любовью духовной, омывайте слезами ложе ваше, бодрствуйте в уединении; пойте сердцем и устами:"Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его, очищающего вся беззакония твоя, исцеляющаго все недуги твоя". Преимущества девственной жизни слишком высоки, чтобы не уважать и не любить их полной душой». Указывая на средства охранять дорогое сокровище, предлагает как можно более оставаться в уединении, заниматься молитвой, не слушать льстецов. «Не уверяйте себя, будто вы молоды, нежны, слабы и потому не можете заниматься рукоделием. Не отзывайтесь ни о ком дурно; попостясь несколько дней, не думайте, будто превосходите тем в добродетели людей, которые не постятся. Пусть вы и поститесь, но можете быть нетерпеливы, заносчивы; а другой не постится, зато кроток и смирен». Надобно притом опасаться и тщеславия, не выставлять из себя особенности. «Когда поститесь, будьте веселы лицом. Одеяние ваше пусть будет довольно чисто, а не гнусно, чтобы проходящие не указывали пальцем». «Как и тщеславие, скупость — вещь дурная». Изобразив жизнь разных подвижников Востока, говорит: «Не смотрите на тех, которые заботливы о плоти, о приобретении имущества, считают доходы. Не говорите: та и та пользуется своей собственностью, в почете у людей, к ней собираются братья и сестры — и перестала ли она быть девой? Да, сомнительно, чтобы такая была девой. Бог смотрит на нас не так, как люди. Если по телу она и дева, но не знаю, дева ли она по душе? Апостол так определил деву: да будет святою по телу и по душе (1 Кор. 7, 34)… Надобно нам смотреть не на жизнь грешных, а на жизнь святых, мучеников, апостолов».

Прибыв в Иерусалим с матерью, посетив святые места его, побывав у пустынников Востока, Евстохия от имени своего и своей матери писала в Рим к Маркелле письмо, приглашая ее на Восток.

«Начиная со времени вознесения Господня и до сего дня, — писала она, — как многие епископы, мученики, красноречивые учителя посещали Иерусалим. Им как бы недоставало чего то в их благочестии, уме, добродетели, если бы не поклонялись Христу в тех местах, откуда распространился свет Евангельский, зажегшийся с Креста. И в самом деле, если оратора осуждают за то, когда не изучал он греческих наук в Афинах, а в Ливии, и с латинскими знакомился не в Риме, а в Сицилии, так как каждая провинция имеет свои преимущества, которых нет у другой, — как же верить, что, не посещая христианских Афин, могут восходить на высоту христианской мудрости?»

«Не отвергаем, что Царство Божие внутреннее должно быть внутри нас и что есть великие, святые люди и в других странах. Но мы хотим сказать, что первые, лучшие люди всего света собираются здесь. Мы не принадлежим к первым, а к последним и пришли сюда, чтобы видеть первых всех стран. Лучшие цветы, дорогие камни — это лики иноков. Британия, отделенная от нашей страны, так как хочет успевать в христианском благочестии, должна присылать своих с Запада на Восток, чтобы они могли видеть место, которое знают только по слуху и по описанию Св. Писания. Что сказать об Армении, Персии, Индии, Египте, столько плодовитом иноками, о Понте и Капподакии, о Сирии и Месопотамии и о всем Востоке? Со всех стран спешат сюда, и мы можем видеть разные образцы добродетели. Языки разные, а благочестие одно. Почти столько же ликов поющих, сколько разностей племенных. При этом первая добродетель христиан — обращение, далекое от гордости и суетности; спорят только о том, чтобы превзойти в смирении».

Описав другие добродетели, которые видятся в опытах, обращается к Вифлеему. «Эти ясли, где лежало Божественное Дитя! Ах! Их надобно чтить более молчанием, чем словами. Куда годятся обширные портики, великолепные комнаты, покрытые золотом, высокие здания, убранные трудом голодных и слезами рабов?.. Вот в этой пещере земной родился Творец мира, здесь повит пеленами, посещен пастырями, показан звездой, принял поклонение волхвов. Конечно, и в Риме есть церковь… Но самое величие города, его могущество и слава, надобность видеться и видеть, поздравлять и поздравляться, хвалить и бранить, слушать или говорить, видеть такое множество людей — очень далеки от тишины й покоя иноческого. Если видим приходящих к нам, теряем молчание; если не видим, считают это за гордость. Отдавая визит за визит, переступаем гордый вход, под бранью слуг входим в золоченые двери».

«В городке Христовом сельская простота и молчание; их нарушают только звуки псалмов. Куда ни посмотришь, слышишь хвалы Богу. Поселянин за плугом поет:"Аллилуйя". Жнец, покрытый потом, оглашает себя псалмами, и виноградарь, обрезающий лозу, издает звуки Давидовой песни. Псалмы — единственные песни в этой стороне; это — любимые песни пастуха и песнь пахаря».»

После живого, картинного описания страны Евстохия живо описывает воображаемое пребывание Маркеллы в Святой Земле.

«О! Когда же ангел–путник принесет нам весть: наша Маркелла в гавани палестинской! Когда лики иноков и инокинь суетливо будут готовиться к ее приему!.. Вот наступает день, когда рука об руку вступаем в пещеру Спасителя, плачем на гробе Господа, плачем с сестрой, плачем с матерью, лобызаем Крест, входим на Елеонскую гору и летим на крыльях духа вслед возносящегося Спасителя; видим Лазаря, обернутого погребальными пеленами, видим реку Иордан, который так весел был при крещении Иисуса; посещаем пещеры пастухов и молимся в гробнице Давидовой; видим пророка Амоса, как он на скале играет на пастушеской свирели. Спешим к Аврааму, Исааку и Иакову и к памятникам жен их; видим поток, в котором Филипп крестил евнуха… Идем в Назарет и, по значению имени его, видим прекрасные цветы Галилеи. Невдалеке отсюда встречаем Кану, где Спаситель претворил воду в вино. Потом идем на Фавор и желаем видеть пребывание Спасителя не с Моисеем и Илией, как Петр, а с Отцом и Св. Духом. Потом мы на Геннисаретском озере и отсюда в пустыне, где накормлены раз пять тысяч, в другой — четыре тысячи, четырьмя и семью хлебами (Мф. 14, 22; 15, 38). Идем далее и видим городок Наин, при воротах которого воскрешен сын вдовы; далее в виду гора Хеврон и поток Эндор, при котором побежден Сисара, еще

Капернаум, избранное место чудес Христовых. Теперь возвращаемся мы, сопровождаемые Христом, через Силом, Вефиль и другие места, где построены церкви — победные знаки Иисуса, возвращаемся в свою пещеру. Кончив путешествие, мы будем часто плакать и еще чаще петь, молиться непрерывно и, уязвленные любовью к Иисусу, станем повторять:"Я нашла Его, Которого любит душа моя; я нашла Его и держу Его и никогда не отпущу Его"(Песн. пес. 3, 4)».

Маркелла была уже дряхла для дальних путешествий, но письмо к ней о Востоке, без сомнения, произвело в Риме сильные движения. Оно может принести пользу и тем жалким больным, которые больны сомнениями о Евангельской истории.

«И слово, и походка, и жизнь ее — училище добродетелей», — писал Иероним к Лете о Евстохии, советуя отослать дочь к ее тетке. Павла точно воспитывалась у тетки, когда еще была жива св. бабка Павла, и внучка языческого жреца была потом искреннею инокиней.

Когда в 404 г. умерла св. Павла, потеря такой матери была оплакиваема дочерью. В утешение Евстохии Иероним красноречивым пером описал жизнь св. Павлы.

Евстохия теперь начальница общины, чем была мать. Надобно было заботиться о содержании обителей. Но было ли, чем содержать: «Свидетель Иисус, — писал Иероним, — мать не оставила для дочери ни копейки, все роздано бедным; осталась только чужая медь, долги и множество братий и сестер. Содержать их трудно, а отсылать грешно. Но будь покойна, Евстохия: ты богата великим наследством, часть твоя — Господь».

Только с надеждой на Господа Иисуса Христа и управляла общиной Евстохия. Блаж. Иероним продолжал помогать ей советами, ободрял ее утешениями небесными. Он перевел для вифлеемских обителей иноческие правила св. Пахомия. Толкование на пророков Езекииля и Исайю посвятил Евстохии, которая под его руководством давно изучила еврейский язык. После молитвы изучение подлинного смысла Св. Писания было для Евстохии самым приятным и освежающим трудом. Современник Палладий писал: «Дочь блаженной Павлы, Евстохия, и ныне подвизается в Вифлееме; она, говорят, жена самая целомудренная и содержит общежитие 50 дев».

В 416 г. пелагияне, в бешенстве гнева на обличителя их Иеронима, ворвались в его монастырь, убили нескольких людей, в том числе диакона, ограбили и сожгли монастырь его; потом ворвались в монастырь Евстохии, ограбили, что могли захватить; инокини спаслись бегством, но вся прислуга была убита остервенелыми. Блаженная Евстохия и младшая Павла писали, в тоне весьма умеренном, о постигшем их несчастье к П. Иннокентию: не называя по имени бунтовавших, выставляли только беззащитное свое положение. Папа писал настойчивое требование к Иерусалимскому Патриарху Иоанну — обуздать дерзости еретиков. «Если ты не сделаешь того, то сам потребован будешь к церковному суду». Но Иоанн уже умер. Пелагияне усмирены были, по соборному определению, патр. Проилием. В следующем, 418 году, страшное землетрясение навело ужас на всех в Палестине — многие ожидали кончины мира. Ряд скорбей приготовлял подвижницу к переходу в блаженную вечность. Незадолго перед смертью глубокого старца–наставника, 28 сентября 419 г., почила преподобная Евстохия.

Св. Мелания

Внучка благочестивой Мелании, проводившей последнюю половину жизни своей в обителях Востока, принадлежала к богатейшей и очень древней дворянской фамилии. Блаженная Мелания еще в детском возрасте изъявляла желание посвятить себя на служение Богу. Это желание не слабело в ней с летами, не взирая на жизнь роскошную аристократического дома. Когда минуло ей 13 лет, ее почти насильно соединили браком с Пинианом, сыном префекта Италии и Африки. Любовь к чистоте душевной и телесной была так сильна в ней, что в первое же время брака упрашивала она мужа уволить ее от супружеского сожития. Молодой муж обещал дать ей это дозволение, когда она родит ему сына. Первым плодом брачного сожития была дочь. Мелания дала обет посвятить дочь Господу.

Она снова обращалась с прежней просьбой к мужу, предлагая за выполнение желания ее передать ему все состояние свое, которое было огромно, но он не согласился. Тогда она решилась терпеливо ждать воли Божией, но вместе положила жить уединенно и строго, сколько возможно это будет в ее высоком звании. Она пламенно просила Господа услышать желания сердца ее; особенно горяча была молитва ее о том в день св. Лаврентия. Молитва ее была услышана. При вторых родах Мелания была в смертельной опасности. Муж, очень любивший ее, испугался до крайности. Он бросился в церковь молить Бога о жизни жены. Мелания послала сказать ему, что, если даст он обещание исполнить ее просьбу, сердце ее уверяет, что она останется жива. Муж дал обет, не колеблясь ни минуты. Мелания почувствовала облегчение и родила сына.

Сынок вскоре после крещения умер, потом умерла и дочь. Эти потери горьки были для Пиниана, но они укрепили в Пиниане решимость следовать желаниям благочестивой супруги. Пиниан и Мелания стали жить по правилам Евангелия и ослабили связи с веселым миром. Так, замечает Палладий, исполнились слова Апостола: *что веси, жено, аще мужа спасаеши?* (1 Кор. 7, 16). Событие это — перемена с Пинианом — относится к августу месяцу 401 г. Тогда минуло семь лет супружества их, Пиниану было 24 года, а Мелании — 20 лет. Пиниан еще не совсем расстался со светской пышностью, но Мелания осторожно перерабатывала сердце его.

Благочестивая бабка Мелании, узнав о доброй перемене в жизни внучки и ее мужа, несмотря на свои шестьдесят лет, прибыла с Востока в Рим. Семейство и родственники встретили ее в Неаполе; отсюда отправилась она в Нолу к св. Павлину, который был ее родственником. Преподав в Риме всем своим совет дорожить чистой верой и оберегаться ереси, отправилась она в Африку по имениям своим. Возвратясь снова в Рим, она настойчиво советовала внукам продать недвижимые имения и расстаться с шумной столицей.

Меланию–старшую все уважали. Дочь ее Альбина, мать младшей Мелании, решилась жить для Господа, как и дочь ее; патрицианка Авхозия, под влиянием Мелании, убедила мужа–язычника принять христианство; Астерий, сын ее, и дочь Евкопия посвятили себя уединенной жизни. В Риме произошло сильное движение в пользу христианского благочестия. По наставлениям благочестивой бабки, Мелания и Пиниан еще более изменили жизнь свою; решено было продавать имения по частям. Мелания бросила все наряды, отдала дорогие платья свои по церквам. Сперва она начала поститься по четыре дня подряд, но потом, умерив ревность, принимала пищу через день. Вместе с мужем посещала она больницы, выкупала содержавшихся за долги, принимала странников и понемногу продавала имения свои.

Брат Пиниана, Север, смотрел, как смотрят люди светские, на дела милосердия супругов. «Это вредная расточительность», — говорил он. Недолго думая, он захватил, что мог, из имений брата. «Надобно спасать, — говорил он, — неумно растрачиваемое богатство». Пиниан и Мелания терпеливо

переносили насилия его и молчали. Но императрица Верина, глубоко уважавшая добродетели Мелании, узнав о всем, просила ее к себе. Муж и жена явились во дворец в простой одежде. Смирение их не только не унизило, а возвысило их в глазах императрицы. Она сказала Мелании, что знает все несправедливые поступки Севера и что он будет строго наказан за них. Тогда обиженные обратились в ходатаев за обидевшего и просили об одном — возвратить им собственность, и притом не для них, а для бедных. Императрица, тронутая добротой их, выпросила у императора Гонория полное право продавать имущество и земли без всякого, с чьей бы то ни было стороны, препятствия. Такая воля императора оказалась вдвойне полезной. Покупатели, увидев, что они безопасно могут покупать имения супругов, возвысили цену на имения, и продажа пошла скоро и успешно.

Муж и жена имели земли не только близ Рима, но в целой Италии и Аквитании, в Сицилии и Испании, в Галлии и Англии, в Террачине и Африке. Мелания продала сперва земли отдаленные — в Испании, Галлии и Англии. Прочие сохранила до тех пор, пока смерть отца не дала ей свободы отправиться с мужем на Восток. Доходы с имений оставшихся, как и деньги проданных имений, супруги употребляли на дела богоугодные. Бедные храмы, монастыри, кафедры Запада получили от них богатые приношения. Блаженная Мелания поручила далматскому иеромонаху Павлу большие суммы для раздачи на Востоке: 10.000 златниц дано было для обителей Египта и Фиваиды, столько же для сирских обителей; столько же для церквей на островах и для ссыльных; 15.000 — для Палестины. Сама же она раздавала вчетверо больше. Всем рабам предоставлена была свобода.

Север не переставал тревожить добрых супругов. Но Господь не оставлял их без своей помощи. Наставления бабки и св. Павлина много подкрепляли их. Палладий, епископ Еленопольский, бывший в Риме (в 405 г.) по делу св. Иоанна Златоустого, принят был Меланиею и мужем ее с полной любовью. «Когда мы были в Риме в большом числе, — говорит он, — для блаженного епископа Иоанна, то они приняли нас с великой почестью, покоили нас в гостинице, снабдили нас богатым дорожным запасом. Так они снискивают участие в вечной жизни Господа нашего Иисуса Христа и в лучшем образе жития».

В 407 году скончался отец Мелании. Вслед затем Мелания оставила шумную столицу и поселилась в имении своем, чтобы жить уединенно. Отсюда супруги ездили в Компанию к св. Павлину. Мелания собрала себе несколько дев благочестивых и с ними молилась и подвизалась. Пиниан точно так же стал жить с 30 отшельниками.

Осада Рима Алариком (в 408, 409 и 410 гг.) доказала, как мудр был совет, данный благочестивой бабкой внукам о продаже имений. Готфы разграбили бы имения их, а, выполнив совет, они передали богатую цену имений руками бедных небу. Варвары рассеялись по всей Италии для грабежей. Пиниан и Мелания удалились в Сицилию, где продали оставшееся имущество, потом переехали в Африку.

В Тагасте был епископом Алипий, друг блаж. Августина. Беседы с добрым пастырем были приятны для Мелании и Пиниана. Здесь же надеялись они видеться с великим учителем Августином, но из письма его узнали, что при всем желании никак не мог он быть в Тагасте. Пиниан и Мелания отправились в Гиппон, оставив Албину в Тагасте. Духовная радость свидания всех пяти друзей была возмущена особенным случаем. Народ гиппонский, давно знавший Пиниана, объявил, что избирает Пиниана в пресвитеры, и притом с тем, чтобы он обязался не разлучаться с ними. Сколько Августин, Алипий и Пиниан ни хлопотали о том, чтобы народ не связывал свободы Пиниана, пришлось уступить его настоянию. Впрочем, впоследствии народ, признательный Пиниану, освободил его от данного слова. Благотворительные Пиниан и Мелания и в Африке расточали благотворения свои. В Тагасте они пожертвовали для кафедры Алипия земли и для храма его металлы и дорогие каменья, в пользу бедных дали большую сумму денег; недовольные тем, они построили два монастыря — мужской для 24 иноков и женский для 130 инокинь, обеспечив существование их капиталами. Семь лет прожили они в Африке, пока проданы были здешние имения их. Мелания жила в своем новом монастыре, под управлением игуменьи. В Риме принимала она

пищу через день; в Тагасте, двигаясь вперед в жизни духовной, она сперва кушала через три дня один раз, потом один раз через 5 дней и, наконец, только раз в неделю. Келья ее была так мала, что она едва могла встать и повернуться; спала она на рогоже — и только 2 часа в сутки, большую же часть времени посвящала молитве и чтению Писания. Так жила богатейшая аристократка Рима. Многих молодых людей обратила она на путь добра и привлекла к вере Христовой нескольких язычников и евреев.

В 419 г. Мелания с матерью отправилась на Восток. Она виделась в Александрии со св. Кириллом и по прибытии в Иерусалим сильно занемогла. Выздоровев, поспешила поклониться св. местам. Получив в Иерусалиме деньги за проданные имения, раздала их бедным и сама осталась бедной по любви к нищете Христовой. Известный Пелагий сблизился с Меланией. Она настойчиво требовала от него отказаться от заблуждений; хитрый Пелагий отказывался на словах от явных ошибок, но тонкими умствованиями хотел закрыть себя от позора. Мелания передала разговоры свои с ним Августину, и тот прислал Мелании и Албине две книги свои: «О благодати Иисуса Христа» и «О первородном грехе».

Посетив египетских пустынников, Мелания заключилась в елеонской келье на подвиги молитвы; сюда допускала она к себе лишь мать и двоюродную сестру. Последняя любила рассеянную светскую жизнь, но увещания Мелании довели ее до того, что полюбила она уединенную жизнь. В келье своей провела Мелания 14 лет. По настоятельной просьбе некоторых дев и жен устроила она им монастырь. За смертью матери следовала (в 435 г.) смерть супруга, или точнее — брата, благочестивого Пиниана, жившего последние годы в Иерусалимском монастыре. Мелания, по убеждению, что недолго переживет дорогих ей людей, усилила строгость жизни своей. Но ей еще предстоял подвиг.

Дядя ее, Волузиан, несмотря на просьбы сестры и увещания Августина, все еще оставался язычником. Теперь он по особым поручениям западного императора был в Константинополе и сильно желал видеть племянницу. Светлая надежда вывести его из мрака на свет Христов одна могла заставить Меланию, уже слабую, пуститься в путь. Она оставила Иерусалим. В Халкидоне утешена она была чудом. Когда стояла она здесь близ раки св. Евфимии, погруженная в молитву, небесный аромат осенил ее — и в ней исчезло всякое сомнение в успехе доброго намерения ее. В Константинополе остановилась во дворце Лавза, знаменитого префекта, для которого писан Палладием Лавсаик. Дядя ее лежал сильно больным. Бедная и смиренная наружность бывшей аристократки римской изумила Волузиана. Христианка объяснила язычнику, что христиане стремятся к благам более высоким, чем земные, к благам вечным, пред которыми все земное — прах и ничтожество. Это объяснение, оправдывавшееся живым примером, подействовало на Волузиана. Скоро Волузиан почувствовал припадок, грозивший смертью, и он сам потребовал освятить его крещением. Он желал, чтобы Мелания была восприемною матерью его от купели крещения, но сильная боль ноги уже около семи дней не позволяла ей выходить из дома. Узнав о крайнем положении дяди, она, несмотря на страдания, просила нести ее к Волузиану. На дороге извещают ее, что над Волузианом совершает крещение св. Прокл, архиепископ. Радость Мелании об этом событии была так велика, что боль ее внезапно прекратилась и она сама пешком прошла остальную часть дороги. При ней дядя приобщился Тела и Крови Христовой. Пребывание Мелании в Константинополе было полезным для многих. Императрицу Евдокию убедила она посетить св. места. Император Феодосий также с пользой для себя слушал беседу ее. Многие из увлекавшихся ересью Нестория удержаны были на стороне Православия советами Мелании.

По возвращении в Иерусалим Мелания выстроила часовню и при ней основала другой мужской монастырь, соединенный с первым под начальством одного настоятеля. Императрица Евдокия прибыла в Иерусалим (438 г.) и на себе испытала, что в Мелании обитает благодать. Императрица вывихнула ногу и сильно страдала, но едва Мелания коснулась ноги, вся боль прекратилась.

Чувствуя близость кончины своей, святая еще раз обошла святые места Святой Земли, день Рождества Христова провела в Вифлееме. По возвращении в Иерусалим почувствовала озноб, приобщилась Св. Тайн и

31 декабря (439 г.) мирно предала дух свой Богу на 57 году жизни своей.

«Возлюбив чистоту девства, ты склонила к добру и сожителя, расточила множество богатства, построила обители для иночествующих. Потому и вселилась в Обитель Небесную. Помилуй нас, Мелания всечестная». Конд.

Св. Пелагия

В орудие спасения для грешницы Пелагии Господь избрал св. епископа Нонна. Он известен был высокими добродетелями еще в Тавеннском монастыре. В 448 г. он был приглашен на Едесскую кафедру, на место низложенного Ивы. Когда же в 451 г. Хаткидонский Собор возвратил Иве Едесскую кафедру и Антиохийскому Патриарху предоставлено дать блаж. Нонне другую кафедру, то Нонн занял кафедру в Илиополе. Здесь деятельность его была чудная: им обращено было к св. вере до 30.000 арабов. По смерти Ивы св. Нонн в 457 г. опять занял Едесскую кафедру и пробыл на ней до своей кончины, последовавшей в 471 г.

«Святейший епископ Антиохии, — пишет очевидец св. Нонна и Пелагии, — собрал к себе по одному делу восемь епископов: между ними был святый Божий человек, мой епископ Нонн, муж дивный и инок самый крепкий монастыря Тавеннского. За несравненную жизнь свою он взят был из монастыря и поставлен в епископа. Епископ Антиохии повелел собравшимся епископам быть в храме св. муч. Юлиана. Мы вошли и все прочие епископы, сели перед входом храма мученического. Когда сидели епископы, владыку моего Нонна просили сказать поучение. Святый епископ тотчас стал говорить в наставление всех. Все дивились святому поучению его. И вот проходит директриса плясуний и пантомимисток Антиохии; сидя на осле, ехала она с великой пышностью, разряженная так, что на ней видны были только золото, жемчуг и дорогие каменья. Ноги ее покрыты были золотом и жемчугом, с ней был пышный кортеж молодых людей и девиц, одетых в дорогие одежды. На ее шее была цепь. Одни ехали впереди ее, другие сзади. Светская молодежь не могла наглядеться на красоту ее. Когда она проезжала мимо нас, воздух наполнялся мускусом и другими ароматами. Когда епископы увидели ее, проезжавшую без покрывала и так бесстыдно, то вздыхали от души и отворачивались от лица ее, как от греха. Блаженнейший же Нонн пристально и долго смотрел на нее, так что оглядывался на нее, когда и проехала она. Затем, обратись к епископам, говорил:"Вас не заняла красота ее?"Те молчали. Он склонил лицо на колени и вымочил слезами своими не только платок, бывший в руках его, но и все колени свои. Тяжко вздыхая, говорил он епископам:"Вас не заняла красота ее? А я истинно увлечен красотой ее. На эту красоту Бог укажет нам, епископам, на Суде Своем, когда будет судить нас и наше управление. Как думаете, возлюбленные, сколько времени провела эта жена в своей одевальной комнате, моясь, прибираясь, со всем напряжением мыслей осматриваясь в зеркале, чтобы не было какого-нибудь недостатка в уборе, чтобы не быть униженной любовниками, которые ныне живы, а завтра пропали. У нас есть Отец Небесный, Жених Бессмертный, дарующий верным своим награды вечные, которых оценить нельзя. Глаз не видел, ухо не слышало, на ум не входило то, что Бог приготовил любящим Его. Что говорить много! Мы, которым обещана честь видеть великое, светлое несравнимое лицо Жениха, на которое не смеют взирать Херувимы, мы не украшаем себя, не очищаем нечистот с сердец наших бедных, а оставляем их по нерадению".

После того епископ взял меня, грешного диакона, и мы вошли в гостиницу, где дана нам келья. Войдя в спальню, упал на землю лицом своим и, ударяя в грудь свою, плакал и стонал."Господи Иисусе Христе, — говорил он, — прости меня, грешника и недостойного. Уборы одного дня на блуднице далеко превышают убор души моей. Каким лицом буду смотреть я на Тебя? Как оправдаюсь пред Тобой? Скрыть души моей пред Тобою не могу, Ты видишь все тайны. Горе мне, грешнику! Стою пред престолом Твоим и не выставляю души моей в той красоте, какой желаешь Ты. Она обещала нравиться людям — и нравится. Я обещал угождать Тебе — и солгал от нерадения моего. Нагой я пред небом и землей, не выполняю заповедей Твоих. Итак, нет мне надежды на дела мои, надежда моя только на Твое милосердие, от которого ожидаю спасения". Так говорил он и долго горевал. В тот же день праздновали мы праздник.

В следующий день, который был воскресным, после того как совершили мы ночные молитвы, св. епископ Нонн говорит мне:"Брат диакон! Я видел сон и сильно смущаюсь. Я видел во сне: стоит у алтаря черная голубка, покрытая всякой грязью; она летала около меня, и зловония ее не мог я выносить. Она стояла около меня, пока не совершилась молитва оглашаемых. Когда диакон возгласил:"Оглашенные, изыдите", она уже более не являлась. Когда после молитвы верных и совершения приношения отпущен был народ, голубка, покрытая нечистотами, опять пришла и летала около меня. Протянув руку, я взял ее и опустил в купель преддверия церковного. Голубка вышла из воды совсем чистая и белая, как снег. Летая, понеслась она вверх и исчезла из глаз". Когда святый Божий епископ Нонн высказал свой сон, то взял меня, и мы с прочими епископами пришли в великую церковь, где поздравляли епископа города.

Войдя в церковь, поучал он народ, епископы сидели на кафедрах. После уставного служения или после чтения Евангелия епископ города, подавая св. Евангелие блаженнейшему Нонну, предложил ему сказать поучение народу. Он изрекал премудрость Божию, обитавшую в нем; ничего не говорил он изысканного, или философского, или беспорядочного, но, исполненный Духа Святого, обличал и увещевал народ, со всей искренностью говоря о будущем Суде и о будущем воздаянии. Весь народ сильно сокрушился от его слова, так что пол обливался слезами. По устроению милосердия Божия пришла в ту же церковь и та блудница, о которой говорено было. И дивное дело, та, которая никогда не думала о грехах своих и никогда не ходила в церковь, внезапно поражена была страхом Божиим, проливала потоки слез и никак не могла удержаться от рыданий. Потом она сказала двум слугам своим:"Стойте здесь, когда выйдет епископ Нонн, идите за ним и узнайте, где живет он, потом придите и скажите мне". Слуги поступили так, как приказала госпожа; следуя за нами, пришли в церковь св. мученика Юлиана, где для нас была гостиница, или келья. Потом ушли и сказали госпоже:"Он живет в церкви св. муч. Юлиана". Услышав это, она тотчас прислала с теми же слугами такое письмо:"Святому ученику Христову — грешница и ученица диавола. Слышала я о Боге твоем, что Он преклонил небеса и нисшел на землю, не для праведных, а для того, чтобы спасти грешников. Он столько смирялся, что приближался к мытарю, и Тот, на Кого не смеют смотреть Херувимы, шел между грешниками. И ты, господин мой, в котором так много святости, хотя не видал телесными очами Христа Иисуса, говорившего с самарянкой у колодца, но искренний поклонник Его, как слышала я от христиан. Если же ты ученик Его, то ты не отвержешь меня, желающую через тебя видеть Спасителя". Святый епископ Нонн отвечал ей письмом так:"Все открыто Богу: и дела твои, и желание твое. Но говорю тебе: не искушай смирения моего, я грешный раб Божий. Если ты искренно желаешь благочестия, принять веру и видеть меня, со мною тут другие епископы, и в их присутствии можешь видеть меня, но одного не увидишь". Когда прочитала это грешница, то весьма обрадовалась, бегом пришла в церковь св. муч. Юлиана и дала знать о своем приходе. Святый епископ Нонн, услыхав о том, пригласил к себе епископов и затем приказал ей войти. Войдя туда, где собраны были епископы, она упала на пол и ухватилась за ноги блаж. Нонна–епископа."Умоляю тебя, владыко мой, — говорила она, — будь подражателем учителя Твоего Господа Иисуса, излей на меня доброту твою, сотвори меня христианкой. Я, владыко мой, море грехов и бездна нечестия. Прошу, чтобы крестили меня". Едва св. епископ мог убедить ее, чтобы встала она. Потом сказал ей:"Правила церковные велят не иначе крестить грешницу, как если представит она поручителей в том, что не будет более валяться в грехах". Выслушав это решение, она опять упала на пол, ухватилась за ноги св. епископа и, омывая их слезами, говорила:"Отдашь ответ Богу за душу мою и на тебя возложу нечестие дел моих, если станешь откладывать крещение гнусной грешницы; не найдешь ты доли у Бога со святыми, если меня не удалишь от злых дел моих". Тогда все епископы и собравшиеся клирики, видя такую грешницу, так горячо желающую благочестия, сказали:"Мы еще не видали такой веры, какова вера этой грешницы". Тотчас послали меня, диакона, к епископу города возвестить ему о всем и просить, чтобы блаженство его приказало прислать одну из диаконисе. Услыхав это, он сказал:"Хорошо, почтенный отец". Тотчас прислал со мной первую из диаконисе, госпожу Роману. Она застала ее еще у ног епископа Нонна. Он едва мог поднять ее."Встань, дочь, для совершения

заклинания, исповедуй все грехи твои". Она отвечала:"Если посмотрю на сердце мое, то не нахожу в себе ни одного доброго дела. Знаю грехи мои, их более, чем песку в море. Уповаю на Бога твоего, что Он Сам взвесит тяжесть грехов моих и призрит на меня". Тогда епископ Нонн спросил:"Как твое имя?""Родители мои, — сказала она, — назвали меня Пелагиею, а граждане Антиохии зовут меня Маргаритой; по тяжести украшений, которыми украсили меня грехи мои, я краса и сосуд диавола". Св. епископ сказал:"Природное твое имя Пелагия?" — "Точно", — отвечала она. Тогда епископ совершил над нею заклинание и крестил ее, возложил на нее печать Господа и преподал ей Тело Христово. Духовной матерью ее была госпожа Романа, первая диаконисса. Взяв ее, привела она ее в покой оглашенных, потому что и мы там были. Св. епископ Нонн сказал мне:"Брат диакон, возрадуемся ныне с Ангелами Божиими, сверх обычая будем вкушать пищу с елеем и примем вино с веселием духовным ради спасения этой девицы".

Когда мы кушали, вдруг слышится крик как бы человека, которого давят. Диавол кричал:"Увы, увы, что терплю я от этого старика? Не довольно тебе 30.000 арабов, которых ты отнял и крестил и принес Богу твоему. Не довольно тебе Илиополя, который также был моим, все жители его чтили меня, а ты отнял и принес Богу твоему. Теперь ты отнял у меня самую лучшую надежду мою. И я не выношу уловок твоих. Проклят день, в который родился ты". Потом, обратясь к новокрещенной девушке, говорил:"Что это ты делаешь, госпожа моя Пелагия? Ты подражаешь Иуде. Он, увенчанный почестью, предал Господа своего, и ты то же со мной сделала". Святый епископ Нонн говорит ей:"Огради себя крестом Христовым и прокляни его". Она ознаменовалась во имя Христово, дунула на демона — и он тотчас исчез.

Спустя два дня, когда спала она со святой Романой, явился ей ночью диавол, разбудил рабу Божию Пелагию и говорил:"Госпожа моя Маргарита, не обогащена ли ты золотом и серебром? Не украсил ли я тебя жемчугом и каменьями? Чем же оскорблена ты? Отвечай мне, и я все сделаю для тебя, только ты не делай меня посмешищем христиан". Тогда раба Божия Пелагия ознаменовалась и, дунув на демона, сказала:"Бог мой, Который исхитил меня из зубов твоих и ввел в небесный чертог Свой, Он да восстанет за меня против тебя". И диавол более не являлся.

В третий день после крещения своего святая Пелагия позвала слугу своего, который всем у нее заведовал, и сказала ему:"Ступай в гардеробную мою и перепиши все, что есть в серебре и золоте, в нарядах, в дорогих одеждах, и принеси мне". Слуга исполнил волю госпожи и все имущество ей принес. Она тотчас через мать свою святую Роману пригласила святого епископа Нонна и все имущество свое передала в его руки."Вот, владыка, — говорила она, — богатства, которыми наделил меня сатана. Передаю их в волю святыни твоей: делай с ними, что хочешь. Мне надобно желать даров Господа моего Иисуса Христа". Он позвал старшего хранителя церковного и в ее присутствии все имение отдал в его руки."Заклинаю тебя, — говорил он, — неразделимо Троицей, ничто из этого не должно поступить в дом епископа или в церковь, а все должно быть роздано нищим, вдовам и сиротам; пусть худо собранное расточено будет умно…"Она пригласила всех слуг и служанок своих и всем дала свободу. Она дала им золотые цепи и сказала:"Спешите освободиться из мира нечестивого, дабы как были мы вместе в этом веке, так пребывать бы нам вместе в той блаженной жизни".

В осьмой день, когда надлежало снять белые одежды, встав ночью, чего не знали мы, сняла она одежду крещения своего и оделась во власяницу и подрясник святого епископа Нонна и с того времени исчезла из города Антиохии. Святая Романа плакала о ней, но святый Нонн утешал ее и говорил:"Не плачь, дочь, а радуйся: Пелагия избрала добрую волю, подобно Марии, которую предпочел Господь Марфе".

Пелагия ушла в Иерусалим и устроила себе келью на Елеонской горе, где молился Господь. Епископы отпущены были каждый в свой город.

Спустя три или четыре года захотелось мне, диакону Иакову, сходить в Иерусалим для поклонения воскресению Господа нашего Иисуса Христа, и я выпросил у епископа моего дозволение на путь. Отпуская меня, сказал он:"Брат диакон! Когда придешь в Иерусалим, отыщи там некоторого брата Пелагия, монаха и

евнуха, живущего несколько годов в затворе, истинно ты получишь пользу от него". Это говорил он прикровенно о рабе Божией Пелагии.

Я пришел в Иерусалим, поклонился св. воскресению Господа нашего и на другой день отыскал раба Божия. Я нашел его на Елеонской горе, где молился Господь, в маленькой запертой келлийке, с малым окошечком в стене. Я постучал в окошко. Она отворила и узнала меня, но я не узнал ее. Как мне было узнать ту, которую когда�то видел красавицей и которая теперь была сухой от поста? Глаза ее как бы ввалились в углубления. Она сказала мне:"Откуда пришел ты, брат?" — "Я послан к тебе епископом Нонном", — отвечал я."Да помолится он обо мне! Он истинно — святый Божий», — сказала она. И тотчас затворила окошко и начала петь третий час. Я молился у стены кельи ее и потом удалился с великой пользой, оттого что видел Ангела. Возвратясь в Иерусалим, начал я обходить монастыри. По обителям носилась великая слава о господине Пелагии. Потому положил я еще раз побывать у него, дабы воспользоваться спасительными наставлениями его. Когда пришел я к келлийке и стал толкать и звать даже по имени, ответа не было. Я ждал другой и третий день, называл по имени Пелагия — и ничего не слыхал. Потому сказал я себе: или тут нет никого, или ушел монах. Потом говорил себе: посмотрю, не умер ли? Я отворил окошко, посмотрел — и вижу умершего. Затворив окошко и замазав глиной, поспешил я в Иерусалим с известием: св. монах Пелагий, творивший чудеса, почил.

Тогда святые отцы пришли с иноками разных монастырей и отворен был вход в келью. Святое тело вынесено было наружу и положено было как драгоценность. Когда святые отцы намащали его миррою, то узнали, что это женщина14. Они хотели скрыть это, но народ узнал, и все восклицали:"Слава тебе, Господи Иисусе, что у Тебя есть сокровенные на земле не только мужи, но и жены". Молва распространилась всюду, и все монастыри девственниц пришли, как из Иерихона, так и с Иордана, со свечами, лампадами и гимнами. Святые останки с честью похоронены были св. отцами.

Так, очищенная водами крещения, Пелагия в четыре года самоотверженной жизни настолько возвысилась, что еще при жизни творила чудеса.

По времени илиопольского пастырства св. Нонна надобно положить, что св. Пелагия скончалась не позднее 461 г.

Западный паломник Антонин в 600 г. видел мощи св. Пелагии.

Русский игумен Даниил в XII в. писал: «На горе Елеонстей есть печера глубока вельми, близ Вознесения Господня, на полдень лицем и в той печере гроб святыя Пелагия блудницы». Инок Зосима в 1420 г. говорил: «Вторая церковь (на горе Елеонской) мала, в ней же Пелагия блудница и гроб ее от стены яко локоть и оле чудо! кто хощет проидти мимо гроба ея, она не пускает, аще не достоин».

Св. Мария–египтянка

Мария Пустынная — образец равноангельской жизни.

В одном из палестинских монастырей славился строгой жизнью инок Зосима, при императоре Юстине–старшем (518–526 гг.), в окрестности Кесарии. Он известен был даже по чудесам и по дару прозорливости. Он 50 лет прожил в своем пустынном уединении и, однако, желал видеть образцы высшей жизни для своего назидания. В одно время человек Божий говорит ему: «Чтобы видеть, какие есть другие пути спасения, иди в Иорданский монастырь». Зосима отправился в указанную обитель. «Для назидания пришел я», — сказал он иноку–привратнику. «Пусть внимает каждый себе, — отвечал тот, — и трезвым смыслом совершает дела при помощи Божией; но так как любовь твоя захотела видеть нас, смиренных, поживи с нами». Зосима скоро убедился в строгой жизни старцев обители. Они постоянно заняты были то псалмопением, то рукоделием; праздное слово не выходило из уст их. Ни о доходах, ни об удобствах жизни не заботились, заботились только об умерщвлении тела. Поучение в слове Божием составляло для них самую приятную пищу.

С давнего времени в обители наблюдалось такое правило. Перед наступлением Великого поста, в воскресный день, совершалось, по обыкновению, таинство и каждый причащался Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Приняв несколько пищи, собирались все в храме, и после коленопреклоненной молитвы иноки прощались один с другим; и каждый, падая перед настоятелем, просил молиться за него. Отворялись ворота, и выходили с пением стихов: «Господь Просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?» Оставался один или двое для охранения монастыря (впрочем, ворам красть было нечего), собственно же для совершения службы. Каждый содержал себя, как хотел или мог. Один нес с собой хлебец, другой финики, иной — размоченные бобы, а у другого не было ничего, кроме одежды. Питались, когда требовала нужда природы, травами пустыни. Правилом положено было не встречаться одному с другим. Перейдя Иордан, ходили вдали один от другого… Каждый жил для себя и Бога, постоянно поя псалмы и в определенное время принимая пищу. Так проводили все время поста, а перед светлым днем Воскресения Христова возвращались в обитель, чтобы торжествовать Праздник Ваий с вайями, по чипу церкви.

По уставу обители Зосима на пост также вышел в пустыню. Дней 20 ходил он в пустыне Иорданской с тайным предчувствием чего-то особенного. Однажды в полдень усердно молился он с лицом, обращенным к востоку, и неожиданно увидел, что кто-то мелькнул мимо него, как привидение. Опасаясь обольщения, он оградил себя крестным знамением и продолжал молитву. Окончив ее, он обратился и увидел, что кто-то тихо идет мимо него. Нагое тело идущего сожжено солнцем, волосы короткие и белые, как снег.

Убежденный, что видит одного из святых жителей пустыни, у которого можно научиться совершенству духовному, Зосима запылал желанием узнать жизнь дивного пустынника. Забывая свои лета, он побежал за явившимся. Тот усиливался уходить от старца и перебежал через пересохшее русло реки. Зосима кричал: «Кто бы ты ни был, служитель Божий, сжалься над хилым стариком, желающим испросить твоих молитв и благословения. Зачем ты бежишь от меня, бедного грешника? Вспомни, что сам Бог, Которому ты служишь, не отвергает никого». На краю русла Зосима услышал ответ: «Умоляю тебя Богом, блаженный Зосима, не приближайся более ко мне; если хочешь говорить со мной, брось мне плащ твой; прикрыв наготу мою, я попрошу тебя благословить грешницу».

Удивленный тем, что его называет по имени женщина, вовсе не известная ему, Зосима понял, что его знает она по откровению. Он бросил ей дырявый плащ свой и отворотился. Тогда незнакомка, прикрытая

плащом, перешла на его берег и упала к ногам его, прося благословения. В восторге радости и с чувством уважения Зосима также поклонился и просил благословения. В этой трогательной борьбе смирения святых пустынница защищала свое желание тем, что она жена–грешница. Зосима указывал также на свое недостоинство. «У тебя право священное благословить меня и призвать на меня благодать, ты пресвитер», — сказала явившаяся. «Она знает и то, что я пресвитер», — думал Зосима и еще более утвердился в мысли, что это необыкновенный Божий человек. «Я вижу, блаженная мать, — сказал Зосима, — что на тебе покоится Дух Божий и что, умертвив себя для мира, ты возвысилась до Всемилостивого твоим благочестием: не Сам ли Он открыл тебе мое имя и мой сан? Обилие благодати, живущей в тебе, выше сана моего, который без благочестия — осуждение для меня. Потому умоляю тебя любовию Спасителя нашего, благослови меня и молись за грешника, нуждающегося в твоих молитвах». Пустынница по послушанию сказала: «Бог милосердый, хранитель душ и тел наших, да будет благословен во веки». «Аминь», — отвечал Зосима.

Они поднялись. «Зачем пришел ты к грешнице? Нет, не ты, а Бог привел тебя, чтобы подарить мне духовное подаяние. Скажи же, св. отец, в каком состоянии находится христианство? Как управляется Церковь Божия?» — говорила пустынница. «По благости Иисуса Христа, Бог даровал твердый мир», — отвечал Зосима и просил рабу Божию помолиться о всем мире. Уступив этой новой настойчивой, как и прежняя, просьбе, явившаяся обратилась к востоку, подняла руки к небу и стала молиться так тихо, что Зосима не мог слышать слов ее. Молитва лилась к небу довольно долго. Зосима с изумлением видит, что молящаяся поднялась от земли на воздух более, нежели на локоть. Пораженный и испуганный, старец пал на землю и повторял слова: «Господи Иисусе Христе! Помилуй меня, грешного». Она окончила молитву и, подойдя к Зосиме, сказала: «Зачем, блаженный, впадаешь ты в это смущение? Я не дух, как подозреваешь ты, я — тело и кости, я грешница, но удостоена святого крещения». Затем оградила она крестным знамением чело, глаза и грудь и сказала: «Да избавит нас Господь от искушений демона силой Святого Креста».

Зосима, уверенный, что видит избранную слугу Божию, бросился к ногам ее и умолял рассказать, кто она, как долго живет в пустыне и какую ведет жизнь? Он представлял, что не праздное любопытство просит ее о том, а искреннее желание узнать для себя и других нужное для спасения души. «Я родом из Египта, — говорила пустынница, — мне было не более 12 лет, когда, предпочитая преступную свободу долгу питать родителей, я ушла в Александрию… Без ужаса не могу вспомнить, какую вела я там жизнь. Почти 17 лет предавалась я ужаснейшему распутству, и не для того, чтобы получать деньги, но только для того, чтобы удовлетворять похоти; я не просила денег у любовников, лишь бы они служили мне.

Живя так, на 29 году увидала я в летний день множество людей из Египта и Ливии, которые толпами направлялись к морю. Я спросила у кого�то: что это значит? Мне отвечали, что эти люди отплывают в Палестину — торжествовать в Иерусалиме праздник Воздвижения Креста. Мне вздумалось отправиться с ними. Я не имела ничего, чтобы заплатить за переезд и прокормление, но была уверена, что преступления мои доставят мне все нужное. С наглостью бесстыдной распутницы привязалась я к молодым людям и с ними вошла на корабль. На пути тонула в мерзостях и то же делала в Иерусалиме.

Когда наступил праздник, пошла и я с другими в церковь. Но когда дошла до дверей, невидимая рука с силой отбросила меня от входа. Все входили, и никто никому не препятствовал. Три и четыре раза употребляла я усилие войти в храм, и каждый раз невидимая рука отбрасывала меня на площадь. Полная смущения и стыда, встала я на паперти в углу и размышляла о причине необычайного обстоятельства. Она объяснилась мне, лишь я бросила взгляд на мерзость моей жизни.

Благодать проникла в мое сердце, и я залилась горячими слезами, била себя в грудь безмолвно и терзалась. Рыдая и стеная, подняла я глаза и увидела, что стою перед иконой Божией Матери. Я обратилась к Ней с мольбой умилостивиться над грешницей, открыть ей вход во св. храм. Долго молилась я

и с некоторой надеждой пошла к дверям церкви. Трепет объял меня перед входом, но я взошла в церковь. Я вошла и вместе с другими поклонилась Животворящему Кресту. Распростертая пред Ним, я изумлялась в трепете, что допускает Он до Себя такую преступницу.

Возвратясь к образу Пресвятой Богородицы, излила я благодарность за Ее милость и молила Ее горячими слезами указать мне путь покаяния. Тогда послышался мне голос издали:"Перейди Иордан, и там найдешь покой". Я чувствовала, что это относилось ко мне, и с горячими слезами воскликнула:"Владычица, Владычица! Не покидай меня!"Тогда же решилась я следовать голосу.

При выходе кто-то подал мне три монеты со словами:"Прими, нонна!"Я купила на них три хлеба и, узнав дорогу за Иордан, отправилась. Весь день шла я, проливая слезы, и на закате солнца достигла храма Иоанна Крестителя на Иордане. Помолясь, омыла я лицо и руки в водах священной реки и возвратилась в церковь, где присутствовала при богослужении. Съев половину одного из трех хлебов, заснула я на земле, а утром переправилась через Иордан в челноке. Так я достигла пустыни и с тех пор одна, отрешенная от людей, живу здесь в ожидании милосердия Божия, укрепляющего своею благодатью кающихся и искренно обращающихся».

Пустынница принесла исповедь Зосиме в грешной жизни, но ничего не сказала, как жила она в пустыне. Потому Зосима снова просил ее открыть, давно ли она в пустыне, чем питалась и что испытала?

«Прошло около сорока семи лет, — отвечала она, — со времени выхода моего из Иерусалима в пустыню. У меня оставалось два с половиной хлеба, когда переправилась я через Иордан; понемногу съела я их и потом питалась травой. Борьба моя продолжалась 17 лет. Она была такова, что я теперь содрогаюсь. С одной стороны, невыразимо страдала я от голода и жажды. Мука усиливалась воспоминанием о вкусной пище и вине дней разврата моего. Злой дух воскрешал в мыслях со всей живостью распутные песни, которые я пела, и мерзкие, похотливые картины неисчислимых преступлений моих. С другой стороны, одежда, в которой вышла я, совсем распалась, и я подвергалась влиянию всех перемен, всем жестокостям времен года: то солнце жгло раскаленными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда падала я на землю, сожженная или оледенелая, чувствовала я, что умираю, а тысячи искушений нападали на меня с демонскою силою.

В этом неизъяснимо жестоком состоянии Пресвятая Богородица была пристанищем. Я горько рыдала и, ударяя себя в грудь, простиралась на земле и молила Владычицу не лишить меня помощи. После рыдания и мольбы свет озарял душу и покой возвращался моему сердцу. Милостивая Царица не отказала мне в своей помощи.

Вспоминая, — продолжала пустынница, от каких зол избавил меня Господь, я питаюсь пищей неистлевающей, надеждой спасения, питаюсь и покрываюсь словом Бога, содержащего все (Втор. 8 гл.). Не одним хлебом живет человек» (Мф. 3 гл.).

Когда Зосима услышал, что пустынница произносит слова Св. Писания, он спросил ее: как знает она Св. Писание? Она улыбнулась и сказала, «что ни в мире не училась она, ни в пустыне не слышала, кто бы читал ей книги; голос Божий, живой и действенный, раздающийся в сердце, один наставник мой. Но довольно, довольно обо мне, я исполнила твое желание».

Упав к ногам Зосимы, она просила благословить ее. Он со слезами произнес: «Да будет благословен Бог, совершающий чудеса! Да будет Он благословен и за милость ко мне».

Пустынница встала и, удержав Зосиму, готового пасть ей в ноги, сказала: «Умоляю тебя именем Спасителя не говорить обо мне никому ничего, пока я не умру. В следующем году ты не выходи из монастыря с другими в начале поста, да и нельзя будет выйти; в великий четверток приди на берег Иордана и принеси сосуд с Телом и Кровью Христовой, дабы я удостоилась приобщиться Св. Тайн. Дай знать о. Иоанну, настоятелю, чтобы смотрел за стадом своим — в нем многое требует исправления. Но об

этом скажешь после того, как приобщишь меня».

В следующем году Зосима лежал больной, когда братия в начале поста выходили в пустыню. Он вспомнил тогда слова пустынницы. В Великий четверток отправился он со Св. Дарами к Иордану. Вечером видит он святую на другом берегу. Она осенила крестом воду и пошла по воде, как по суше. Она просила прочитать Символ веры и молитву Господню «Отче наш». Когда приобщилась она Тела и Крови Господа, то, подняв руки к небу, произнесла: «Ныне отпущаешь Ты рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, очи мои видели спасение души моей». Потом, обратись к старцу, сказала: «И ты, отец Зосима, сотвори для меня любовь, не откажись придти в следующий пост на то место, где в первый раз говорили мы с тобою». Она взяла только три зерна чечевицы и отправилась через реку, как пришла, но воде как по суше.

В следующем году Зосима пришел на то место, где в первый раз виделся с пустынницей. Здесь увидел он мертвое тело праведницы и оросил ноги ее слезами. Он начал петь псалмы, но колебался сомнениями, где похоронить ее? Лицо усопшей обращено было к востоку, а близ головы видит он на песке слова: «Авва Зосима! Погреби здесь тело бедной Марии и, предав землю земле, молись за ту, которая отходит к Господу после приобщения Святой Вечери». Зосима похоронил тело святой в яме, выкопанной львом, явившимся к услугам праведницы. Кончина равноангельной Марии последовала в 522 г., апреля 7 дня.

Зосима, возвратясь в киновию, пересказал о Марии все, что видел и слышал, во славу Божию.

Св. Мария Мастридия и две неизвестные по имени подвижницы

Когда стала известной история дивной Марии, высокие подвиги равноангельной Марии, дивная надежда ее на Господа, оказавшаяся столько верной и сильной, воодушевила не одну деву на подвиги более или менее трудные.

Об одной подвижнице, скончавшейся при жизни св. Кирияка и, следовательно, прежде 557 г., когда почил св. Кирияк, рассказывает Кирилл в житии св. Кирияка.

Иоанн, ученик св. отца Кирияка–отшельника, пишет Кирилл, рассказывал мне следующее:

«За несколько лет перед сим шли мы с другом, братом Парамоном, к отцу Кирияку. И вот вдали видим стоящего человека. Мы, подумав, что это пустынник, поспешили подойти к нему, чтобы поклониться ему. Когда приблизились к этому месту, тот исчез из глаз наших. Мы испугались при мысли, не злой ли это дух. Стали на молитву, и, помолясь, осмотрелись кругом, там и здесь, и нашли пещеру."Конечно, здесь раб Божий, — сказали мы, — он скрылся от нас сюда". Подойдя к пещере, просили мы, чтобы показался он нам и не лишил нас своих наставлений и благословения. Из пещеры услышали мы ответ:"Какой хотите пользы от женщины, грешной и простой? Куда идете вы?""Мы идем к отшельнику Кирияку, — сказали мы, — но открой нам Бога ради твое имя, твою жизнь и почему пришла ты сюда?"Она отвечала:"Идите, куда идете, а когда возвратитесь, скажу вам". Мы с клятвой уверяли ее, что не отойдем, пока не выслушаем о ее жизни. Поняв, что не отойдем от нее, она, не показываясь нам, рассказала о себе так:"Я называюсь Мария, была чтицей псалмов при церкви Воскресения Христова, злой дух уязвлял мною многих. Я пришла в страх: как бы не быть мне виновной в соблазне и как бы не приложить грехов к грехам моим. Молилась я усердно Богу — избавить меня он напасти. Раз, умилившись душой от страха Божия, пошла я к Силоаму, налила сосуд водой, взяла корзину с мочеными бобами, ночью вышла из святого города и, поручив себя Богу, отошла в пустыню. Бог привел сюда, и здесь живу я уже восемнадцать лет; благодатью Божией ни вода не истратилась у меня, ни бобы в корзине не убавились. Затем прошу вас — идите теперь к отцу Кирияку и выполните свою службу; когда же будете возвращаться, посетите меня, бедную". Выслушав это, пошли мы к отцу Кирияку, рассказали ему все, что слышали от блаженной Марии. Отец Кирияк, подивившись, сказал:"Слава тебе, Боже наш, у Тебя есть сокровенные святые мужи и жены, тайно служащие Тебе. Идите, дети мои, — прибавил он, — к угоднице Божией и, что скажет вам, сохраняйте". Возвращаясь от отца Кирияка, пришли мы к пещере блаженной Марии."Раба Божия! — говорили мы. — По твоему приказанию пришли мы к тебе". Но ответа не было. Войдя во вход к пещере, сотворили мы молитву, но ответа опять не было. Тогда вошли мы в саму пещеру и нашли рабу Божию, скончавшуюся о Господе. От святого тела ее выходило сильное благоухание. С нами не было ничего, чем одеть ее. Поспешив в обитель, принесли мы все нужное; одев ее, похоронили ее в пещере и завалили устье пещеры камнем».

О другой палестинской пустыннице рассказывал великий подвижник Сила, подвизавшийся в аравийской пещере, в ските Фара. «За несколько лет перед сим, — говорил он братиям, — жил вблизи меня отшельник, которого я очень любил. Было у нас обыкновение — посещать его в великие праздники, приносить ему нужное и получать благословение его. В праздник Пасхи взял я милоть, несколько бобов и несколько хлеба и пошел к старцу, по обычаю. По смотрению Божию, пришлось мне запутаться в холмах и пустырях; настал дневной зной, я стал изнемогать от жара и труда. И обратился я ко Господу с крепкой молитвой. Изнемогая от жажды и зноя, лежал я без сил и вошел в тонкий сон. Вот подходит ко мне кто�то и говорит:"Будь бодр, авва, ты не заблудился, и труд твой не напрасный". Проснувшись, не видал я никого,

но с радостью благодарил Бога; помолился — и вот вижу между холмами следы человека. Я пошел по следам, вижу много хвороста и пещеру; я стал звать:"Благослови меня, отец" — ответа не было. Подошел еще, вижу иного инока, сидящего в молчании. Поклонились мы один другому, и он сказал, чтобы я начал молитву."Твое это дело, ты пресвитер", — говорил он. Я отказывался, желая скрыть себя."К чему лгать, авва–пресвитер?" — сказал он. Мы сели, и я терялся в догадках, жена ли это или евнух?"Ты, авва, смущаешься о мне, жена ли или евнух я", — сказал он. Я растерялся от этих слов."Дай мне слово не говорить обо мне никому до смерти, и я скажу тебе о себе", — сказал пустынный человек."Бог знает, — отвечал я, — как я желаю знать о подвигах", — и дал слово молчать."Я дочь эпарха Константинопольского, — так говорила она, — сенатор обручил меня за своего сына, быв другом отцу моему. Мне никак не хотелось выходить замуж, но не говорила я о том родителям. Утешением для меня было заниматься молитвой, и я молила Господа исполнить тайное желание мое. Раз говорит мне отец:"Будь готова к браку, дочь моя, пришло время"."Нельзя мне решиться на то, — отвечала я, — прежде чем исполню обет"."Какой?" — сказал отец."Обещала я поклониться святым местам", — сказала я. Он шутливо говорит:"Когда выйдешь замуж, тогда исполнишь обещание свое — вместе с мужем"."Нет, — сказала я решительно, — я обещала поклониться девой — и это должно быть выполнено: лгать перед Богом не могу, страшно". Родитель уступил. Со мной отпущено множество слуг, служанок, 3000 золотых. На корабле прибыли мы в святой город. Поклонившись святым местам, отправилась я посетить египетских отцов. Близ великой Лавры Египетской видела я трех великих старцев, один из них особенно показался мне ангелом. По возвращении в святой город надлежало возвратиться в Константинополь. Я приготовила два письма, одно к родителям, другое к младшему брату, который был со мной. В последнем написала я, что не могу я быть в супружестве и посвящаю жизнь свою Господу. Когда выезжали мы уже из города, я сказала брату, что нужно мне побывать в Гефсимании. Оставив письма в одежде моей, с одной служанкой отправилась я в Гефсиманию. Потом, оставив ее здесь, одна поспешила к великому старцу своему. Со слезами просила я его облечь меня в монашенство и дать мне книги, какие у него видела. Он исполнил просьбу мою. Пробыв у него день, сказала я ему:"Теперь благослови меня идти, куда Господь повелит". Со слезами помолившись обо мне, дал он мне свои книги и отпустил с миром. Возложив надежды мои на Господа, пришла я в эту пустыню и вот живу в ней уже 28 лет; ты первый, кого я вижу здесь". Когда окончила она рассказ свой, я просил ее покушать со мною пищи, какая была со мной. — "Тебе нужно подкрепиться пищей, ты устал, а у меня есть другая пища", — сказала она. Изумительно для меня было то, что, столько лет прожив в пустыне, она не потеряла своей красоты. В пещере ее я не чувствовал жажды, но думал: что-то будет после? Она, отвечая на мысль мою, сказала:"Будь покоен, авва, жажда не будет томить тебя, пока не дойдешь до кельи твоей". Прощаясь с ней, просил я ее:"Дозволь мне приходить к тебе для советов". Отправившись в путь, я точно не чувствовал жажды. Спустя некоторое время пошел я к ней, но уже не нашел ее в пещере. За все слава Господу».

О третьей отшельнице, подвизавшейся в той же Иорданской пустыне, где жила равноангельная Мария, читаем рассказ у Иоанна Мосха.

«Пришли мы, — говорит Мосх, — к авве Иоанну–отшельнику, по прозванию Огненному. Он рассказывал нам, что сам слышал от аввы Иоанна Моавитского. В святом городе (Иерусалиме) была дева, посвятившая себя Богу, весьма благочестивая и усердная (по Прологу, именем Мастридия). Диавол, позавидовав деве, зажег в одном молодом человеке сатанинскую любовь к ней. Великая дева, поняв хитрости диавола и видя опасное положение молодого человека, положила в корзину немного размоченных бобов и удалилась в пустыню, дабы через то самое как молодого человека избавить от искушения, так и себе самой найти в пустыне безопасность. Прошло немало времени после того. Дабы высокий подвиг ее не остался в неизвестности, по усмотрению Божию, увидал ее один отшельник Иорданской пустыни."Мать! Как ты зашла сюда?" — спросил он ее. Она, желая закрыть свое отшельничество, отвечает отшельнику:"Прости меня, я сбилась с пути, сделай милость, ради Бога, отец,

укажи мне дорогу". Отшельник, будучи извещен о ней свыше, говорит ей:"Мать! Будь надежна, ты не сбилась с пути; другая дорога не нужна тебе; скажи же откровенно, как ты зашла сюда?"Тогда дева отвечала:"Прости меня, авва! Один молодой человек соблазнялся мною. Признав за лучшее быть здесь, нежели служить соблазном, удалилась я в пустыню". Старец продолжал:"Давно ли ты здесь?"Она отвечала:"По благодати Христовой семнадцать лет"."Чем же ты питаешься?" — спросил старец. Она, вынув корзинку с лежавшими в ней бобами, сказала отшельнику:"Вот эта корзинка, которую ты видишь, отправилась со мной из города с этой пищей, но Бог явил надо мной такую милость, что с тех пор доселе питаюсь тем же и пища не убывает. Не забудь, отец, и того, что так прикрыл меня Бог своей милостью, что 17 лет никто не видел меня, кроме тебя одного, хотя видела я других". Услышав это, отшельник прославил Бога».

Кончина св. Мастридии последовала не позднее 580 года.

Вот и еще тайная, чудная подвижница палестинская того же времени.

«На расстоянии около 20 тысяч шагов (40 верст) от Иерусалима, — говорит блаж. Иоанн Мосх, — есть монастырь, так называемый Сапсас. Из этого монастыря двое отцов ходили поклониться на гору Синай. Возвратись в монастырь, они рассказывали нам следующее. «Поклонившись на святой горе и возвращаясь обратно (так случилось с нами), мы заплутали в пустыне и долго носились по ней, как по морю. В один день, увидев вдали маленькую пещерку, пошли мы к ней. Приближаясь к пещере, увидели небольшой источник, около него несколько травы и след человеческий; верно, сказали мы себе, здесь живет раб Божий. Входя в пещеру, мы никого не видали, только слышали, что кто-то плачет. Осмотрев тщательно, мы нашли что-то вроде яслей, и в них кто-то лежит. Подойдя к рабу Божию, мы просили его сказать нам что-нибудь. Но как он ничего не отвечал, мы взяли его. Тело его еще было тепло, но душа отошла ко Господу. Тут узнали мы, что в то самое время, как входили мы в пещеру, раб Божий скончался. Взяв тело его из того места, в котором лежал, вырыли могилу в той же пещере; один из нас скинул мантию, в которой был, и мы стали завертывать в нее тело; тогда нашли, что это была жена, прославили Бога и, совершив над ней правило, похоронили».

Кончина последовала, вероятно, в 596 г.

Дабы примеры ревностных подвижниц были более сильны для нас, повторим для себя следующие наставления Св. Писания: «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями (Гал. 6, 24). Носите бремена друг друга и таким образом исполняйте закон Христов (Гал. 6, 2). Да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи (Евр. 4, 16)».

IV. СИРСКИЕ ПОДВИЖНИЦЫ

Свв. Платонида, Вриенна, Феврония, Иерия и Фомаида

Во второй Сирии, иначе — в Месопотамии, отшельническая жизнь явилась рано. В горах, соседних с Низибиею, называемых Синьджар (у греков Сигорон), пещеры служили жилищами для отшельников и отшельниц. К числу подвижников принадлежал св. Иаков, епископ Низибийский (314–350 гг.), известный как подвигами отшельничества, так и великим даром учения. Он уже писал наставления «Чадам обета» и «О девстве». Древнейший из мужеских монастырей Низибии находился под управлением пр. Маркела в 300 г. В то же время тут же была община 50 девственниц.

Основательницей низибийской общины дев была диаконисса Платонида, и она–же была для нее примером богоугодной жизни. Церковная надпись говорит о ней:

«Платонида, носимая в широте небесной,

Добротами просияла по широте земной».

Платонида прославилась обителью своей. Устав ее был особенный и замечательный. Сестры принимали пищу раз в день. В пятницу они не должны были заниматься рукоделием, а с утра до вечера не выходили из дома молитвы; после молитв и пения читалось и объяснялось Св. Писание. В Сирской церкви долго и после того сохранялась любовь к разумению Св. Писания. Известно, как много св. Ефрем Сирский занимался объяснением Св. Писания. Он же усилил в общинах дев пение св. песней. Так уставила св. Платонида и для своей общины.

По правилам ее образовались высокие подвижницы Вриенна, Фомаида, Иерия. Самый же великолепный цветок в этом саду Божием была св. дева Феврония.

Феврония с детства жила в блаженной общине. Она на третьем году жизни отдана была тетке своей блаж. Вриенне, и та надзирала за ней со всей нежной любовью. Красота Февронии была поразительная еще в детском возрасте. Вриенна принимала все меры для сохранения цветка своего. Едва девочка достигла возраста, допускавшего воздержание, ей приказано было принимать пищу через день. Входя в благочестивые мысли тетки своей и замечая, что здоровье нисколько не страдает от поста, Феврония скоро стала употреблять самое малое количество хлеба и воды. К этому она присоединила жизнь самую тесную: спала на узкой и короткой доске; если тревожили ночью мечты, вставала и читала Св. Писание или становилась на молитву.

Когда по смерти Платониды Вриенна стала настоятельницей общины, Февронии приказано было читать по пятницам Св. Писание. Поскольку же из города собиралось много посетительниц слушать слово Божие, то Феврония читала за занавесою, чтобы скрыть свою красоту даже и от особ своего пола. Чтение обыкновенно сопровождалось кратким объяснением, и Феврония так ясно и отчетливо говорила о смысле того или другого отделения Писания, что в целом городе стали говорить об уме толковницы. К этим случаям присоединились похвалы сестер добродетелям и красоте Февронии. От того любопытство городских жительниц было раздражено, и они спешили слушать Февронию.

Особенно сильно заинтересована была Февронией Иерия, вдова сенатора, лишившаяся мужа на восьмом месяце замужества. Она была еще язычница, но искала истину и добро. Рассказы о Февронии

воспламенили ее желанием познакомиться с редкой девушкой. Она явилась в обитель. Вриенна встретила ее с почестью, приличной ее сану; но она бросилась к ногам ее и со слезами просила дозволить ей, язычнице, видеться и поговорить с Февронией; при этом, объяснила она, что родные вынуждают ее избрать другого супруга, потому имеет она душевную нужду в совете искренно доброй души. Вриенна отвечала, что племянница ее не может видеться ни с кем — таково правило жизни ее! «Я приняла ее, — говорила настоятельница, — от родителей на третьем году ее жизни, теперь ей 18 лет, и по редкой красоте ее она доселе не показывалась никому из светских людей». Иерия со слезами уверяла в чистоте своих намерений. На слезную настойчивую просьбу ее Вриенна согласилась, но предложено условие: Иерия снимет свой богатый светский убор и явится в одежде послушницы, так как Феврония никогда не видела светских нарядов. Иерия с радостью приняла условие. Они вошли к девственнице. Феврония, приняв Иерию за странницу–отшельницу, пала к ее ногам и обняла ее как сестру о Христе. После краткого разговора Феврония начала читать, и Иерия с такой жаждой слушала поучения, что вся ночь прошла в святом упражнении. На следующее утро настоятельнице стоило большого труда убедить Иерию расстаться с Февронией. Нежно обняв свою юную наставницу, Иерия возвратилась к себе. Сообщив родным о небесных поучениях, слышанных ею, она упрашивала их покинуть язычество и принять христианскую веру. Сама она тогда же приняла христианство и стала самой искренней исповедницей Христовой. И родители ее по ее убеждению также были крещены, со всеми домашними их.

Между тем Феврония расспрашивала у Фомаиды, занимающей второе место после Вриенны, кто была посетительница, которая так горячо плакала при объяснении Св. Писания? Фомаида призналась, что это сенатора Иерия. Феврония с изумлением заметила, что напрасно не предварили ее о том — в незнании говорила она так доверчиво, как говорят только с сестрой о Христе. Фомаида сказала, что посетительница желала того сама и что ей нельзя было отказать по ее значению в обществе.

Иерия часто бывала в общине, и когда Феврония была опасно больна, она прислуживала ей со всем усердием любви, не отходила от нее до ее выздоровления.

В таком состоянии была эта святая община, когда имп. Диоклетиан послал (в 310 г.) в провинцию второй Сирии Лизимаха, сына знаменитого Анфима, и Селения, брата Анфима, для преследования христиан. Селений был человек в высшей степени жестокий и ненавидящий христиан столько же, как и сам император. Лизимах был совсем другой человек. Мать его, христианка, на смертном одре завещала ему со всей настойчивостью покровительствовать христианам. Диоклетиан, очень уважавший Анфима, не хотел по уважению к отцу лишить сына его почетного места, но вместе, подозревая его в благосклонности к христианам, дал место в виде испытания; Селений был назначен более в руководителя, чем в товарища Лизимаху. С ними послан был еще граф Примус, также родственник их.

Город скоро узнал об ожидавших его ужасах. Низибийцы услышали о жестокостях, совершенных Селением в Месопотамии и Сирии пальмирской; там Селений истреблял огнем и мечом столько христиан, сколько попадалось в его руки, оставшихся от пламени и железа предавал на растерзание диким зверям. Лизимах терзался от этих жестокостей. Он не раз говорил наедине Примусу: «Тебе известно, что мать моя была христианка и сильно склоняла к своей вере; я удержался лишь из боязни прогневать императора и отца, но на смертном одре я дал слово не предавать смерти ни одного христианина и обращаться с ними дружелюбно. Но что делает дядя с христианами, попадающимися в его руки? Умоляю тебя — не предавай их ему, а, сколько можешь, помогай тому, чтобы спасались они бегством». Примус склонился на сторону добрых чувств, сдерживал преследование и давал знать христианским общинам, чтобы бежали, кто куда может.

Мучители приближались к Низибии. При вести об их близости пресвитеры, отшельники, сам епископ скрылись, где кто мог. Инокини монастыря Вриенны хотели последовать примеру их и просили ее дозволения. «Враг далеко, — говорила Вриенна, — вы еще не видели его, и уже хотите бежать. Борьба не

началась, а вы уже падаете духом. Бедные дети мои! Будьте тверды. Останемся здесь, примем смерть из любви к Тому, Кто за нас пострадал и умер».

Увещание матери на первый раз подействовало на сестер общины, но потом одна из сестер сильно смутила их и они трепетали грубых воинов. Настоятельница дозволила им скрыться. Они уговаривали Февронию бежать вместе с ними, но св. девственница лежала больной и предала себя воле Божией.

Настоятельница, оставшись с Февронией и Фомаидой, молила Господа с воплем и слезами о защите. Фомаида успокаивала ее надеждами на Господа, Который, если не найдет нужным избавить от смерти, подаст силы и крепость пострадать для славы имени Его и для вечного блаженства. Вриенна несколько успокоилась. Но, смотря на больную племянницу, она опять заскорбела. Феврония спрашивала, о чем скорбит та? «О тебе тоска ее, — сказала Фомаида, — смотря на молодость и представляя жестокость мучителей, наша мать не может не содрогаться». «Прошу вас, — отвечала Феврония, — молиться за меня, грешную, дабы Бог обратил милостивый взор Свой на меня; уповаю, что Он не откажет в помощи Своей при ваших молитвах».

Вриенна и Фомаида со всей нежностью уговаривали ее приготовиться к твердой борьбе. Они указывали ей, что их схватят враги и предадут смерти, а ее красота и молодость заставят предлагать ей разные обольщения — и богатство, и молодого жениха, и жизнь роскошную, лишь бы она отреклась от Христа Господа. Но пусть помнит Феврония, что девство — дорогой дар Господу, обет — сохранять девство — страшно нарушать, а отрекаться от Христа — еще страшнее. «Ты всегда была покорной дочерью моей, — говорила Вриенна, — ты знаешь, что взяла я тебя с рук кормилицы и, нежно воспитав, берегла чистоту души твоей!.. Утешь же старость мою верностью Господу. Помни, как весело страдали другие за Господа. Ливии отсекли голову, а другую сестру нашу Леонию сожгли; Евтропия на 12 году замучена вместе с матерью. Ты сама восхищалась тем, что Евтропия, тогда как решили пронзить ее стрелами, могла убежать, но предпочла страдать за Христа».

Феврония благодарила за наставления, внушавшие ей мужество. «Господу Иисусу посвятила я девство мое, — сказала она, — ему отдам и жизнь мою». Ночь прошла в трогательных беседах.

С восходом солнца город был взволнован. Многие христиане были схвачены и отведены в темницу. Язычники донесли Селению об общине Вриенны. Воины выломали двери, схватили настоятельницу и подняли меч над ее головой; Феврония бросилась к их ногам и умоляла сперва умертвить ее, чтобы не видать смерти матери–воспитательницы. Прибыл граф Примус и велел воинам удалиться. Узнав, что отшельницы скрылись, советовал и остальным бежать. Примус, возвратясь из обители, сказал Лизимаху, что в обители остались только две старухи и одна девушка. «Клянусь богами, — прибавил он, — девушка — такая красавица, что если бы не была бедна, лучшей невесты не видать тебе во всю жизнь». Лизимах напомнил, что, по наставлению матери, не может он деву обета отнимать для себя у ее Господа. Он умолял графа спасти жизнь трех дев.

Воин слышал разговор друзей и передал Селению. Селений тотчас послал захватить в обители Февроиию и объявить в городе, что завтра Феврония будет судима.

Воины надели на шею Февронии железное кольцо, сковали ее оковами и повели из обители. Вриенна и Фомаида упрашивали взять и их, но те отвечали, что приказано представить в суд одну Февронию. Со слезами еще раз Вриенна упрашивала Февронию быть твердой для Господа.

Все в городе скорбели о том, что схватили дорогую для них наставницу. Особенно же Иерия громко рыдала. Она с большой свитой отправилась в судебную палату, а на дороге узнала Фомаиду и в мирской одежде с ней пришла на место. Явились Селений и Лизимах. Феврония введена со связанными за спиной руками и с железным ошейником. По желанию Селения Лизимах стал делать допросы.

«Свободная ли ты или раба?» — был первый вопрос. «Раба», — отвечала святая. — «Чья же раба?» —

«Раба Господа моего Иисуса Христа». — «Твое имя?» — «Я христианка, и зовут меня Февронией», — отвечала святая.

Селений сказал св. деве: «Клянусь богами, Феврония, что я не должен бы быть снисходительным к тебе. Но твоя красота и скромность берут верх над моим гневом. Слушай же, дочь моя: Боги свидетели, что брат мой Анфим и я избрали для Лизимаха невесту богатую и знатную, но я готов соединить твою руку с рукой Лизимаха. Посмотри на него: он молод, красив, знатен, богат; все состояние мое будет твоим приданым — детей у меня нет. Император прольет милости на Лизимаха. Ты будешь самой счастливой женой. Но знай и то, что если не примешь предложения моего, клянусь всеми же богами, то не проживешь долее трех часов. Выбирай».

«Жених мой, — отвечала Феврония, — бессмертен. На Него не променяю никого. Никакие лестные обещания и никакие угрозы не переменят моего решения. Не нужно вам и тратить слов».

Не ожидавший такого твердого ответа, гордый Селений приказал сорвать с Февронии одежды и набросить лохмотья. Сквозь дырявую ветошь была видна нагота Февронии. Селений с хохотом сказал: «Не стыдно ли быть в таком виде перед нами?».

«Если ты к этому оскорблению, — отвечала Феврония, — присоединишь пытки железом и огнем, я готова и на них. Он, Господь мой, столько страдал за меня. Мне ли не терпеть за Него?».

«Бесстыдная девушка! — закричал Селений. — Ты, гордясь красотой своей, величаешься тем, что выставлена эта красота напоказ всем».

«Нет, — отвечала Феврония твердо, — нет, доселе ни одному мужчине не дозволяла я видеть лица моего; теперь же решаюсь терпеть и пытки — только для Господа моего».

«Хорошо! — закричал рассвирепевший Селений. — Пусть узнает пытки!»

Он приказал привязать ее между четырьмя столбами и разложил тут же огонь, и в то же время, как будет жечь ее огонь, осыпать ее градом ударов. Это выполняли с такой зверской жестокостью, что кровь полилась ручьями и тело падало клочками. Многие из зрителей падали без чувств, другие громко требовали прекратить зверство. Но Селений был бесчеловечен. Уже тогда, как сказали, что Феврония умерла, приказал он остановить мучение.

Фомаида лежала без чувств, Иерия громко кричала: «Феврония — наставница моя! Тебя отнимают у меня, и Фомаиды лишаюсь я».

Страдалица приведена была в чувство водой. Судья сурово сказал: «Удачен был твой первый бой, Феврония? Как находишь ты его?» — «Ты можешь сам судить, — отвечала Феврония, — жестокость твоя победила ли мою слабость?»

«Повесить ее, — сказал мучитель, — драть бока ее железными когтями и жечь до костей». Палачи принялись за работу. Тело лилось вместе с кровью, огонь проникал до внутренностей. Святая сперва говорила: «Спаситель мой! Не покинь меня в страшный час». Потом страдала молча.

Многие из присутствовавших поспешили выйти из судебной палаты. Другие говорили страшному судье, чтобы приказал, по крайней мере, отнять огонь. Селений согласился и потом стал допрашивать мученицу. Феврония не в состоянии была отвечать. Судья велел за дерзость отрезать язык. Но судью остановили. Селений приказал вырвать зубы, и это исполнили.

«Поклонишься ли ты богам?» — кричал Селений. Он велел отрезать груди ее. Святая молилась: «Господи, ты видишь, как страдаю, прими душу мою к Себе».

Когда отвязали ее от столба, она не могла держаться на ногах и упала.

Старица Вриенна оставалась в обители для молитвы; ей дали знать, как тверда питомица ее, и она

благодарила Господа.

«Она умерла», — сказал граф Лизимаху, когда Феврония лежала без чувств на земле. «Нет, — отвечал тот, — она еще будет бороться за веру, для спасения других, ты увидишь. Такова христианская твердость!»

Иерия, личность, много значившая в гражданском быту, сказала Селению, что жестокость его оскорбляет человечество и гражданское приличие. Селений, побледнев от гнева, велел представить ее к допросу. «Не отринь и меня, Бог Февронии, наставницы моей! Соедини меня с нею», — сказала благая Иерия и спешила подойти к судье. Тиран начал было допрашивать Иерию. Но ему сказали, что мучение аристократки слишком опасно, народ и без того взволнован. Оставив Иерию в покое, он велел отсечь Февронии руки и ноги. Исполнили и это.

«Довольно, — сказал Лизимах Селению, — пойдем обедать». «Нет, пока не увижу последнего вздоха ее, не уйду», — говорил Селений и велел отрубить Февронии голову.

Придя к обеду, Селений в ярости бешенства размозжил себе голову о столб. Лизимах, узнав о страшной смерти дяди, просил Примуса устроить почетное погребение страдалицы Февронии. Останки мученицы собраны и погребены были в обители с почестями. Примус и Лизимах приняли христианство. В честь страдалицы начали строить храм в Низибии, и он освящен был на шестом году после ее кончины.

Если славной смертью св. Февронии произведено было сильное действие на сторонних людей и на граждан Низибии, то понятно, как много значила эта смерть для сподвижниц — сестер ее. В лучших из них, каковыми оказались и во время страшного испытания — блаженная Вриенна, Иерия и Фомаида, смерть Февронии усилила ревность к подвигам благочестия и одушевила надежды на сильную благодать Божию. Блаженная старица Вриенна окончила подвижническую жизнь свою спустя два года после освящения храма в честь мученицы — питомицы ее (в 318 г.). После нее осталась настоятельницей обители блаженная Фомаида. Пламенная Иерия почила при гробе Февронии. В 322 г. окончила подвиги свои св. Фомаида.

Св. Публия

Антиохия — в начале христианства — столица Востока, с 500.000 жителей. Нигде язычество не являлось в такой полноте безобразия своего, как в Антиохии. Здесь был сброд магов, мимов, жрецов, город плясок, вакханалий, оргий исступленных, разврата наглого, роскоши бешеной. Когда явилось тут христианство, чудная перемена произошла в роскошной столице Востока. При св. Златоусте в Антиохии и ее окрестностях были уже целые сонмы чистых дев. Вот что говорит он в одной беседе антиохиянам: «Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все время в своих покоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мазями, нежные по природе и еще более изнеженные от усердных ухаживаний, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться сластолюбию, не делавшие ничего даже для себя, но имевшие множество служанок, носившие одежды более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, — эти девы, быв внезапно объяты огнем Христовым, бросили всю эту роскошь и пышность; забыв о своей нежности, о своем возрасте, расстались со всеми удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. По–видимому, говорю я невероятное, однако ж верное. Я слышал, что эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы; ноги их оставались босыми, и ложем их были тростниковые прутья, большую часть ночи проводили они без сна. Трапеза у них бывает только вечером, трапеза, на которой нет ни трав, ни хлеба, а только бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно заняты они прядением шерсти и другими, более трудными, рукоделиями, чем какими занимались у них служанки. Они взяли на себя труд лечить больных, носить одры их, умывать ноги им. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов!»

При Златоусте в Антиохии явились даже и порицатели девства, точно такие же, каковы они и ныне. Нового не придумали новые умники, а повторяют старое, изношенное. Для них св. Златоуст писал в Антиохии обширное сочинение о девстве. Дав понятие об истинных девах, показав и то, что между еретиками не может быть истинных дев, как не было их между язычниками, он пишет: «Скажет кто–нибудь: если лучше не касаться жены, то к чему же введен в мире брак? Что помешает быть истреблену людскому роду, если на место умерших не будет рождающихся? Род наш держится не силой брака, а силою Господа, сказавшего: раститеся и множитеся… Без воли Божией брак не умножит людей и девство не уменьшит… Не девство грозит гибелью людскому роду, а грозят беззаконные сожития. Это показано в быстром истреблении всех животных при Ное. Если бы сыны Божий воспротивились гнусной похотливости и не смотрели преступными очами на дщерей человеческих, погибель не пришла бы… Когда мир весь наполнился людьми, остается одна причина брака — предотвращение нечестивой похотливости». Выставив те неудобства, какие влечет за собой второй брак, и показав, что всякий брак есть неотвратимое рабство, картинно изображает, как легче деве, чем замужней, достигать Царства Небесного, и решает кое–какие недоумения.

Христовым огнем, о котором говорил Златоуст, горела душа благородной антиохиянки св. Публии.

Дочь благородных родителей, по их желанию выдана была замуж за благородного антиохийца; но с мужем жила недолго — он скоро умер. Благословенным плодом честного брака был сын Иоанн. Мать воспитала его, как искренняя христианка. Оттого вышло, что Иоанн «немало времени начальствовал над пресвитерами антиохийскими и, быв много раз избираем на апостольскую кафедру, всегда уклонялся от начальствования». Блаженная Публия, со времени вдовства своего, вела жизнь строгую, в посте и молитве. При такой жизни, почтенная священным саном диакониссы, она собрала себе дев и вдов, решившихся,

подобно ей, жить для Господа; с ними проводила она жизнь точно так, как писал св. Златоуст, снявший свою картину дев и с общины благородной Публии; с ними постоянно славила она Творца и Спасителя Бога. Так прожила она подвижнически несколько лет. На престол империи взошел Юлиан и открыто стал на сторону язычества. Гордый умом своим, он старался дать языческому богослужению великолепие и возможно лучший смысл, на словах выставлял из себя защитника всякой истины и человечности, а на деле нагло осмеивал святую веру, дозволял гнать и сам гнал христиан. Он прибыл в Антиохию и здесь поступал как фанатик язычества; велел выбросить мощи св. Вавилы из храма, «обещал стереть с лица земли всю породу галилеян» — так называл он христиан, и велел не иначе называть их. Раз он должен был проходить мимо молитвенного дома Публии. Подвижницы пели утренние хвалы Богу. Когда отступник шел мимо обители дев, подвижницы громче обыкновенного запели все вместе, считая гонителя достойным презрения и осмеяния. *Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих*, — возглашали они с Давидом и, его словами изобразив бесчувственность их, с его негодованием пели: — подобии им да будут творящие я и вси надеющиеся нанъ. Слыша это, нечестивец вспыхнул и с гневом запретил петь псалмы, когда он будет проходить мимо. Тот, кто сердится на правду, выказывает только свою слабость и вызывает против себя новую смелость правды. Когда Юлиан снова проходил мимо обители, св. Публия велела петь: *да воскреснет Бог и расточатся врази его* (Пс. 67, 2). Юлиан в бешенстве приказал привести к себе начальницу хора. Перед ним предстала старица, достойная всякого почтения и по летам своим и пользовавшаяся общим уважением в Антиохии за высокие добродетели свои. И, однако, он приказал одному из слуг бить по щекам проповедницу правды, и тот обагрил свои руки кровью ее. Бестрепетная диаконисса говорила Юлиану, что жалеет о больной душе его, но считает истину Божию выше всего. С хвалой Богу на устах возвратилась она в свою обитель. Считая Юлиана за одержимого злым духом, как одержим был Саул, она продолжала петь для него священные песни, с теми мыслями, что авось‑либо и отступник придет в себя. Недолго после того длилась жизнь ее, она с миром предала дух свой Господу, а Юлиан погиб на войне.

Блаж. Пансемния и Пелагия

В то же время, как подвизалась блаженная Публия, в Антиохии жил в язычестве сын язычников. Придя в возраст, он женился, но жена его на третьем году супружества умерла. После смерти ее он принял крещение с именем Феофана и, построив себе за городом весьма тесную келлию, проводил жизнь евангельского самоотвержения. Совершая сам строгую подвижническую жизнь, он ревностно учил путям спасения приходивших к нему, особенно же внушат он проводить жизнь чистую, целомудренную.

В таком городе, какова роскошная столица Востока, еще не расставшаяся с грехами грязного язычества, ревность преподобного к чистой жизни оскорблялась многим. Вот слышит он, что в городе женщина, которую называли Пансемниею, живет распутно и увлекает многих в жизнь грязную. Он положил возвратить ее на путь добра. Ап. Иаков учит: *обративший грешника от пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (своих) (Иак. 5, 20). Подвиг прекрасный, высокий, но трудный для выполнения. Подвижник Феофан не доверял себе в успехе, так как знал, что дурные страсти и дух злобы недешево продают победу над ними, не доверял себе и по сознанию своей немощи; он видел, что ему придется из тихого уединения вступить в шумное общество людей легких, рассеянных, где считают забавой завлечь другого в грехи нечистые. Понимая всю опасность предприятия, Феофан долго и горячо молился Господу, чтобы Он или послал ему Свою помощь для выполнения намерения его, или удержал его при самом начале дела.

Покинув свою келью, приходит он к отцу и, сказав, что хочет жениться, выпросил у него нарядное платье и 10 фунтов золота. Язычник отец, очень богатый, охотно дал все. Одевшись щеголем, Феофан является к Пансемнии, как один из стольких умных поклонников ее прелестей. Феофан спрашивает ее: давно ли она так живет, как живет? — «Двенадцать лет, — отвечает она с бесстыдством женщин ее сорта, — из всех мужчин, которых видала, ни одного не любила так, как готова полюбить его». — «Прекрасно, — сказал он, — но если я с тобой сближусь, то хочу, чтобы сближение наше было честное, а не было распутством». Он показал ей и деньги, которыми готов купить супружескую верность ее. Пансемния, вовсе не ожидавшая такого счастья для себя, с восторгом объявила, что она на все согласна.

Получив слово клятвы, Феофан оставил ее и занялся построением кельи вблизи своей кельи. Окончив работу, он опять явился к Пансемнии и объявил, что первое условие его то, что она должна принять христианство. Сперва она очень противилась, но, когда увидела, что намерение его непоколебимо, согласилась принять крещение. В течение семидневного приготовления к крещению открыли ей начальные основания святой веры и особенно объяснили, как правда Божия не терпит греха и разврата и как любовь Божия щедра к кающимся; блаж. Феофан языком живой веры изобразил ей картины вечности, готовой для кающихся и нераскаянных грешников, и вместе молился за нее со смирением и любовью. Когда совершилось над ней крещение, благодать Божия зажгла в душе грешницы горячую любовь к Господу. Пансемния приняла на себя самые строгие подвиги покаяния. Она отпустила всех своих невольников, раздала на богоугодные дела все, что нажила распутством, и заперлась в келлии, построенной для нее. Твердая и непреклонная борьба ее с собой скоро изменила всю душу ее. К славе благодати Христовой, открылся в Пансемнии дар творить чудеса, она исцеляла бесноватых. Спустя 22 месяца после крещения переселилась она ко Господу в один день со святым наставником своим, преподобным Феофаном.

Более поражающий пример обширным действием своим выставлял св. Иоанн милостивый, архиепископ Александрийский, — пример, бывший в той же Сирии, где подвизались Пансемния и Феофан.

«Один отшельник, — говорил он, — шел в Тире по улице. И вот распутная женщина останавливает его

криком своим:"Отец мой! Спаси меня, как Иисус Христос спас блудницу". Отшельник, вовсе не думая о том, что подумают, что станут говорить о нем люди, взял ее за руку и пошел с ней в близкий монастырь за город. Видевшие это стали говорить, что он покидает монашество, чтобы жениться на этой женщине. На беду добрым судьям, идя с женщиной в монастырь, отшельник увидал брошенное на дороге дитя, и женщина взяла к себе это дитя из сострадания на воспитание, так что намерение поступить в монастырь осталось до времени неисполненным. Злоязычники не упустили прекрасного для них случая, пустили в ход молву, что дитя прижито от монаха."Чего же больше? — говорили другие. — Дитя так похоже лицом на монаха, как сын на отца!"Горько было слушать это невинному отшельнику, но он терпел и терпел. Бывшая Порфирия стала уже доброй монахиней Пелагией. Отшельник лежал больным, и Бог открыл ему, что близка кончина его. Душе подвижника тяжело было и то, что люди так легко грешат к беде своей, так несправедливо судят о других. Он просит Пелагию, чтобы она пришла в Тир с ребенком, которому уже было семь лет. В Тире, когда лежал он больным, к нему собралось много посетителей, человек до ста. Он просит, чтобы принесли горячих углей, и, когда принесены они были, он ссыпал их на свою одежду."Видите, друзья мои, огонь не сжег одежды моей по благодати Божией; так точно Бог сохранил тело мое во всю жизнь от огня похоти, и я не имел плотского сношения ни с одной женщиной". Сказав это, отшельник предал Господу дух свой. Тогда умные судьи чужой совести нехотя сознались, что они были глупы и что у Господа есть тайные рабы Его, до которых если касается дерзкий язык, жестоко обжигается. Тогда и пример Пелагии, оказавшейся искренней подвижницей, а не осмеиваемою грешницей, сильно подействовал на многих: подобные ей решились омыть грешную жизнь свою теплым покаянием, оставили мир и вступили в монастырь. Так Пелагия (| окт. 502 г.) не только сама спаслась, но и обратила к Господу примером своим очень многих». *Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его во истине. Желание боящихся Его Он исполняет и молитву их слышит и спасает их* (Пс. 144, 18). *Если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника. Он есть умилостивление за грехи наши и не только за наши, но и за грехи всего мира* (1 Ин. 2, 1–2).

Блаж. Яздундокта (Снандулия)

В Персидской стране, состоявшей в округе Антиохийского патриаршества, христианская вера в IV в. при Сапоре подвергалась жестокому и продолжительному гонению. Св. архиепископ страны Симеон установил: «Дабы общественные молитвы воспевались на два лика, как в Антиохии установил св. Игнатий, ученик св. Иоанна Евангелиста, и клирики должны петь псалмы не по книге, а по памяти». Это особенно должно было исполняться и исполнялось в обителях дев, которые в Персии назывались «сестрами союза». Но гонение Сапора прежде всего пало на великого святителя, и он скончался мученически. Как в других местах, так и в Персии, девственницы были пламенными ученицами Господа Иисуса, и потому они были в числе первых между страдавшими за имя Христово. Так св. Фарба, сестра священномученика Симеона, в 341 г. пострадала вместе с сетрой–вдовой и ее служанкой. В следующем году вместе с епископом Садофом пострадало несколько обетных дев, потом в числе 120 страдальцев было 9 дев, посвятивших себя Господу. В страшное это время Господь хранил на утешение верных избранную рабу свою Яздундокту (по произношению греков Снандулию). Когда страдальцы веры томились в темнице, голодные и измученные, раба Божия находила средства доставлять им разные пособия; после полугодичных истязаний они наконец были обезглавлены. Блаженная Яздундокта скрыла святые мощи мучеников от злобы врагов, предав их земле в месте, удаленном от очей злобы.

В 346 г. приняла мученическую смерть вместе с братом своим, пресвитером Иаковом, девственница Мария. В то же время захвачены были богатый священник Павел и пять дев, первый собственно для того, чтобы воспользоваться его деньгами. Павлу объявили, что, если поклонится он солнцу, получит свои деньги. Павел так любил деньги, что для них отрекся от Христа. Правитель, недовольный тем, что ускользает из его рук богатая нажива, сказал: «Павлу отдать деньги тогда, когда своими руками отсечет головы пяти девам–христианкам». Девы объявили, что безумные пусть кланяются солнцу, но они не отдадут чести творению, принадлежащей Творцу». Это были св. Фекла, две Марии, Марфа и Ама. Павел подошел к ним с мечом в руках. «Несчастный, — сказали они ему, — ты хочешь предавать смерти овец своей паствы, пастырь ли ты? Кровь наша падет на твою голову». Павел отсек им головы с холодностью привычного палача. Правитель, не желавший расставаться с его деньгами, велел тайно задушить его, и он погиб как Иуда. Во все это время сострадательная Яздундокта оказывала великую помощь и услуги мученикам. Будучи богатой аристократкой, она употребляла средства свои на то, чтобы облегчать страдания рабов Христовых. Так поступала она и в 376 г., когда обнародован новый жестокий указ против христиан. Она доставляла пищу христианам, заключенным в арбельской темнице за имя Иисуса Христа. Узнав о горьком положении мучеников (епископа Акепсима, пресвитера Иосифа и диакона Антиллага, истерзанных до крайности за св. веру), она призвала к себе начальника темницы и усердно просила его дозволить взять их из темницы к себе, дабы иметь удовольствие видеть их в своем доме хотя на короткое время. Она дала ему значительную сумму денег. Неохотно, со страхом он согласился на ее просьбу. Ночью послала она своих слуг в темницу, и они привезли блаженных страдальцев в дом ее. Здесь своими руками обвязала она раны их, осыпала поцелуями руки и плечи их и, смотря на горькое положение их, не могла удержаться от слез и стенаний. Они лежали перед ней как мертвые, без чувств. Блаженный Иосиф, придя в себя и увидев ее, горько рыдающую, сказал: «Приятно Богу твое страдание к страждущим, но напрасно так плачешь о нашей смерти». Благочестивая жена отвечала ему: «Я плачу не о том, что вы преданы будете смерти, но о том, что, быв осуждены на смерть, не тотчас преданы ей, а принуждены еще жить так жалко». Блаженный Иосиф отвечал ей: «Все наши несчастья составляют для нас величайшее счастье. Господь сказал: *узкие врата и тесный путь вводят в жизнь* (Мф. 7, 14). Ты христианка, должна радоваться мучениям христиан: чем продолжительнее и несноснее эти муки, тем большая награда и светлее венцы

готовы для них на небе». Перед рассветом следующего дня мученики отвезены были в темницу. После шестимесячного заключения исповедники вновь были терзаемы и наконец объявлено было приказание о страдальцах: побьют камнями. Собрано было множество христиан, взята была и блаженная Яздундокта. Ее принуждали исполнить приказание власти. Она никак не соглашалась проливать невинную кровь пастыря церкви и смело говорила мучителям: «Никогда не бывало того, чтобы женщины исполняли должность палачей; вы требуете от меня противного общему правилу, и что вы делаете? Оружие, приготовленное против неприятеля, обращаете вы против своих граждан; государство, находящееся в мире с соседями, вы волнуете внутренними убийствами». Воины, видя твердость ее, подали ей палку, на конце которой воткнута была игла, и сказали: «Пусть ты считаешь беззаконием бросить камень на человека, который, по твоему мнению, невинен, но проколи этой иглой осужденного—и ты выполнишь указ царя». Она, обливаясь слезами, отвечала: «Вонзите лучше в меня эту иглу, но не в святого подвижника Христова. Если же можете лишить меня жизни за непокорность, не удерживаю вас, я готова умереть вместе с мучеником, только не принуждайте меня проливать кровь его». Во время этого разговора мученик окончил свой подвиг. Блаженная Яздундокта, 40 лет совершавшая подвиги сострадания, также скоро затем переселилась в блаженную вечность.

Свв. Марана и Кира

Блаж. Феодорит Кирский говорит о своей родине, провинции Кирской: «Многие из лиц женского пола избрали жизнь чистую; притом одни ведут жизнь отшельническую, другие живут по 250 вместе, более и менее того, питаются одним хлебом, спят только на циновках, руками прядут шерсть, а уста посвящают священным песням».

Образцами самой высокой жизни выставляет он св. Марану и Киру. И подлинно, это были чудные подвижницы.

«Марана и Кира, — пишет он, — происходили из знатного семейства города Бориа и были воспитаны сообразно положению своему в свете. По любви к Господу Иисусу, они пренебрегли всеми преимуществами состояния своего, всеми приманками мира и избрали жизнь покаяния. Вблизи города нашли они себе ущелье и, войдя в него, заложили вход камнями и глиной. Служанкам своим, которые захотели делить жизнь их, дозволили они жить вблизи, в особом жилье. Из окошечка подвижницы видят, как те живут, и понуждают их к молитве, разогревают любовь их к подвигам благочестия. Сами они не имеют ни дома, ни шалаша, а живут под открытым небом, подвергаясь влиянию всех воздушных перемен. Необходимую пищу принимают в окошко; через то же окошечко беседуют с теми женами, которые приходят к ним. Впрочем, на это определено одно время — Пятидесятница; в другое же — хранят молчание; разговаривает с приходящими одна Марана; другую же никто не слыхал беседующей. Они носят еще на себе цепи, и столько тяжелые, что Кира, слабая телом, всегда согнута до земли и не может подняться. Покрывала на них длинные, так что сзади волочатся по земле и совсем закрывают ноги их; спереди же спускаются до пояса, совсем закрывая лицо, шею, грудь и руки. Я часто видел их, — говорит о себе блаженный, — они приказывали для меня открывать вход, уважая достоинство священства. Знаю я и тяжесть цепей их, и крепкий мужчина не мог бы носить их. После долгой просьбы моей они снимали эти цепи. Но когда удалился я, они опять наложили на себя: на шею — шейную цепь, на чресла — пояс, на руки и ноги — цепи особые. И так они живут не пять или десять лет, а 52 года. Тогда как столько времени подвизались, ревнуют трудиться, как будто недавно начали подвизаться. Плененные красотой Жениха, они легко несут труды подвига и спешат дойти до конца подвига; они видят — в конце стоит Он и показывает венцы победные. По этой-то причине переносят они и дождь, и снег, и зной солнца, не чувствуя ни страданий, ни боли. Подражая посту Моисея, они три раза выдерживали пощение его. Ревнуя примеру Даниила, оставались без пищи три недели. Раз захотелось им видеть святые места Христовых страданий, и они ходили в Иерусалим, но всю дорогу не ели ничего. Когда пришли в город и выполнили поклонение, приняли пищу. Обратный путь совершили опять без пищи. А всего пути не менее 20 дней. Еще захотелось им видеть в Исаврии дом Феклы, знаменитой победительницы, захотелось разогреть в себе любовь к Господу, и они опять ходили туда и сюда, не вкушая пищи. Те, которые украсили женский труд такой жизнью, став образцами для других, явились увенчанными у Господа венцами победы».

По другому известию, св. Марана и Кира, живя на земле, творили чудеса, возвращали зрение слепым, исцеляли бесноватых и хромым давали ходить прямо. Кончина их последовала около 430 г.

Св. Домнина

«Чудная Домнина, — пишет блаж. Феодорит, — ревновала житию св. Марона. Она в саду матери построила себе маленькую хижину, покрытую соломой. Постоянными слезами омывала она не только колена свои, но и одежду власяную — такая одежда покрывала тело ее. В пение петухов идет она в храм Божий, который стоит невдалеке и, идя с другими мужчинами и женщинами, возносит хвалы Господу. Это делает не только в начале дня, но и по окончании его. Храм Божий благоговейно чтит она и учит тому же других. Но этой причине она много заботится о нем и уговаривает мать и братьев употреблять свое имущество на храм. Пища ее — чечевица, размоченная водой. Тело у нее высохшее и полумертвое, но выносит всякий труд. Тонкая кожа как пергамент обтягивает кости, так как жир и мясо уничтожены трудами. Ее могут видеть все, кто хочет, мужчины и женщины, но она не смотрит ни на чье лицо и своего не показывает другим, покрывало закрывает ее, спускаясь до колен. Голос ее звучный и выразительный, но слова ее всегда сопровождаются слезами. Когда брала она мою правую руку и возлагала ее на глаза свои, то рука опускалась, всегда орошенная слезами, так что с руки падали слезы. Ту, у которой такое богатство философии, плачущую, воздыхающую, стонущую, какое слово в состоянии похвалить достойно? Сильная любовь к Богу рождает эти слезы. Но хотя этим занята она и днем и ночью, не оставляет и других добродетелей. Она заботится о тех, которые приходят к ней. Хотя, по ее распоряжению, живут они у сельского священника, но и сама подает все необходимое. Имущество матери и братьев открыто ей для расходов, и за то мать и братья благословляются небом. Когда я прихожу в ту сторону, это на юге от нас, она присылает и хлеб, и плоды, и смоченную чечевицу».

Так как в то время, как писал Феодорит о св. Домнине, она была, по его словам, еще жива, хотя уже достигла полной духовной зрелости, а он писал боголюбивую историю в 440 г., то надобно положить, что св. Домнина окончила подвижническую жизнь свою около 445 г.

Св. Марфа

Мать св. Симеона–столпника, подвизавшегося на дивной горе, с юных лет была благочестива. Она не желала выходить замуж. Но родители обещали руку ее известному для них жениху. Не смея противиться воле родителей, но вместе убежденная в святости девства, Марфа долго и от глубины души молилась в храме св. Предтечи о том, дабы открыта была воля Божия о ней. Св. Предтеча повелел ей исполнить волю родителей и дать согласие на брачную жизнь. Потом она молила Предтечу, дабы ниспослано было благословение на чадорождение, и обещала посвятить плод свой Господу. Предтеча объявил ей во сне, что родится ей дивный сын, которого должна она назвать Симеоном. Марфа разрешилась без страдания в 521 г., и спустя 2 года ребенок крещен был в храме Предтечи. Во время землетрясения 526 г. муж погребен был под развалинами дома, как и многие другие антиохийцы, а Марфа с сыном молилась в то время в храме Предтечи и спаслась.

Когда сын на седьмом году удалился в пустыню на подвиги, Марфа проводила жизнь как истинная вдовица Божия.

Она часто постилась и особенно соблюдала пост среды и пятка. Усердно посещала храм Божий и приносила для него свечи, ладан и масло. Первой являлась в храм и последней выходила из него. Если где бывал храмовой праздник, Марфа являлась на всенощное служение и молилась благоговейно. В доме каждую полночь стояла на молитве, проливая слезы.

Благоговейное пребывание ее в храме служило назиданием для других. Она никогда не уставала за богослужением храма, как другие, которые, однако, не устают, проводя ночь в пляске. Никогда не садилась в храме, занятая благоговением перед величием Божиим. Один добрый человек, заметив, что Марфа всегда приходит раньше других в храм и стоит на молитве без отдыха, сказал ей: «Присядь, почтенная мать, тебе нужен отдых». Марфа отвечала: «Слуги постоянно стоят пред господами, которые те же люди, как и они. Как же сметь мне садиться в храме Божием, где совершаются страшные тайны Царя Всевышнего». Она глубоко уважала священников и прислуживала им с любовью.

Любовь ее к другим простиралась до самоотречения. Посещая больницы, она сама прислуживала больным то в том, то в другом; для умирающих давала все нужное к погребению, равно как крещающимся приносила чистое белье, приготовленное ее руками.

Идя к сыну на Дивную гору, увидела она на дороге больных и избитых (разбои своевольных и набеги дикарей были тогда нередки); изорвав свою одежду, перевязала их раны, омыв те наперед вином и елеем.

В ней был особенный дар, ниспосланный Богом за ее добродетели: она укрощала самых свирепых бесноватых одним своим присутствием. Потому часто приглашали ее к этим несчастным, и она всегда готова была на услуги.

Никто не видел ее гневной или ссорящейся; напротив, она любила мирить ссорящихся и мирила успешно. Приемами кротости и любви, напоминанием о виновности всех и каждого перед Богом, разумным советом тушила она раздоры семейные и возвращала покой домам гнева и ненависти.

Слава сына, великого подвижника, окружала ее уважением, но не ослабляла смирения ее. Напротив, она боялась и за сына и нередко предлагала ему зорко смотреть за собой, а вместе молилась за него.

За год до смерти извещена она была свыше, сколько ей жить. Она пришла сказать о том сыну, но тот уже извещен был о том же и объявил о недалекой смерти пустынникам. Когда приблизился назначенный срок смерти Марфы, она опять пришла к сыну и в продолжительном разговоре, как мать горячо заботливая о его духовном совершенстве, умоляла его быть верным Господу и своим обетам до смерти. «Сын мой, —

говорила она ему, — вверяю тебя Господу Иисусу; молила и молю Его, да сохранит Он тебя от искушений греха. Умоляю и тебя быть твердым в любви к Господу. Для Господа будь сострадателен к бедным всякого сорта; будь гостеприимен для пришельцев, продолжай склоняться до самых малых и невидных; молись о всех, особенно об отечестве; не гнушайся заблудших. Не забывай в молитвах отца твоего Иоанна и меня, грешную». Она рассказала тогда сыну, каких милостей небесных удостоена была в своей жизни. Это было в понедельник, накануне которого она приобщилась Св. Тайн. Ночью видела она во сне, что ходит в великолепном доме, изумляясь невиданной красоте его, и ей сказано было, что этот дом приготовлен для ее вечного покоя. Прощаясь с иноками, сказала она, что уже не увидится более с ними. И точно, на обратном пути она занемогла и была доставлена другими в дом свой, что был в Дафнийском предместье Антиохии; в следующий день благодарила она Господа за Его милости к ней. Присутствующие подумали, что Господь любит ее по молитвам сына, но она сказала, что сама она любит Господа и провела жизнь в усердных трудах для Него. Затем мирно почила 5 июля 551 г. Перед смертью завещала она похоронить ее между бедняками, но по желанию сына тело ее перенесено было в монастырь его и положено в устроенной иноками гробнице.

Братия обители, по погребении ее, поставили лампаду над гробом ее, дабы горела она день и ночь. И лампада горела. Потом, спустя довольно времени, перестали зажигать ее. Святая, явясь больному эконому, сказала: «Не имею я нужды в вашем светильнике, просвещаемая светом небесным; но для вас нужно, чтобы горел светильник. Когда зажигаете его, то побуждаете меня молиться за вас». Затем исцелила больного.

V. ПОДВИЖНИЦЫ МАЛОЙ АЗИИ

Св. Нонна

Мать Григория Богослова, блаженная Нонна, была дочь добрых христиан, Фильтата и Горгонии, тетки св. Амфилохия, епископа Иконийского. Родители воспитали ее по правилам христианского благочестия. Брачными узами соединили ее с Григорием Арианским, человеком богатым, владельцем земель и рабов в округах Арианском и Назианском. Брак был выгодным по земным расчетам, но тяжелый для благочестивой души Нонны. Григорий арианский был язычник, притом улучшенного покроя. Он был последователь секты верховников (Ипсистариев), чтил верховного Бога и соблюдал некоторые иудейские обряды, но вместе кланялся огню и светильникам. Благочестивая Нонна много пролила молитв и слез за обращение супруга к святой истине. Послушаем, что говорит об этом сын Нонны, св. Григорий. «Она не потерпела, — говорит он, — быть в союзе с иноверным, и хотя была самая терпеливая и мужественная из жен, но не могла она переносить этого спокойно, чтобы одной половиной быть в соединении с Богом, а другой частью самой себя — оставаться в отчуждении от Бога. Напротив того, она желала, чтобы к союзу плотскому присоединился и союз духовный. А потому день и ночь припадала к Богу, в посте и со многими слезами просила у Него даровать спасение главе ее, неутомимо действовала на мужа, стараясь приобрести его различными способами: упреками, убеждениями, услугами, отлучениями, а более всего своей жизнью и пламенной ревностью о благочестии, чем всего сильнее склоняется и смягчается сердце, добровольно давая вести себя к добродетели. Ей надобно было, как воде, пробивать камень беспрерывным падением капли, от времени ожидать успеха в том, о чем старалась, как и оправдало последствие. Об этом просила она, этого ожидала не столько с жаром юных лет, сколько с твердостью веры. И на осязаемое никто не полагался так смело, как она на ожидаемое, по опыту зная щедролюбие Божие. При этом помогал делу спасения рассудок, мало–помалу исцелявшийся, а равно и сонные видения, каковые Бог нередко посылает в дар душе, достойной спасения. Какое же это видение? Здесь начинается для меня самая приятная часть повествования. Отцу моему представилось, будто бы (чего никогда прежде не делал, хотя и много раз просила и умоляла о том жена) поет он следующий стих Давида: *возвелесихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс. 121, 1). И пение небывалое, и вместе с песней является желание! Когда услышала об этом та, которой исполнилось желание, то, пользуясь временем, объясняет видение в самую добрую сторону, в чем была совершенно права; самой радостью обнаруживает величие благодеяния и ускоряет дело спасения, дабы не помешало что‑нибудь призванию и не расстроило того, о чем столько старалась. В то время в Никею собиралось множество архиереев противостать бешенству Ария — недавней ереси, раздробившей Божество. Родитель предает себя Богу и проповедникам истины, открывает им свое желание и ищет у них помощи для спасения. Между ними был и знаменитый Леонтий, правивший тогда нашей митрополией».

Итак, после долгих трудов и молитв св. Нонны, супруг ее, язычник, стал христианином с 325 г. Так как при крещении Григория осязаемо снизошла на него благодать Божия и даже без сознания присоединялось нечто из чина священства, то скоро после крещения Григорий посвящен был в священника. И священником Божиим был он около 9 лет. Григорий, озаренный благодатью Божией, глубоко понял звание христианина и христианского священника. Поэтому весь он предался делам нового звания, а заботы об имениях, заботы о доме предоставил супруге своей. Так для благочестивой Нонны начались новые труды. И она трудилась как искренняя христианка.

Точно так же на Нонне особенно лежали труды воспитания детей, которые рождались в это время. У

Нонны было два сына, Григорий и Кесарии, и дочь Горгония. Первый испрошен был у Бога молитвами матери. По желанию, обыкновенному для многих матерей, иметь сына, Нонна молилась о сыне Богу. И Бог внял усердной ее молитве. Это открыто было ей в видении, в котором она видела образ будущего сына своего и слышала его имя. Благочестивая Нонна при самом рождении посвятила Григория Богу. Как ревностно заботилась она об обращении мужа к святой вере, с такой же ревностью воспитывала она детей своих в хрисианском благочестии. «Не только сама обладает благочестием, но передает его и детям. Приняв от предков веру, угодную Богу, связала этой золотой цепью и рожденных ею». Она нежно любила детей, но Христа выше всего, потому больше всего заботилась, чтобы в детях изобразился Христос. Сын Григорий и в поздние годы своей жизни вспоминал, как мать его рассказывала ему некогда историю принесения Исаака на жертву, стараясь возбудить в душе пламенное желание исполнить обет, данный прежде его рождения, как в то же время она вручила ему дорогое сокровище — Св. Писание, чтобы он, с самой юности поучаясь в нем, исполнился его духа.

Когда супруг–священник посвящен был в епископа, благочестивая Нонна также посвятила себя более ревностному служению Господу. Блаж. Иероним говорил Иовиниану, хулителю девства: «Ты должен сознаться, что не может быть епископом тот, кто в епископстве нажил бы детей; если же нашелся бы такой, то считался бы не супругом, а прелюбодеем. Епископы избираются из девственников или вдовых, или перестают быть супругами, если имеют жен». Таков, прибавляет он, общий закон на Западе и на Востоке. По общему обыкновению, бывшая жена епископа, Нонна, посвящена была в диакониссы. «Нонна перешагнула к алтарю, при нем молясь, чистая жертва взята отселе». В звании диакониссы она много помогала своему епископу в управлении, так что успехи его в трудных случаях приписывали особенно умным мыслям диакониссы.

Прекрасная картина жизни св. Нонны, нарисованная сыном, особенно с последних годов ее.

«Она знала, — говорит св. Григорий, — одно истинное благородство — быть благочестивой и знать, откуда мы произошли и куда пойдем; одно надежное и неотъемлемое богатство — тратить свое имущество для Бога и для нищих, особенно же для обедневших родственников. Удовлетворить только их нуждам, по ее мнению, значило не прекратить бедствие, а напомнить о нем; благодетельствовать же со всей щедростью почитала она делом, которое могло доставить и ей прочную славу, и им совершенное утешение.

Если одни из жен отличаются бережливостью, а другие благочестием, ибо трудно совмещать оба качества, то она превосходила всех тем и другим, и в каждом достигла верха совершенства, и оба умела соединить в одной себе. Попечительностью и неусыпностью, по предписаниям и правилам Соломоновым для жены доблей, так она умножила все в доме, как бы вовсе не знала благочестия. Но и столько была усердна к Богу и ко всему божественному, как бы нимало не занималась домашними делами. Одно не терпело у нее ущерба от другого, но одно другим взаимно поддерживалось. Укрылось ли от нее какое время и место молитвы? О том у нее ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать, кто, приступая к молитве, имел столько упования получить просимое? Кто оказывал такое уважение к руке и лицу священников? Кто так высоко ценил всякий род любомудрой жизни? Кто больше, чем она, изнурял плоть постом и бдением? Кто благоговейнее ее стоял во время всенощных и дневных псалмопении? Кто чаще ее восхвалял девство, хотя сама несла брачные узы? Кто был лучшей заступницей вдов и сирот? Кто в такой мере облегчал бедственное состояние плачущих? Подлинно, жена щедролюбивая! Если бы позволили ей черпать из Атлантического или другого обширнейшего моря, и того бы ей недостало. Так велико было в ней желание подавать милостыню. Все имущество, какое у них было и какое присовокупилось впоследствии, почитала она скудным для своего желания. Если бы можно было, в пользу нищих (как не раз слышал я от нее) отдала бы себя и детей».

«Пустое слово не выходило из уст ее, и смех изнеженный не играл на щеках ее. В священных

собраниях и местах, кроме необходимых и таинственных возглашений, никогда не слышно было ее голоса. Она чествовала святыню молчанием; никогда не обращалась спиной к досточтимой трапезе; не плевала на пол в Божьем храме. Встретясь с язычницей, никогда не слагала руки с рукой, не прикасалась устами к устам, хотя бы встретившаяся отличалась скромностью и была из самых близких; с вкушавшими нечистой и скверной трапезы не только добровольно, но и по принуждению не разделяла соли; не могла, вопреки требованию совести, пройти мимо и даже видеть оскверненного дома; ни слуха, ни языка, которыми принимала и вещала божественное, не оскверняла языческими повествованиями и зрелищными песнями, потому что освященному неприлично все неосвященное. Но и всего удивительнее то, что она, хотя и сильно поражалась горестями, даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный глас исторгся прежде благодарения, или слеза упала на вежди, таинственно запечатленные, или при наступлении светлого праздника оставалась на ней печальная одежда, хотя неоднократно и многие постигали ее скорби. Ибо душе боголюбивой свойственно подчинять божественному все человеческое. Умолчу о делах еще более сокровенных, которым свидетель один Бог и о которых знали только верные рабыни, бывшие в том ее поверенными.

Таковые совершенства частью были уже в ней, а частью приумножались и возрастали постепенно. Как солнце и утренними лучами производит самое приятное действие, но полуденные лучи его теплее и светлее, так и она, показав немалые успехи в благочестии с самого начала, воссияла напоследок обильнейшим светом».

Последние годы блаженной Нонны доставили ей ряд печальных событий, очень близких к ее сердцу. В 368 г. умер младший сын ее Кесарии, молодой человек, подававший блистательные надежды; в следующем году умерла дочь. По известию сына, мужественная старица переносила эти потери с покорностью воле Божией.

В 370 г. старец епископ Григорий участвовал в посвящении Великого Василия в епископа Кесарийского. Глубокий старец держался только чудом на земле. Блаженная Нонна, которая немногим была моложе своего епископа, также готова была перейти в другую жизнь: но молитвами любящего сына на время удержана была на земле. «Мать моя, — говорит сын, — всегда была крепка и мужественна, всю жизнь не чувствовала недугов, но и ее постигает болезнь. Из многих страданий, чтобы не умножать слова, наименую самое тяжкое — отвращение от пищи, продолжавшееся многие дни и не излечиваемое никаким лекарством. Как же питает ее Бог? Не манну ниспосылает, как древле Израилю; не камень разверзает, чтобы источить воду жаждущим людям; не чрез вранов питает, как Илию; не чрез восхищаемого пророка насыщает, как некогда Даниила, томимого гладом во рву. Но каким же образом? Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во сне не предпочитала мне никого другого), являюсь к ней вдруг ночью с корзиной и самыми белыми хлебами, потом, произнеся над ними молитву и запечатлев их крестным знамением, по введенному у нас обыкновению, подаю ей вкусить и тем восста–новляю и подкрепляю ее силы. И сие ночное видение было для нее чем-то действительно существенным, ибо с сего времени пришла она в себя и стала не безнадежна. А случившееся с нею обнаружилось ясным и очевидным образом. Когда при наступлении дня взошел я к ней рано утром, с первого раза увидел ее в лучшем прежнего положении, потом стал, по обыкновению, спрашивать: как провела ночь и что ей нужно? Она, нимало не медля, и речисто сказала:"Сам ты, любезный сын, напитал меня и потом спрашиваешь о моем здоровье. Ты весьма добр и сострадателен!"В то же время служанки показывали мне знаками, чтобы я не противоречил, а принял слова ее равнодушно и открытием истины не приводил ее в уныние». В начале 374 г. почил столетний старец епископ. Блаженная Нонна, почти не выходившая после того из храма молитвы, вскоре после его смерти скончалась на молитве в храме 5 августа 374 г.

Свв. Эмилия, Макрина и Феозевия

Бабка, мать и две сестры Василия Великого, по благости Божией, были искренние, дивные рабыни Божий.

Блаженная Эмилия в юных летах своих сильно желала остаться девственницей до смерти. Но рано лишившись матери и отца, у которого гнев императора отнял имущество и жизнь, вынуждена была поступить не по желаниям своим. Редкая красота выставляла ее предметом искательств молодежи, так что был замысел похитить ее. Безродство и опасности для души заставили ее искать себе опоры в благочестивом муже, а общее мнение о высоких качествах адвоката Василия расположило согласиться отдать руку Василию.

Юная супруга Василия нашла себе великую наставницу в матери мужа своего св. Макрине. Бабка св. Василия Великого была дивная жена по уму и благочестию. Она была ученицей св. Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Во время Диоклетианова гонения, продолжавшегося при Галерее и Мак–симине, она и муж ее были в числе тех, которые лучше решились скитаться из одного места в другое, терпеть нищету, голод и все беды, чем изменить вере. Они в 305 г. удалились в леса понтские и семь лет пробыли скитальцами. В дремучем лесу лишены они были всякого человеческого пособия, доходили до крайнего недостатка в пище, но Бог, по молитве их, посылал им дивную помощь. Прекрасные козы, спускаясь с горы, легко подходили к ним и сами отдавались в их руки. Этот видимый покров Всевышнего подкреплял изгнанников в терпении и борьбе за веру. При Ликинии (в 320 г.) конфискованы были имения их. Макрина оставалась твердой в вере. Понятно, как много такая великая жена значила для молодой супруги Эмилии. Внук ее, Василий Великий, писал в свое время к неокесарийцам: «О вере моей какое доказательство может быть яснее того, что воспитан я бабкой, блаженной женой, которая по происхождению ваша? Говорю о пламенной Макрине, от которой изучил я слова блаженнейшего Григория, которые и сама она сохраняла, как дар предания, и на нас, еще малютках, напечатлевала, образуя нас догматами благочестия».

Василий и Эмилия жили одними мыслями и чувствами — христианскими.

Эмилия, с согласия мужа, кормила бедных, успокаивала странных, помогала больным, делала пожертвования храмам. Хотя родители обоих супругов лишены были почти всего состояния своего во время гонения за св. веру, но Бог, за добрые дела супругов, так умножил земную собственность их, что не было в том краю никого богаче их. Они владели землями в трех провинциях — в Понте, в Каппадокии и в малой Армении. Впоследствии каждый из детей имел на своей доле более, чем сколько получил отец. Когда родился сын Петр, отец умер и на руках Эмилии осталось девятеро детей. Всех воспитала она в глубоком благочестии. Трое из них были епископами: Василий, Григорий и Петр. Св. Григорий Назианский с восторгом говорил об Эмилии: «Она подарила миру столько и таких светильников, сыновей и дочерей, брачных и безбрачных; она счастлива и плодовита, как никто. Три славных священника, одна участница в тайнах священства, прочие — лик небожителей. Изумляюсь, какая это богатая семья Эмилии! Благочестивая кровь Эмилии — собственность Христа; таков корень! Превосходнейшая! Вот награда твоему благочестию: слава сыновей твоих, с которыми у тебя одни желания». Сын, Василий Великий, с торжеством указывал врагам своим на то, что его учила вере мать его Эмилия. Внучки Эмилии, дети одной из дочерей ее, начальствовали в Кесарийской обители.

Старшая из детей Эмилии была Макрина, и Макрина была помощницей матери для земли и неба. Богу угодно было, когда Эмилия была беременна в первый раз, возвестить ей об этой дочери и показать, чем будет дочь. Она видит во сне, будто носит на руках дочь и будто старец величественного вида,

подойдя к ребенку, три раза назвал ее Феклой. Эмилия проснулась и родила так легко, что, едва кончился сон, родилась дочь. С того времени мать и отец были убеждены, что данное дочери имя — предвозвестие о качествах дочери, близких к качествам св. девы Феклы. В дом призвана была кормилица, но ребенок почти не сходил с рук матери, был спокоен только на ее руках.

Эмилия глубоко понимала обязанность матери. Если мужчина в толкотне жизни и заботе о ней не всегда внимателен к себе самому, то тем более далек от него постоянный надзор за раскрытием склонности и понятий в детях. Потому преимущественно на матери лежит долг надзора за развитием душевных и телесных сил дитяти. Несчастна мать, которая не хочет знать своего призвания, столь высокого! Эмилия дорожила этим призванием. По видимости не беззаботна бывает иная мать о детях; но по опыту оказывается, что она все‑таки не выполнила своего долга. Отчего это так? Оттого, что не тому и не так учила детей, чему и как должно учить. Воспитание Макрины тем более заслуживает особенного внимания, что сама Эмилия приняла его за образец, по которому воспитывала других детей, и особенно дочерей, и нельзя не пожелать, чтобы и другие родители следовали этому образцу. Греки начинали учение детей почти всегда с басней и некоторых пиитических произведений, точь–в-точь как наши милые педагоги–прогрессисты. Эмилия увидела, что в языческих произведениях много мыслей и картин, оскорбительных для чистой души. (Когда бы в прославляемых прогрессистами было меньше!) Потому она приняла за учебные книги священные песни Давида и притчи Соломона. Из них выбирала она некоторые места молитвенные, или хвалебные, или с уроками жизненной мудрости и заставляла выучивать их наизусть. Так, чем бы ни занималась Макрина, священные стихи–наставления были и постоянными ее спутниками–надзирателями (а не распущенные педагоги). Эмилия учила дочь и пению, но не давала ей петь песней Анакреона и Сафо. Все, что могло оставлять в юной душе впечатления гнилости и смрада нравственного, мать удаляла от взора и слуха юности. Матери сами водили детей (долгом считают водить и ныне) в театр и амфитеатр. Эмилия признавала, что и то уже невознаградимый вред от театральных сцен, что они отучают душу от любви к труду и приучают к легкомыслию и рассеянности. Она обучала дочь женским рукоделиям и домашнему хозяйству, тем более что труд физический укрепляет ее здоровье. Так ли ныне? Вот почтенный родитель и родительница гуляют со своими детьми. Около них идет молодой человек. Меньшему восьмилетнему мальчику стало жарко, и он снял с себя бархатный кафтанчик. Молодой человек тотчас же предлагает свои услуги, берет и несет кафтанчик, в котором весу фунт. Родительница вступилась и, взяв кафтанчик и передавая его сыну, говорит робко: «Пусть приучается». Конечно, слава Богу и за то, что «пусть приучается!» Но милая мамаша! Добры ли вы к сыну и к себе, что сынок тяготится фунтиком тяжести и вы готовите себе из него тяжести разного сорта? Не будьте ниже самки. После домашних занятий Эмилия водила дочь в храм Божий слушать священные песни и молитвы. Сын ее, уже святитель, писал «юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями», так много значила педагогика Эмилии.

Макрина, пришедшая в возраст, была красавицей по телу и по душе. Оберегая душу ее, скрывали ее от взоров нескромных. Но нескромные успели видеть ее, другие узнали о прекрасных качествах души ее. Потому стали искать руки ее. Отец выбрал для дочери достойного жениха и сказал об избранном. Бог, готовивший для чистой голубицы другую атмосферу, устроил по–своему. Тогда как избранный жених старался укреплять в семействе Макрины доброе мнение о себе защитой невинно обвиняемых, послана ему болезнь и он скончался. Это решило будущность Макрины. Когда родители предлагали ей других женихов, она отвечала: «Жених мой не умер, он только в отлучке, зачем же изменять ему?» Теперь Макрина более прежнего старалась быть полезной для матери. Несколько служанок не могли столько выполнить услуг, сколько выполняла одна Макрина. И мать нежно любила ее. «Других детей, — говорила она, — носила я лишь некоторое время, а с Макриной не разлучалась никогда». От этой связи дочери с матерью польза была для обеих, и польза неоценимая: мать управляла чувствами и помышлениями дочери, а дочь до такой степени заботилась о матери, что собственными руками пекла для нее хлеб и шила

белье. Когда умер отец семьи, Макрина была главной помощницей матери по управлению имениями, находившимися в разных областях. Важнее же было то, что Макрина имела влияние на нравственный быт всей семьи. Хотя мать стояла на высокой степени нравственной жизни, но Макрина нечувствительно вела ее выше и выше примером своей жизни. Она внушала брату Василию предаться исключительно изучению евангельской мудрости. Она образовала Петра, быв для него второй матерью и наставницей. Когда все братьи и сестры могли уже заведовать делами и собой, она склонила мать удалиться с ней в монастырь.

В такой решимости мать и дочь построили обитель в Понте, на берегу р. Ириды, невдалеке от горы Ивора. Там, отстранив все, что могло рассеивать их, изменили они образ жизни: служанок своих обратили в подруг своих и предались преимущественно молитве.

Св. Григорий так описывает пустынную жизнь их:

«В отношении пищи и питья не было в общине никакого различия, как и в отношении келлий и убранства и других потребностей жизни. Неравенство состояний, сословий, значения в прежней светской жизни здесь не оставляло никакого следа. Жизнь, которую они вели, была так свята, добродетель так высока, что не умею описать. Их точность в исполнении обязанностей устава днем и ночью соответствовала рвению, которым они пламенели. Их можно было сравнить с теми блаженными душами, которые, выйдя из оков тела, парят к небу; сердца их так были очищены от всего земного, что, можно сказать, жили они как ангелы. Нельзя было уловить в них признака гнева, зависти, подозрения или ненависти. Они отбросили от себя всю светскую суету — желание отличия, известности, блеска. Наслаждение их заключалось в воздержании, слава в безвестности, богатство — в неимуществе, сила — в немощи; все мирское стряхнули они с себя как пыль. Всякую минуту считали потерянной, если бы употреблена она была на что‑нибудь наружное и гибнущее. Занятия их состояли в молитве и пении псалмов, не прерывавшемся ни днем, ни ночью».

Блаженная Макрина восходила от совершенства к совершенству, с твердостью побеждая в себе проявления порчи природы.

Относительно житейских нужд помогал Макрине и обители блаженный Петр, который ею был воспитан и который теперь платил ей за ее добро усердными заботами о сестре и матери: он жил невдалеке, в другом монастыре, который построен был матерью и где сперва подвизался св. Василий. Последний по временам также помогал сестре и матери.

Мать и дочь посещены были неожиданной потерей. Навкратий, второй сын Эмилии, принесен был мертвым из пустыни вместе со слугой, и никто не мог объяснить причины смерти его. Макрина тем изумительнее была в этом случае, что, потрясенная до глубины сердца потерей любимого брата, она до того превозмогла чувства свои мыслями веры, что успокоила тем и мать неутешную. «Не было ни воплей или стонов, ни слез и других обыкновенных проявлений жестокой горести матери и сестры, было только все достойное жен, посвятивших себя Богу».

Как сильна была духом блаженная Макрина, как близка была ее душа к Господу, это открылось по особенному случаю. Под шеей Макрины, на груди, образовался чрезвычайный нарост; предполагали, что это внутренний нарыв, и считали необходимым сделать хирургическую операцию, дабы иначе болезнь не распространилась на легкие и печень и не причинила смерти. Мать упрашивала Макрину согласиться на выполнение врачебного совета. «Врач дан Богом для пользы нашей», — говорила нежная мать. Но высокая девственница решилась лучше переносить все страдания, чем обнажить тело свое перед глазами оператора. Она обратилась с надеждами к Господу. Пробыв при матери до всенощного бдения, она уединилась в моленную монастыря и провела там всю ночь в слезах, умоляя Небесного Врача явить над ней Свою волю. Взяв потом несколько земли, омоченной ее слезами, она приложила ее к больной части тела. Надежды ее не были обмануты. Возвратясь к матери, она сказала, что если желает ей

выздоровления, то пусть осенит болящее место крестным знамением. Мать хотела исполнить это, но, приложив руку к груди дочери, заметила, что нарост исчез, остался только знак, как будто место уколото было иглой. «Богу угодно было, — говорит св. Григорий, — оставить этот след как памятник совершившегося чуда».

Эмилия, достигнув глубокой старости, должна была наконец испытать общую долю смертных. Из детей ее были при ней только Макрина и Петр. Чувствуя близость кончины, она с невыразимой неясностью говорила присутствующим об отсутствующих, и молитвой за детей окончилась святая жизнь ее мая 8–го 375 г.

Не прошло четырех лет после того, и вот умер св. Василий Великий (+ янв. 1–го 379 г.). Если смерть его погрузила всю Церковь в глубокую печаль, то как же должна была страдать Макрина, когда весть о его смерти дошла до ее пустыни? Она понимала значение его для современной Церкви, и она же была нежная сестра его. Но как золото очищается огнем, так душа великой девственницы, перейдя через три тяжкие для нее потери, отрешалась от земного.

Прошло 9 месяцев после того. В Антиохии был Собор, на котором присутствовал св. Григорий Нисский. Он спешил видеться с сестрой Макриной после потери брата. «За день до прибытия было мне, — говорит он, — во сне видение. Казалось, что несу я на руках мученические мощи и от них исходил такой свет, что не мог я смотреть на яркость его. Три раза в одну ночь было это видение. И я не мог понять значения видения, только какая-то грусть была в душе моей. Приближаясь к обители, где сестра проводила ангельскую жизнь, спросил я одного из многих встречавших меня, там ли брат мой? Он отвечал, что брат за четыре дня выехал, а сестра больна. Я поспешил: сердце сжалось во мне.

По прибытии в обитель и храм ее, я пошел к сестре в келью. Она лежала не на кровати, не на матрасе, а на земле, на доске, покрытой власяницей; вместо подушки под головой ее была другая доска, наклонно положенная. Сестра была очень больна и, когда увидела меня, не имея возможности встать по слабости, приподнялась на нищенском своем одре, чтобы принять меня с честью. Я подбежал к ней, успокоил, уложил ее; тогда, подняв руки к небу, сказала она:"Благодарю Тебя, Господи Боже мой! Ты исполнил желание мое, внушил рабу Твоему посетить Твою рабыню".

Она старалась скрыть от нас тяжесть дыхания и, чтобы усладить печаль нашу о ней, усиливалась улыбаться, говорила с нами о предметах приятных для нас. Речь склонилась к покойному Великому Василию. Я не мог воспретить горести выразиться на моем лице. Но она, вдохновенная высокими мыслями, говорила нам с такой возвышенностью о дивном смотрении Божием, простирающемся на все случаи земной жизни, что моя душа, увлекаемая за ней, парила над всеми природными чувствами и улетала на небо. Потом я не мог надивиться, как она, снедаемая лихорадкой, которая лишила ее сил и уже разлила по истощенному телу холодный пот, могла сохранить полную свободу мысли, как Иов, покрытый ранами. Она легко, тонко, возвышенно объясняла состояние души, жизнь, проводимую нами на земле, цель, для которой рождаемся мы, бессмертие, в которое облечется некогда бренное тело наше, и почему должны мы вступать в новую жизнь. Слова текли из уст ее, как из источника струя, который ничто не останавливает.

Наконец она сказала мне:"Пора тебе, брат, отдохнуть после тяжелого и долгого пути". Какой отдых мог быть слаще слов ее? Но я повиновался и в ближнем саду укрылся под тень деревьев. Видение мое о мощах объяснилось, я рассказал о нем некоторым бывшим тут.

Святая сестра моя, издали проникая в мои мысли, прислала сказать нам, чтобы мы не сокрушались, болезнь ее — благо; она разумела смерть, о которой вздыхала она, чтобы скорее насладиться зрением Спасителя. Мы тотчас встали и пошли к ней. Не желая тратить на бесполезное последних минут жизни, она начала рассказывать о всем случившемся с ней с самого детства так, как будто читала по книге; исчисляла

все благодеяния, которыми Бог взыскал отца нашего, мать, семейство, и благословляла Его из глубины души за Его милости. Я начал было говорить, сколько терпел я, когда был сослан за веру императором Валентом, и о других бедствиях смут церковных. — "Перестанешь ли ты, — сказала она, — терять из вида все благодеяния, которыми обязан Богу. Бойся неблагодарности. Он наградил тебя милостями щедрее, чем родителей. Пусть отец мой прославился в молодости в делах общественных, доставивших ему уважение сограждан, но имя его не перешло за границы Понта. А твое имя распространилось так далеко, что Церкви приглашают тебя, к тебе обращаются для восстановления между ними порядка и правил. Узнай, с глубокой благодарностью сердца, в этом милость Божию и действие молитв родителей наших".

После слушания молитв всенощной и отдыха ночного, когда настало утро, мне нетрудно было убедиться, что это утро — последнее для больной: лихорадка поглотила остаток сил страдалицы. Душа моя волновалась двумя чувствами — горестью, потому что нежность сестры вызывала и во мне нежность к ней, святой, из уст ее слышал я последние слова; другое чувство — изумление при виде выразимого спокойствия, с каким ожидала она кончины.

Солнце было уже близко к закату, сила и энергия разума ее нимало не ослабевали. Она перестала говорить с нами. Сложив руки, неподвижно устремив глаза к жилищу Небесного Жениха (нищенское ложе ее обращено было к востоку), разговаривала она с Ним сладко и так тихо, что мы с трудом расслушивали иные слова. Но мы понимали, что говорила она Ему:"Господи! Ты избавляешь нас от страха смерти… Конец жизни этой — начало жизни истинной… Ты оставляешь нас почивать на время и пробуждаешь звуком трубы при конце веков… Боже вечный, Которому принадлежу я от чрева матери моей, Которого я всегда любила всей силой моего сердца, Которому посвятила тело и душу! Дай мне Ангела светлого, который сопутствовал бы мне, привел бы меня к святым отцам, в место покоя и прохлады. Ты, простивший одного из распятых с Тобой, едва лишь он прибег к Твоему милосердию! Помяни и меня в Царствии Твоем… Ужасающая мгла да не отдалит меня от Твоих избранных; дух завистник да не воспрепятствует мне воспарить к Тебе; да исчезнут пред Тобой грехи мои. Ты прощаешь смертных, прости грехи, сотворенные мною по немощи природы, словом, мыслью, чтобы, оставляя это тело, почувствовала я себя очищенной от всякой скверны и Ты принял бы мою душу, как благовоние пред Тобой!"

После этой умилительной и полной любви беседы со Спасителем она осенила крестным знамением свои уста, очи и сердце… Когда смерклось и внесены были свечи, она открыла глаза и сказала, что желает читать всенощную, но голос изменил ей, она только мысленно молилась и читала псалмы, мы молчали. Окончив, она усиливалась поднять руку к лицу, чтобы перекреститься, из груди ее вырвался долгий и глубокий вздох, и жизнь ее кончилась вместе с молитвой».

Отшельницы, заглушавшие в сердцах печаль и стоны из уважения к настоятельнице, теперь, когда ее не стало, огласили воздух рыданиями и воплями скорби.

Вестиана, женщина благочестивая, которая, лишившись мужа, избрала пр. Макрину в руководительницы жизни духовной, осталась при покойной, когда другие вышли. Святитель спросил, не признают ли нужным одеть усопшую в приличную сану ее одежду? Позвали Лампадию, и та отвечала, что почившая никогда не любила красивого одеяния, да и нет у нее другой, кроме той, которую видят на ней. «Не сохранилось ли у вас что-нибудь?» — спросил святитель. «Вот, — отвечала Лампадия, — изношенная мантия, наметка и башмаки — все богатство ее. Сундуки и шкаф пусты, на земле у нее нет ничего».

Такова была бедность святой девственницы! Худая мантия, наметка и башмаки — вот все имущество настоятельницы, той, которая получила богатое наследство.

Тело было покрыто одним из одеяний святителя — брата, а сверху прикрыто мантией покойной матери.

Вестиана, одевавшая покойную, нашла под головой покойной шнурок, на котором был крест, и

маленькое железное кольцо. «Разделим наследство, — сказал святитель, — возьмите себе крест, а мне дайте кольцо». «Выбор ваш счастливый, — отвечала Вестиана, — в этом кольце — частичка животворящего древа».

Слух о смерти преподобной созвал в обитель несметное множество людей всякого звания. Местный епископ прибыл со своим духовенством. Он и св. Григорий со старшими пресвитерами несли гроб до церкви Мучеников, где он поставлен близ гроба матери в фамильном склепе.

Блаженная Макрина совершала чудеса еще в земной жизни своей, исцеляла больных, изгоняла бесов, чудесно умножала хлеб. «Но, — говорит святитель, — люди неохотно верят тому, чего не видят своими глазами», и потому, чтобы не наводить на неверие, он не описывает чудес.

Эпитафия св. Григория Назианского Макрине:

«Вот памятник знаменитой девы. Ты, конечно, слышал о Макрине, старшей дочери великой Эмилии. Она скрылась от очей всякого мужчины. Но теперь на языке она всех и слава ее самая звучная».

Тот же великий святитель отдал честь другой дочери св. Эмилии — св. Феозевии.

Странную ошибку допускали о Феозевии — ошибку, оскорбительную особенно для святителя, того или другого. Феозевию, прославленную великим богословом, считали супругой то св. Григория Нисского, то св. Григория Назианского. Отчего считали? Оттого, что не дали себе труда понять точное значение название «Яесет уйжзгит», которым почтена Феозевия у Богослова. В отношении к Нисскому архипастырю надобно иметь в виду, что св. Богослов называет Феозевию сестрой Григория Нисского и дочерью великой Эмилии. Как же могла она быть женой родного брата своего? После того только ячычество могло бы удержать за словами «Яесет ухжзгпт» значение супруги священника. У св. Богослова это означает, что Феозевия в звании диакониссы была верным товарищем брата, ревностной помощницей ему в делах епископа. Затем легко понять, что слова «Яесет ухжзгпт» напрасно относили к супружеству Григория Назианского. Он говорит «моя Феозевия», но прямо говорит и то, что не разумеет он отношений телесных.

Утешая св. Григория Нисского в кончине Феозевии, св. Богослов писал:

«Слышу, по преставлении святой и блаженной сестры вашей ты соблюдаешь вразумительное терпение и мудрость, как муж благой, совершенный, предстоящий Богу, более других знающий Божие и человеческое. То, что для других очень горько и тяжело, для тебя легко было — такую сестру, жившую с тобой, препроводить от себя, поместить в безопасное жилье, скажу словами Св. Писания, якоже стог гумна, во время свезенный (Иов. 5, 26). Хотя вкусила она приятности жизни, однако по самому возрасту избавилась скорбей. Прежде нежели оплакала тебя, почтена от тебя прекрасным погребением, какое и должно быть для подобных жен. И сам я, поверь мне, желаю преставления если не в одной мере с вами (это сказать о себе было бы много), то не меньше вас. Но в состоянии ли мы что сделать против устава Божия, давно так мощного над нами, который похитил мою Феозевию (жившую для Бога называя своею, потому что духовное родство выше телесного), Феозевию, славу Церкви, украшение Христово, потребность нашего века, дерзновение женского пола, при такой красоте братьев отличавшуюся красотой блистательной, Феозевию действительно священную, товарища иерея, почтенную и достойную великих таинств, Феозевию, о которой память сохранится и в будущем времени на бессмертных столпах, т. е. на душах всех тех, кто доныне знал ее и кто узнает впоследствии! И не дивись, если много раз повторяю имя ее, потому что наслаждаюсь воспоминанием о блаженной. И таково мое ей надгробие, а тебе утешительное слово, которое в немногом заключает многое».

Св. Григорий оставил и эпитафию: «Феозевии, сестре Великого Василия».

«И та Феозевия, дочь славной Эмилии,

верный товарищ великого Григория,

покрылась здесь священной землею.

Опора жен благочестивых, ты вовремя вышла из этой жизни».

В надписи Эмилии отличает он Феозевию от других детей Эмилии так: «Одна — участница в тайнах священства».

Так, блаж. Феозевия была диаконисса, посвятившая жизнь свою на то, чтобы быть верной помощницей брату–епископу.

Феозевия, «достойная великих таинств, участница в тайнах священства». Как диаконисса, она была действующим лицом при крещении жен; как диаконисса, она зрела совершение таинства Евхаристии, что недоступно было мирянам, даже и мужчинам.

«Избери, — говорится епископу в древних правилах, — диакониссу верную и святую для служения женам. Случается иногда, что в некоторые дома не можешь ты из‑за неверующих послать диакона к женам; тогда, для успокоения помысла людей худых, можешь послать диакониссу». Как диаконисса Феозевия исполняла поручения епископа о женах в больницах, тюрьмах, при одрах смерти.

Недаром Богослов не раз называет Феозевию товарищем, верным товарищем великого Григория. Это название дает нам видеть, что если страдал Григорий–епископ, то страдала и Феозевия. В 375 г. Григория, оклеветанного, ариане согнали с кафедры, и он три года, пока не умер Валент, скитался, переходя из одного места в другое. Ревностный пастырь не оставался и тогда в бездействии. «Добро, тобою распространяемое, прочно, хотя сам ты и не имеешь прочного места», — писал ему св. Богослов. Феозевия, верный товарищ великого Григория, делила с братом–епископом скитальческую жизнь; она, по поручению епископа, действовала на жен в поддержание Православия, теснимого арианской властью. Какое великое служение дивной девы!

Феозевия «действительно священная, опора жен благочестивых». Она диаконисса не по одному имени, она освящала себя ревностным служением св. вере и сестрам.

Письмо, утешавшее брата о смерти Феозевии, писано в 385 г. Значит, Феозевия, по возвращении брата на кафедру, еще семь лет продолжала служение диакониссы.

Память св. Феозевии — января 10, в тот же день, когда празднуется память св. Григория Нисского, которому она была такой усердной помощницей.

Блаж. Магна

«В городе Анкире галатской, — пишет усердный посетитель подвижников Палладий, — много дев, около двух тысяч или более; они подвизаются в святой, добродетельной жизни, хранят воздержание и совершают дело святое с ревностью. Между ними первое место по благочестивой жизни занимает Магна, жена почтеннейшая и опытнейшая. Не знаю, называть ли ее девой или вдовой. Мать вынудила ее выйти замуж, но она отклоняла от себя мужа под разными предлогами, делала вид, будто больна она, и таким образом осталась неприкосновенной и непорочной, как говорят родные ее. Муж ее скоро умер, и она осталась единственной наследницей после него. Тогда она всю себя посвятила Богу». «Великое приобретение быть благочестивым и довольным (умеренным в желаниях). Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынесть из него (1 Тим. 6, 6–8). Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов и хранить себя неоскверненным от мира (Иак. 1, 27). Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать двойную честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1 Тим. 5, 17). Таково учение апостольское! Так и поступала блаж. Магна. «Богатство, какое было у нее, раздала она на монастыри, на дома бедных и странных, церквам, епископам, вдовам, сиротам и прочим нуждающимся. Охотной душой, но тайно совершала она подвиги благотворительности». Не только не выставлялась перед людьми благотворительницей, но старалась скрывать добрые дела свои и от себя самой: она боялась обманчивой приятности славы людской так же, как своего самолюбия, и берегла сердце свое в смирении. Вместе с тем она «ревностно посещала богослужение церковное, вела жизнь подвижническую, воздержную. Знаменитейшие епископы уважали ее. Стараясь исполнить всякую добродетель, она жила надеждой на жизнь лучшую — загробную».

В жизни блаж. Магны более всего изумительно то, что она, выданная в замужество, с такой твердостью воли отстояла свою девственную чистоту. Так в лучшие времена христианства любили девство! В одном провинциальном городе были целые две тысяч дев! Ликия была областью соседней с Галатией. Анкирские девы, конечно, читали разговор «Праздник дев» святителя и мученика Мефодия, написанный им, когда он был епископом Олимпа ликийского. Если ныне, к несчастью людей, мало ценят девство — не так думали в лучшие времена. Вот как учил о девстве великий учитель–мученик.

«Велико, выше природы, чудно и славно девство. Это — питье, которое источается не землей, но небом. Господу предоставлено было преподать сие учение (о девстве) людям. Он один, придя на землю, научил человека возноситься к Богу. Архиерею и Главе пророков и Ангелов прилично именоваться и Главой девственников. Ветхозаветные еще не могли вместить девства.

И закон свидетельствует, что *очиститися чистотою Господу есть великий обет, выше всех обетов* (Числ. 6, 1). Что же значит посвятить себя Господу? Если уста мои буду отверзать для изъяснения Писания или для того, чтобы православно и достойно воспевать по силе Бога, и буду заключать уста, полагая хранением, чтобы не говорить суетного, то чисты уста мои и посвящаются Богу. Если и взор приучу не прельщаться красотой телесной и не услаждаться зрелищами бесстыдными, но взирать на небо, то чисты и очи мои и посвящаются Господу. Если буду заграждать слух от злословия и поношений и отверзать для Слова Божия, то и слух посвятила я Господу. Если чиста я сердцем, все помышления посвящаю Господу, не думаю ни о чем суетном, не живут во мне гордость и гнев, размышляю о законе Господнем день и ночь, то истинно совершаю обет великий: еже очиститися чистотою. Сонм дев, по преданию, именуется бескровным жертвенником Божиим».

В конце разговора девы поют «песнь Христу Богу».

ОДНА ИЗ ДЕВ

Девы! С небес гремит глас, пробуждающий мертвых. Он велит всем вместе, в белых одеждах И с светильниками, нестись к востоку, на сретение Жениху.

Восстаньте прежде, чем Царь войдет в двери.

Л И К Д Е В

Тебе посвящаю себя чистою и с светоносным Светильником сретаю Тебя, Женише.

ОДНА ИЗ ДЕВ

Удалясь печального людского счастья, пренебрегши Утехами жизни, наслаждениями любви, ищу одного — Быть иод спасающей десницею Твоею. Даруй мне, Благий, вечно зреть красоту Твою.

ЛИК

Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

ОДНА

Оставив ложе и дом брака, тленного для Тебя, Царь мой, пришла я в непорочной одежде, Дабы войти с Тобою в блаженный чертог.

ЛИК

Тебе посвящаю себя чистой, и пр.

ОДНА

Забыла я родину, возлюбив красоту Твою, Боже Слове;

Забыла лики дев, подруг моих;

Мной хвалились бы — забыла я и о том — мать и сродники мои.

Ты, Христе, стал всем для меня.

ЛИК

Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

ОДНА

Омывавший толпы в струях чистительных Предтеча Твой

Взывал пред Тобою блаженный.

ЛИК

Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

ОДНА

И твоя Матерь, родительница жизни, благодатная, Недоступная, непорочная Дева, нося в бессеменном чреве

Плод чистый, подпала сомненью неверности: Но к Тебе, блаженный, взывала она.

ЛИК

Тебе посвящаю себя чистою, к пр.

ВСЕ

Блаженный, живущий в чистых селениях небесных,

Все содержащий вечной силой,

Се предстоим мы: прими нас,

Отче, с Сыном Твоим, в двери жизни вечной.

Так пела в жизнь свою и блаженная Магна. Кончина святой инокини последовала, по времени видевшего ее, не прежде 425 года.

Св. Евсевия–Ксения

В старом Риме был знаменитый сенатор и добрый христианин. У него была одна дочь Евсевия, дорогая для него, как глаз. Когда достигла она возраста, вельможа и сенатор просил родителей Евсевии выдать дочь за сына его. После семейного совета обручили Евсевию с благородным юношей, равным ей по знатности рода и богатству. Назначен был и день для брака. Но девушка, полная святой любви, желала у невеститься небесному Жениху, Христу Господу. Это желание скрывала она от родителей, так как знала, что, если бы узнали они о ее намерении, никак не допустили бы исполниться желанию ее. Она была у них одна наследница богатства их, и они желали иметь утешение во внуках. У Евсевии были две верные служанки, жившие при ней с детского ее возраста, усердные и преданные ей. Им открыла она свою душу; получив от них обещание быть верными ей до смерти, она сказала, что ни за что не согласится она вступить в брак. «Что жизнь земная? — говорила она. — Сон и мечты». Так все три девушки решились жить для одного Господа, в чистоте девственной.

Евсевия тайно, через верных служанок, раздавала деньги бедным. Потом все три, одевшись в мужскую одежду, тайно скрылись из Рима и на корабле прибыли в Александрию. Отсюда переплыли на остров Ко, что в верстах 50 от карийского города Галикарнаса. Здесь, наняв дом, Евсевия жила некоторое время со служанками как со своими сестрами, взяв с них слово никому не говорить, кто она, и называть ее не иначе как Ксенией. «Я — странница для Господа», — говорила она. Состояние их на острове казалось им небезопасным; не видя ни в ком защиты, они опасались всего более за чистоту свою. Но Господь послал им помощь по их молитве.

Раз встретилась Евсевия со стариком–странником почтенного вида и просила его принять ее и сестер в духовных дочерей. «Я думаю, — прибавила она, — что ты — епископ Божий». Старец спросил, кто они? «Мы из далекой страны, — отвечала Ксения, — и ищем одного — спасения души». — «Поверьте мне, — сказал старец, — я сам странник, иду из Святой Земли; я не епископ, а настоятель обители Св. Апост. Андрея, что в карийском городе Мил асе». Ксения умоляла старца взять их с собой и укрыть своей защитой от искушений. Старец согласился. В Миласе, вблизи соборного храма, Евсевия купила дом, устроила небольшой храм во имя архидиакона Стефана и составила общину дев. Блаженный старец Павел усердно заботился о новой общине и постриг в монашество Ксению и ее подруг.

Спустя недолгое время почил епископ Миласа Кирилл, и на его место поставлен был игумен Андреевой обители Павел. Новый епископ, посетив общину Ксении, поставил Ксению в диакониссу, против ее желания. Жизнь ее была высокая. Она принимала пищу через день, через два, а иногда через неделю, и только один хлеб; она не касалась даже овощей, ни масла. Помня Давидовы слова: *пепел яко хлеб ядях и питие мое с плачем, растворях*, и она посыпала хлеб свой пеплом и окропляла его слезами. Недовольная молитвами храма, она всю ночь стояла на молитве в своей келье с поднятыми к небу руками. Это скрывала она. Но подруги, ревнуя подражать подвигам ее, видели это своими глазами. Одежда на ней была самая плохая. Строгая к себе самой, она была весьма милосердна ко всем, тиха, добра к сестрам, внимательна и к малым их надобностям; никому не говорила она слова жесткого, согрешавших вразумляла с кроткой любовью. Блаженная подвижница совершала свои подвиги и под влиянием высокой жизни палестинского подвижника преп. Евфимия, тогда как императрица Евдокия путешествовала по святым местам. Блаж. Павел рассказывал ей о Евфимии, как очевидец его.

«Когда приблизилась кончина высокой девственницы, настала тогда память святого Ефрема, епископа Милосского, и блаженный епископ Павел со всем клиром отправился в село Левкин, где в храме лежали мощи св. Ефрема». Преп. Ксения, созвав сестер в монастырский храм, сказала им: «Вы оказывали много

любви ко мне, сестры, продолжите и еще любовь вашу, молитесь за меня — я умираю; попросите и отца нашего епископа Павла молиться за меня, он так много заботился о душе моей». Сестры зарыдали. Она продолжала: «Апостол Петр говорит: *не коснит Господь обетования; яко же неции коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покояние придут* (2 Пет. 3, 9–10). Итак не надобно лениться, а надобно бодрствовать. Бодрствуйте, сестры, готовьтесь встретить Жениха Господа с елеем добрых дел и с горящей любовью». Отпустив сестер, осталась она в храме на молитве, и наутро найдена была почившею, янв. 24 ч. Епископ и весь город с честью положили тело ее на месте, указанном ею. Через год умерла одна подруга жизни ее; перед смертью другой упросили сестры эту подругу рассказать, кто такая была Ксения. Теперь только узнали в обители и в городе, какого высокого рода была Ксения. При гробе великой подвижницы, почившей не позже 457 г., совершались исцеления больных во славу Божию.

Св. Григорю Беседователю после того, как рассказано было о кончине чистой девы в день, назначенный Богоматерью, предложен был вопрос: призываются ли на небо души праведных прежде соединения их с телами? Св. Григорий отвечал: «Не о всех праведных можно утверждать это и не о всех отвергать. Ап. Павел желал разрешиться и быть со Христом. Итак, кто верит, что Христос на небе, тот верит и тому, что душа Павла на небе с Христом. *И видел я*, говорит тайнозритель, *престолы и сидящих на них и дано было им судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие… Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет* (Откр. 20, 4). Ожившие называются здесь душами; ясно, что эти души, еще не соединившиеся с телами. И, однако, они царствуют со Христом, не только наслаждаются блаженством, но еще участвуют в царственной власти Христа Господа или, что то же, совершают дела могущества Божия, чудеса. С другой стороны, Спаситель сказал: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14, 2). Этим ясно означено, что не все праведные души находятся в одинаковом блаженном состоянии, не все одинаково близки к Господу, различаясь степенями и видами нравственного совершенства». «Однажды пришла мне такая мысль, — рассказывал авва Афанасий, игумен Лавры св. Саввы, — что будет с теми, которые не подвизаются? Я впал как бы в исступление. В это время некто говорит мне:"Иди за мной". Приведя в одно место, исполненное света, поставил у двери; вида сей двери изобразить нельзя, только за нею мы слышали неисчислимое множество хвалящих Бога. Когда постучались мы, то, услышав, некто внутри спросил нас:"Что вам нужно?"Проводник мой отвечал:"Мы желаем войти". Но тот отвечал:"Сюда не войдет никто из тех, которые нерадиво живут; если хотите войти, идите и подвизайтесь, не озабочиваясь суетами мира"».

Жена–девственница и супруг–девственник

Дивный пример супругов–девственников, подвизавшихся на острове Самосе в VI веке, выставляет блаж. Иоанн Мосх. «Когда мы пришли на остров Самос, — пишет он, — то ходили в обитель Хариксенскую к авве Исидору, игумену сей обители, мужу, известному по добродетелям и особенно любвеобильному, кроткому и смиренному; он после был и епископом того же города Самоса. Он рассказывал нам следующее:"Миль за восемь от города есть село с церковью. При этой церкви был чудный священник. Родители против его воли принудили жениться. Но он не только не увлекался обольщением плоти, хотя был еще молод и имел жену законную, даже и жену свою уговорил жить с ним в целомудрии и чистоте. Они оба занимались изучением Псалтиря и оба пели в церкви, оба сохранили девство до старости. Этот священник был оклеветан перед епископом доносом ложным. Не зная жизни священника, епископ вызвал его из села и заключил в сторожку, в которой обыкновенно держали падших клириков. В сторожке в один воскресный день ночью явился сему священнику светолепный юноша и говорил ему:"Встань, отец, иди в свою церковь и соверши там Св. Евхаристию". Священник отвечал:"Не могу — я содержусь под стражей". Юноша сказал ему:"Я отворю тебе дверь, иди за мной". Юноша отворил дверь, вышел сам вперед и провожал священника по дороге к селу на одну милю. С наступлением дня сторож, не найдя священника в сторожке, донес о бегстве его епископу и присовокупил:"Но ключ от сторожки у меня". Епископ, думая, что священник действительно сбежал, послал одного из слуг архиерейского дома в это село с приказанием:"Иди в это село и узнай, там ли тот священник; впрочем, ничего не делай ему". Слуга отправился в село и нашел священника в церкви, совершающим Св. Евхаристию. Возвратись, он донес епископу, что священник в селе и что он видел его совершающим литургию. Епископ рассердился на священника и грозил, что на другой день с великим бесчестием приведут его сюда. В следующую ночь опять явился священнику тот же юноша и сказал:"Пойдем, тебе надобно быть опять в той же сторожке, в которую посадил тебя епископ, и, взяв его, опять привел в сторожку так, что сторож не заметил этого. На следующий день сторож донес епископу, что священник опять находится в сторожке, а как он в нее вошел, не знает он, сторож, о том. Епископ призвал к себе священника и расспросил, как он, мимо ведома сторожей, вышел из сторожки и опять вошел. Священник отвечал:"Светоносный юноша, в прекрасной одежде служителей архиерейских, чем он и называл себя, отворил мне дверь и проводил меня почти до села, а в эту ночь опять пришел за мной и ввел в сторожку". Епископ призвал всех служителей своих, но священник ни в одном из них не признавал того, кто вывел его и опять ввел в сторожку. Тогда то епископ понял, что это был Ангел Божий и сделал это для того, чтобы не осталась скрытой добродетель священника, но чтобы все прославили Бога, прославляющего рабов Своих. Епископ, узнав еще подробнее священника, отпустил его с миром в село, а оклеветавших его много бранил"».

Имена этого девственника священника и его супруги–девственницы неизвестны. Но известны проводившие девственную жизнь в супружеском союзе мученики: Мария и Конон Исаврийские (II века), Цецилия и Валериан, римский аристократ, (230 г.), Мария и Захария–башмачник (III века), Василисса и Юлиан (285 г.). По известию Феодорита, «чудный епископ Лаодикии Пелагий в юности запряжен был в ярмо брака: но в первый же день на брачном ложе убедил невесту предпочесть чистоту супружескому сношению и братскую любовь считать выше супружеской связи»; при Валенте он — страдалец за веру.

Более чем вероятно, что самосского пресвитера, жившего с женой как с сестрой, недобрые люди обвиняли в нарушении 5–го апостольского правила: «если священник отпускает от себя жену, то отлучается он». Правило осуждает осуждающих брачное сожитие как скверну. Но самосские праведники только для воздержания от удовольствий плотских не касались брачного ложа; а это была жизнь святая, согласная с правилами Вселенской Церкви. На Первом Вселенском Соборе некоторые из западных домогались того,

дабы диаконам и священникам запрещено было вступать в брак и чтобы женившиеся мирянами не касались брачного сожития. Св. исповедник Нафнутий, епископ Верхней Фиваиды, став среди сословия епископов, громко сказал: «Не возлагайте тяжкого ига на лица священные. Брак честен и ложе не скверно; сожитие с законной женой — целомудрие. Между тем не все могут переносить подвиг воздержания; может выйти, что жены и мужья будут оскорблять чистоту свою. Довольно и того, что если по древнему правилу подтверждено будет: духовному лицу, не бывшему брачным до принятия сана священного, не вступать в брак». Собор одобрил голос св. исповедника и предоставил брачным на их волю не касаться брачного сожития.

Как нелегко супругам совершать подвиг воздержания, предпринятый доброй волей их, видно по отзыву пресвитера, о котором рассказывает св. Григорий Беседователь. «Дожив до старых лет с супругой как с сестрой, он уже умирал. Сестра–супруга, подойдя к нему, дунула в ноздри его. Собравшись с силами, сказал он:"Отойди от меня, жена, огонь еще жив, отодвинь солому"».

Св. Мария Егисская

«Два старца шли из Егов в Таре, город киликийский, пишет Иоанн Мосх. — Придя по усмотрению Божию в гостиницу, расположились отдохнуть в ней. Было знойно. Здесь нашли они трех молодых людей, отправлявшихся из Егов вместе с блудницей. Старцы сели поодаль. Один из них, взяв из сумки св. Евангелие, начал читать. Блудница, бывшая с молодыми людьми, увидав, что старец читает, оставив их, подошла и села подле старца. Старец, обратись к ней, сказал:"Несчастная! Как ты бесстыдна! Ты не устыдилась подойти к нам и сесть". Она отвечала:"Нет, отец, не отвергай меня. Я полна грехами: но Владыка Бог не отвергнул приблизившейся к Нему блудницы". Старец сказал ей:"Та блудница после уже не была блудницей". Она отвечала ему:"Надеюсь на Сына Бога живого, что с этого часа и я не возвращусь к грехам моим". Оставив молодых людей и все, что имела, последовала она за старцами. Они отослали ее в монастырь, что близ Егов, называемый Нахиба. И я видел ее уже в старости, весьма благоразумно рассуждающей, и от нее самой это слышал. По другим известиям, она называлась Марией, и столько наконец возвысилась в духовной жизни, что творила чудеса».

Так как блаж. Иоанн видел Марию старицей в 606 г., то кончина ее последовала, вероятно, в 607 г.

Прибавим к этому рассказ того же Мосха о событии ликийском, современном деяниям Марии, тем более что оно, выражая необходимость твердой верности добрым намерениям, служит дополнением к истории Марии.

«Авва Николай, — пишет Мосх, — пресвитер Иорданского монастыря евнухов, рассказывал нам (Иоанну и Софронию), что в стране его (он был из Ликии) есть монастырь, в котором находится около сорока дев; в этом монастыре пять дев согласились между собой ночью бежать из монастыря и избрать себе мужей. В одну ночь, когда все монастырки спали, они хотели взять свои одежды и бежать, но вдруг все пять объяты были беснованием. Когда это случилось, они уже не ушли из монастыря и после благодарили Бога и, исповедуя грехи свои, говорили:"Благодарим милостивого Бога, наказавшего нас, чтобы не погибли наши души"».

Св. Феодора Кесарийская

Дочь аристократической фамилии, плод молитв благочестивой матери, блаженная Феодора с детства воспитывалась в кесарийском обители св. Лины. Отец ее был патриций Феофил, мать Феодора. Мать долго была бесплодной и часто молилась о разрешении неплодия ее; когда родилась дочь, мать дала обет посвятить ее Богу. В выполнение обета дочь воспитывалась в обители и полюбила уединение. У св. Василия, архипастыря Кесарийского, разрешен был вопрос: «С какого возраста надобно дозволять произносить обет о посвящении себя Богу?» Как видно, и в его время были строгие судьи делам благочестия и осуждали за принятие детей в обитель. Он пишет: «Поелику Господь говорит: *оставите детей приходить ко Мне* (Мк. 13, 14) и апостол похваляет *измлада изучившего Писание* (2 Тим. 3, 15), то всякое время, и время первого возраста, почитаем способным к принятию приходящих. Детей, у которых нет родителей, принимаем сами собою, из соревнования Иову (Иов. 29, 12) быть отцами сирот; которые же зависят от воли родителей и которых сами родители приводят, принимаем при многих свидетелях, чтобы не подать случая желающим найти случай, но заградить всякие неправедные уста, говорящие против нас хулу». Сказав, что принятым детям надобно давать особое помещение, продолжает: «Но молитвы, которые установлено совершать днем, должны быть общие, и для детей, и для старших, потому что у детей через соревнование старшим укореняется навык к сокрушенной молитве». Занятиями детей в келье должны быть обучение грамоте и обучение какому-нибудь ремеслу. «Когда раскроется разум и придет в действие рассудок, тогда должно принимать обет девства, как уже твердый, произносимый по собственному расположению и рассуждению при совершенной зрелости разума». Имп. Лев Исаврянин, первый иконоборец из императоров, не любил монашества. Он нашел себя вправе распорядиться юной Феодорой по своему усмотрению, вопреки обету матери ее и вопреки воле самой дочери. По его повелению юную Феодору насильно взяли из монастыря и доставили ко двору. Лев назначил для нее жениха — одного из молодых аристократов. Все приготовлено было к браку—и наряды и приданое. Тяжело, очень тяжело было невольной невесте.

Не можем не вспомнить недавнего «совета невесте»:

«Что делать, чтобы с миром, сколь можно, поладить?

Идти с упованием Божьим путем

И путь тот любовью и верой угладить.

Беды от разбойник, беды и от сродник

Апостол святой на себе испытал,

И тайну семейную Божий угодник

Нам собственным опытом ясно сказал.

Разбойники в свете, а сродники дома,

Как в мире духовном диавол и плоть.

И те и другие причина содома.

От тех и других храни вас Господь».

Св. невесту Феодору, горячо молившуюся, сохранил Господь. Неожиданно ворвались в империю неприятели. Жених послан был с войском и на сражении был убит. Когда получено было известие о том в столице, блаженная дева благодарила Господа за посланную ей свободу; дело произвола человеческого

рушилось, Феодора поспешила сесть на корабль и возвратилась в свою любимую обитель. Отдав брачные наряды и подарки в дар обители, приняла она монашество, надела на себя вериги и стала вести жизнь примерно–строгую. Пищей ей был кусок хлеба, и то раз в два–три дня; одежда — суровая власяница, постель — камни, покрытые ветошками. Если бы сказали, что насилие, употребленное Львом для удаления от иноческой жизни, возбудило жаркую ревность к иноческим подвигам в Феодоре, то сказали бы не полную правду. Энергия души раздражается препятствиями; но она же, когда душа не укрепляется благодатью, со временем, в покое, слабеет и пропадает.

Бдите и молитесь, да не внидите в напасти: дух бо бодр, плоть же немощна, говорит Господь. И с лучшими расположениями не спасемся мы без благодати Божией, так же как не спасемся, если, надеясь на благодать, сами живем праздно, без труда и подвигов. Горячность души сама по себе до того ненадежна, что, если увлекаются ею без рассуждения, может обратиться в холодность ко всему доброму; она только тогда бывает надежной, когда, освещаемая рассуждением, поддерживается понуждением себя к добру и усердной молитвой. *Духа не угашайте*, учил апостол. Блаж. Феодора, при высокой любви к чистоте девственной, молилась и подвизалась до гроба; молитвы низводили в душу ее благодать, и с благодатью совершала свои подвиги; она удаляла от души нечистое, оскорбляющее благодать. Блаженная кончина ее последовала не позже 755 года.

Св. Анна Вифинская

Отец блаженной Анны был диаконом Влахернской церкви и оставил дочь юной сиротой на руках бабки. Бабка нашла ей супруга, не спрашивая о ее желаниях, тогда как Анна не желала быть в супружестве. Быв замужем, ходила она к дяде своему на Олимп. Строгий подвижник, за исповедание Православия терпевший истязания, пожалел, что юная раба Божия отдана в услуги человеку. При императрице Ирине вызывали твердого исповедника в столицу, чтобы выслушать советы его. Это было, конечно, во время совещаний Вселенского Собора 787 г. об иконах. В это время он виделся с дорогой племянницей и сказал ей: «Будь тверда и мужественна, много скорбей для праведников; знай и то, что у тебя родится дитя, прежде чем умрет твой муж». Предсказание исполнилось.

По смерти мужа, воспитав дитя, блаженная поручила его родственнику, а с другим сиротой усердно молилась то в том, то в другом храме. Олимпийский подвижник снова виделся с нею. Она жаловалась на тяжесть жизни своей. «Не сказал ли я тебе, что много скорбей праведникам, — говорил прозорливый, — надобно терпеть, но дети твои скоро умрут». Исполнилось и это предсказание. Под влиянием такого осязаемого промышления Божия, по указаниям такого опытного и чудного наставника, душа Анны загорелась полной любовью к Господу.

Советники мирские, пожалуй, предлагали совет: почему не выйти вдове в другой раз замуж? Другие готовы были еще умнее советовать — жить, как случится жить. Но могут ли люди дать лучший совет, чем совет Апостола, вдохновенного Богом: *блаженнее, если останется так*, без другого мужа, говорит он вдове (1 Кор. 7, 40). Тратить силы для пустоты дознанной — умно ли? «Не умно избирать мирщину для той, которой обещали столько радостей п которая вместо радости испытала столько горестей». Не жить ли жизнью обезьянки? Сохрани Бог от того! Это не честь и для совести язычницы, тем более христианки. После земной жизни придется жить вечно: с чем же будем жить там? Для людей и земли жили, надобно пожить для души своей, которая дорога каждому; надобно пожить для Господа Творца и Спасителя нашего. Так думала умная Анна!

Раздав все, что имела, она ходила в храмы и молилась. Потом, встретив доброго инока–старца, приняла иночество. Копроним навел ужас лютостями против инокинь. Благочестивая Ирина старалась успокоить церковь: но мало надеялись на покой будущий, и такое расположение умов оправдалось событиями. С именем инока евнуха Евфимиана Анна скрылась в Вифинском монастыре. Здесь строгая жизнь нового инока была примером для других; евнух был самым усердным тружеником по послушаниям, суровым постником и пламенным молитвенником. Тарасий (784–815 гг.), услыхав о высокой жизни инока Евфимиана, вызвал его в столицу для бесед. Наставления крепкой души привлекали к пей многих; от множества желавших слушать ее оказалась тесной обитель, и Патриарх устроил новый монастырь. Евфимиан стал известен и по дару чудес; но это не защитило его от скорбей. Инок–проповедник народный легко подпал клевете. Ложный инок, оказавшийся впоследствии разбойником, совершив насилие над девушкой, разгласил, что грех сотворен Евфимианом. Евфимиан молчал. Боголюбивая жена, слушая клевету бесстыдного, сказала: «Смотри, брат, не оказался бы евнух, опорочиваемый тобой, святой девственницей, и не пострадать бы тебе за грехи свои». Бессовестный человек и после того делал пакости для святой души. Преподобная терпела, и уличенный злодей повешен был. Так как и известность имени нелегка была для святой, да и стали догадываться о ее поле, то, возвратись в Вифинию, проводила она остальные годы жизни в глубоком уединении. Созревшая для неба, преставилась 29 октября 826 г.

Св. Феоклета

Отчизна праведницы были в провинции Оптиматов, где были города: Никомидия, Еленополь, Пренет, Парфенополь. Родители ее были Константин и Анастасия, христиане искренние; с нежного возраста дочь воспитана была ими в благочестии. Сочетавшись с супругом Захарием, она уговорила его жить с нею как с сестрой. Так она никогда не знала удовольствий брачного ложа и осталась девственницей. Люди периклова века были образованны, очень образованны и в искусствах, и в философии, а гнусная гетера отнимала супруга у супруги и заражала болезнями дорогую юность. Только вера Христова не только защищает супружескую верность, но и обращает супругов в девственников чистых. Феоклета усердно занималась чтением душеполезных сочинений и особенно священных наставлений о жизни приличной женам. Она твердо заучила желание Апостола, предъявленное женам. *Желаю, писал он, чтобы жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9–10). Деньги, потраченные другими на наряды, она назначала для лучшего употребления. Средства свои, труды, силы посвящала она преимущественно на пользу ближних: каждый день так или иначе помогала она бедным. Родина ее доставляла ей много случаев к тому. Провинция Оптиматов (вельможей) называлась так в насмешку. Это была страна бедная; «жители ее, — говорит император Константин, — денщики офицеров и высших придворных чиновников, они же погонщики при походах войска, при бедности они грубы». В такой-то стране совершала подвиги милосердия св. Феоклета. «Стыдись, — говорил Квинтилиан, — склоняться пред бедным, а скорее отвращайся от него с презрением». Плавт писал: «Для чего ты даешь подаяние бедному? Твоя помощь только удлиняет страдания его. Он беден? Ну, пусть и пропадает с голоду». Вот как рассуждала философия языческая! Она то от гордости не уделяла бедняку и ласкового взгляда, то при недостатке самоотверженной любви отчаивалась в возможности успешно лечить раны бедного. Как неизмеримо высока пред тем любовь христианская! Оптиматы с их разнородными нуждами находят в ней неисчерпаемый родник утешений! Что нужно для того, чтобы подвиг сострадательной любви был вполне христианским, вполне угодным Господу и потому сильным благодатью? Нужно, чтобы совершался он в духе смирения, без поисков за славою человеческой и без самоуслаждения самолюбивого (Мф. 6, 2); нужно, чтобы совершался он веселой душой, с радостью (2 Кор. 9, 7; Рим. 12, 8; Мк. 12, 42); нужно, чтобы не ослабляли его ни неблагодарность человеческая, подчас и грубая, ни собственное желание покоя (Гал. 6, 9; Фес. 3, 13). Так подвизалась Феоклета. Она не утомлялась трудами служения другим, не оскорблялась непризнательностыо людской; каждому помогала с любовью и радостью; не дозволяла себе и тешиться своими делами, славя за все Господа и твердо помня о своей греховности. И вот она была неистощимым родником живительных утешений для несчастных оптиматов. Подвигами самоотверженной любви она настолько возвысилась в жизни духовной, что, когда приблизилось время кончины ее, пригласив знакомых, объявила о дне смерти своей и частных обстоятельствах ее будущих. По смерти ее мощи прославились множеством чудес, к утешению страждущих. Подвиги догробного милосердия ее совершались при императоре Феофиле, и потому кончину ее надобно отнести к 840 г.

VI. ПОДВИЖНИЦЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ЭЛЛАДЫ

Свв. Олимпиада, Кандида и Геласия

Дивная Олимпиада происходила из аристократической константинопольской фамилии и была очень богата. Отец ее был сенатор Анисий Секунд, а мать — дочь благочестивого Эвлавия, префекта претории при благоверном Константине. Она еще в детском возрасте лишилась родителей. Потому опека над ее имениями поручена была дяде ее Прокопию, а воспитанием ее занималась Феодосия, тетка св. Амфилохия и св. Григория Назианского, умная и добродетельная, которой поручена она была еще отцом.

Так как она была богата и учена, то руки ее искали многие, и еще юной обручена она была с Небридием, префектом столицы. Прекрасные стихи присланы были (в 384 г.) дивным святителем Григорием в подарок Олимпиаде, вступающей в брак. Но спустя 20 месяцев после обручения Небридий умер, Олимпиада осталась вдовой и вместе девой. Многие после того искали руки Олимпиады. Сам имп. Феодосий Великий предлагал ей выйти за Елпидия, молодого аристократа–испанца, родственника царского. Но она отклонила предложение. «Если бы Господь хотел, чтобы была я супругой, то не взял бы у меня Небридия», — отвечала она. Феодосий повторил свое предложение, но также услышал отказ. Император оскорбился и, отправляясь на войну с Максимом (388 г.), приказал префекту столицы взять в опеку имение ее до 30–летнего возраста ее. Префект, услуживая Елпидию, поступал оскорбительно с Олимпиадой: ей запретили посещать епископов, не пускали ее и в храм Божий, лишь бы вынудить ее к браку. Олимпиада переносила все благодушно. Она желала даже более стеснить себя. Она писала императору: «Государь! Ты оказал мне милость, которая достойна не только государя, но и епископа; опекой над имениями освобождена я от многих забот. Для большего счастья моего благоволи повелеть, чтобы роздано было все церквам и нищим. Издавна боюсь я наклонностей суетности, которые при раздаче имений так легко возникают. Временные блага, пожалуй, могли бы оторвать сердце мое от истинных благ, духовных и вечных». Феодосий жил тогда на Западе, и когда после трехгодичного отсутствия возвратился в столицу, возвратил (в 391 г.) в полное распоряжение ее все имения. «Такая добродетельная и умная девушка лучше нас умеет, как употреблять блага времени», — сказал государь.

Получив свободу по имениям, блаженная Олимпиада расточала средства свои на дела милосердия щедрой рукой. Не было города, ни деревни, ни пустыни, где бы не пользовались милостями знаменитой Олимпиады. Она доставляла приношения церквам, монастырям, кафедрам, странноприимным домам, темницам, местам ссылки. Не сосчитать тех невольников, которым она даровала свободу платой денег господам их. Св. Златоуст сравнивал милосердие ее с обильной рекой, которая несет воды свои до самых границ земли и обогащает море. И он же убеждал ее, а она смиренно слушалась, ограничивать щедрость свою, измерять ее не просьбами, а нуждами.

При богатстве своем Олимпиада вела жизнь смиренной рабы Божией. Воспитанная в пышности и неге, она отказалась от всех удовольствий света и вела жизнь простую. Никогда не вкушала она мяса, не принимала ванн, которые так нужны в жарком климате. Ночные бдения обратились ей в привычку, и время ее посвящалось преимущественно молитве. Обхождение ее с другими дышало христианской скромностью и искренностью. «Наружность ее открытая», нрав искренний, одежда даже одетым в лохмотья показалась бы ничего не стоящей; кротость ее была такова, что превосходила простоту самых детей, говорит очевидец. Св. Златоуст, утешая ее в скорбях, писал ей из заточения: «Ты от природы получила самое нежное и слабое тело; знатная порода доставила тебе все способы роскошно питать его, но ты разными страданиями так истощила его, что оно теперь ничем не лучше мертвого. Ты добровольно произвела в теле

твоем такой род болезней, что их не могут вылечить ни искусство врачей, ни сила лекарств… Тебя не одолевает страсть к плотским удовольствиям, и потому нет для тебя труда воздерживаться от них. Ты приучила свое тело столько принимать хлеба и питья, чтобы только не умереть. Скажу несколько слов вот об этой простоте и неизысканности, которую наблюдаешь касательно платья. Калсется, эта добродетель ниже других, но если внимательно рассмотреть ее, найдешь, что она весьма величественна, что она требует для себя души умной, стоящей всего житейского, парящей к небу. По сей причине не только в Новом, но и в Ветхом Завете Бог запрещал страсть к нарядам и говорил: *понеже вознесошася дщери Сиона и ходиша высокою выею и помизанием очей и ступанием ног, купно ризы влекущия по долу и ногами купно играющия, и смирит Господь началъныя дщери Сиона… И будет вместо вони смрад, а вместо пояса ужем препояшешися* (Ис. 3, 16–23)… Павел, обращая речь к светским женщинам, не только отклоняет их от нарядов золотых, но не дозволяет одеваться и в ценные одежды (1 Тим. 2, 9). Ибо знал он, знал хорошо, что щегольство — тяжкая болезнь души; болезнь, с которой трудно бороться, — самый верный признак испорченного сердца».

Еще св. Нектарий, Патриарх Константинопольский, посвятил св. Олимпиаду в диакониссы. В чем состояли занятия Олимпиады как диакониссы?

Первая забота — смотрение за страждущими и несчастными женами. «С рассветом дня можно видеть: многие старушки и вдовы толпятся около темницы; даже знаменитые из них прислуживают заключенной и всю ночь проводят при ней; приносятся вкусные угощения и читаются священные книги им», — так писал язычник о христианских диакониссах.

Диакониссы обучали женский пол закону Божию, особенно во время приготовления к крещению. Карфагенский IV Собор постановил: «Вдовицы или посвященные, избираемые в служение при крещении жен, должны быть столько приготовлены к должности, чтобы могли обучать простых сельских женщин ясными и церковными правилами, как отвечать крещаемой и как жить после крещения».

Диакониссы услуживали женщинам при совершении над ними таинств, при крещении, при причащении, при исповеди, при браке; они наблюдали за благочинием жен в доме молитвы, украшали храмы и смотрели за их чистотой.

Служение таинствам и сестрам было приятным занятием для Олимпиады. Очевидец жизни ее писал: «Она питала священство, уважала клир, помогала вдовым, кормила сирот, посещала больных, плакала с грешниками, возвращала заблудших на путь добра, многих жен, бывших за язычниками, наставляла в вере и давала им средства к пропитанию».

Добродетели Олимпиады были предметом удивления и утешения для целой церкви. Знаменитые святители того времени говорили о ней с глубоким уважением. Св. Амфилохий, св. Епифаний, св. Петр Севастийский, св. Оптат–епископ пользовались щедрой ее благотворительностью и славили за нее Господа. Она своими руками закрыла глаза умиравшим П. Нектарию и епископу Оптату. Она благотворила и тем архипастырям, которые не отличались высокой нравственностью, каковы Акакий, Антиох, Севериан; она чтила высокий сан их.

Буря бед поднялась на св. Олимпиаду с того времени, как начались гонения на Златоуста. Первый враг Златоуста, Феофил Александрийский, был первым врагом и блаж. Олимпиады. Она с любовью принимала его в доме своем, когда был он в столице, угощала и дарила его. Когда же приняла она, как принимала всех иноков и страждущих, великих братьев, выгнанных из Египта гордостью Феофила, Феофил начал позорить ее гнусными клеветами. Злость императрицы, преследовавшая Златоуста, бесновалась и против Олимпиады, уважавшей Златоуста и уважаемой в свете и Церкви. Особенно, когда пожар опустошил Софийский храм и сенат, злоба врагов Златоуста обрушилась на защищавших Златоуста. Говорили, что пожар — их дело. Префект Оптат, язычник, взял Олимпиаду к допросу. «Для чего поднят этот пожар?» —

спрашивал он ее. «Моя жизнь, какую доселе вела я, — отвечала Олимпиада, — освобождает меня от подозрения, высказываемого тобой. Кто столько денег раздал для построения храмов, конечно, не в состоянии жечь их». Префект присудил невинной: на покрытие ущербов казны внести соразмерную (огромную) сумму денег. Отягченная скорбями, Олимпиада впала в болезнь, которая томила ее всю зиму. В начале весны приказано ей было оставить столицу. Долгое время скиталась она из одного места в другое, не зная, где приклонить голову. В середине осени 405 г. приказано ей было возвратиться в столицу. Ее и теперь обвиняли за то, что будто производит она раздор в церкви. Не могла она не считать невинно изгнанным Златоуста, и страдания великого святителя причиняли душе ее глубокое страдание. Но тем более чтила она заповедь его и не отделялась от церкви, по его завещанию. «Со всяким благочестием покорялась она своим епископам, — говорит современник и прибавляет: Никто из близких к ней никогда не замечал, чтобы эта христоносная порицала кого‑нибудь». Много раз призывали ее к суду, бесстыдные слуги позорили ее, рвали на ней платье. Одни имения ее продавались с публичного торга, другие разоряемы были чернью, за третьи таскали ее по судам. Собственные слуги ее, которым благотворила она как мать, восставали против нее по наущению врагов. Сильно страдала душа ее. Св. Златоуст писал ей: «Перестань плакать, перестань мучить себя печалью; не смотри на эти несчастья, которые идут к тебе непрестанно, идут одно за другим без промежутка; помышляй о свободе, которая так близка, близка; помышляй о неизреченных наградах, которые принесут тебе твои несчастья… Что значит быть выброшенным из отечества, быть переводимым с места на место, быть пленником, везде быть гонимым, жить в ссылке, влачиться по судам, получать оскорбления от людей, получавших тысячи благодеяний, подвергаться мучениям и от рабов и от свободных, — что все это значит, когда за все это награда — целое небо».

«Многих других жен научила она», — пишет Геракл ид о св. Олимпиаде, и св. Златоуст писал самой Олимпиаде: «Особенно приятно мне, что ты, освободившись от тяжб и поручений, положила им конец, достойный тебя. Ты не отвергла их малодушно, не задержала понапрасну, не унизила себя в судах и неприятностях, соединенных с тяжбой». Как слова Гераклида, так слова Златоуста дают видеть, что в последние годы свои блаж. Олимпиада была настоятельницей сестер монахинь. Прерыванием связей с миром блаженная хотела оградить себя от дрязг суда, как и от обвинений, сыпавшихся на нее без разбора, будто она, первая диаконисса, — причина того, что многие не хотят знать нового Патриарха. Мир не любит винить себя в чем‑либо; он всегда прав в его глазах, а виноваты только другие: слепой от страстей, он не видит ни себя, ни других. Потому злость мира преследовала Олимпиаду и в ее уединении. При Аттике община сестер Олимпиады выслана была из столицы в заточение в Кизик. Св. Златоуст писал тогда к Олимпиаде: «Как славна добродетель, презирающая все перевороты настоящей жизни! Через старающихся унизить ее она делает подвижников своих сильнее, выше, непобедимее… Вот чем, боголюбезнейшая госпожа моя, должна ты веселить себя и тех, которые вместе с тобой борются в нынешней славной борьбе! Вот чем одобряй мысли и дух всех (девственниц), настраивая свою дружину».

Святая девственица Олимпиада осталась в заточении до самой своей кончины, которая последовала в 410 г. «Лучшие жители Константинополя, — писал Палладий в 420 г., — считают ее в числе исповедниц и уверены, что она, страдавшая за истину и за Бога, наследовала блаженную жизнь.

Святое тело ее, положенное в храме безвестного местечка, совершало чудеса. Спустя 200 лет дикари сожгли храм, но тело святой осталось невредимым. Когда его переносили в Константинополь, из него текла кровь, как из живого, в знак невинного страдания, перенесенного в земной жизни. Мощи положены были в обители, основанной святой.

«По следам Олимпиады, — говорит Палладий, — благоугодно проводила жизнь блаженная Кандида, дочь полководца Траяна. Она достигла высокой чистоты, разумно украшала церкви, по благоговению к тайнам Христовым чтила епископов и уважала весь клир. Обучив дочь свою правилам девственной жизни,

отдала ее Христу, как дар сердца своего. Потом и сама она, раздав имение свое, последовала за дочерью и проводила жизнь в чистоте. и целомудрии. Для изнурения плоти трудилась она по целым ночам, молола своими руками муку и пекла просфоры."Так как один пост недостаточен, — говорила она, — то я присоединяю к нему изнурительное бдение, чтобы сокрушить похотливость Исава". Она вовсе не употребляла в пищу мяса животных, а ела только рыбу, масло и овощи, да и это лишь по праздникам; во всякое другое время довольствовалась водой, смешанной с уксусом и сухим хлебом. Проведя такую суровую жизнь, эта достославная жена почила блаженным сном и теперь наслаждается вечными благами, уготованными для возлюбивших жизнь добродетельную».

Подобно сей благочестивой жене, с ревностью проходила путь правды и благочестиво несла иго девства славная Геласия, дочь трибуна. В этой чудной деве особенная была добродетель та, что солнце никогда не заходило в гневе ее на раба, или на служанку, или на кого другого (Еф. 4, 26). Геласия боялась помнить об обиде или неприятности, нанесенных другим. «*Прощайте, и прощены будете* (Лк. 6, 37) такова воля Божия», — говорила она себе. Не любя ближнего, нельзя возлюбить Господа, а в том нет любви, кто сердится на другого, кто не прощает его за все. Гнев — дело испорченной души (Ин. 5, 20). Гнев — беснование (Притч. 27, 4). Гнев покоится в сердце глупца (Екк. 7, 10). К несчастью, ничей гнев так не безобразен, как гнев жены (Сир. 27, 33). Дальше, дальше от него, то ли дело — детское незлобие: оно так приятно Господу. Он сказал нам: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18, 3–4). Таким путем, путем детского незлобия, блаженная вошла в жизнь блаженную.

Св. Пульхерия–царевна

Пульхерия была дочерью императора Аркадия. Брату ее Феодосию было 8 лет, когда (в 408 г.) объявлен он был императором; опекуном его был Анфимий, умный и добродетельный вельможа. Пульхерия была только двумя годами старше брата, но она далеко превосходила его дарованиями ума и твердостью доброй воли; с молодых лет она искренно любила благочестие; при всей незрелости лет, она была наставницей брата, старалась передать ему лучшие правила жизни. Прекрасно владея языками греческим и латинским, имела она обширные познания — исторические, философские, богословские. В 414 г. объявлена она была Августой, соправительницей императору. Империя восточная была обширна, а дела ее не были в порядке. Потому�то умный и добрый Анфимий признал нужным, дабы такая сестра, какова была Пульхерия, была соправительницей брату. И она дала направление делам лучшее. Недостаток опытности в управлении Пульхерия восполняла зоркостью ума своего и желаниями добра. Брату своему всего более старалась внушить, что без веры, без благочестия лучшие дарования бесполезны, и политика без веры не. умная, вредная политика. Так она направляла и дела империи. Она не решала дел без молитв и советов с людьми добросовестными. Внутренние волнения империи — дела страстей людских — были успокоены; с соседними державами поддержан или восстановлен мир, сбор податей приведен в порядок; армия и флот поставлены в хорошее состояние. Наукам даны способы для их успехов. Империя была счастлива, как не была она счастливой при Аркадии.

Пульхерия была воспитательницей и двух младших сестер своих, Аркадии и Марины; она оставалась при них безотлучно, если только ее не отвлекали дела управления. Она назначала им и предметы занятия и давала направление их мыслям и чувствам. Красота — обман и пригожество — суета; жена, имеющая страх Господень, она достойна всякой хвалы, говорил боговдохновенный мудрец (Притч. 31, 30). Уроки его твердо изучала для себя и сестер Пульхерия. Ею дан был обет пред Богом — остаться девственницей до гроба. И этот обет запечатлела она памятником: в соборном храме поставлен был престол, устроенный из золота и драгоценных камней, с надписью «Обет девства». Она имела утешение видеть, что и сестры ее также решились посвятить себя на служение Богу. Дворец императорский был при ней истинно христианским домом, чем он уже давно не был: ни роскоши, ни праздности, ни рассеянию тут не было места. Пульхерия совершала с сестрами подвиги покаяния и молитвы. В комнаты их не вступала нога мужчины. Соправительница принимала просителей и министров не иначе как в определенное время и публично. Все это имело последствия полезные и для быта империи, обеты царевен преграждали путь интригам придворной жажды честей и власти. Считая тело свое храмом Распятого Господа, она усмиряла в нем нечистые движения строгим постом и трудом.

Когда брат Феодосий достиг полного возраста, 20–ти лет, Пульхерия озаботилась приискать ему невесту. Выбор ее пал на Афенаиду, дочь афинского философа. Афенаида явилась к Августу с просьбой возвратить ей имение отца ее, отобранное неправдами людскими. При разговоре оказалось, что Афенаида была прекрасно образованна и умна. По сведениям сторонним, оказалось то же. Афенаида объявлена была невестой императора. Это должно было изумить многих и иных оскорбить: выбор пал не на аристократку. Пульхерия желала одного добра. Так как Афенаида была еще язычницей, то она была крещена и названа Евдокией. Брак был совершен 7 июня 421 года. Спустя два года Евдокия объявлена была Августой. Пульхерия оставалась по–прежнему соправительницей, но старалась давать вид, что император — один в империи. Повеления шли в империю от имени Феодосия, дела решались от его же имени. Умная Пульхерия дала в это время памятный урок брату своему. Феодосий, добродушный и доверчивый, стал было подписывать дела, не читая их и даже не всегда спрашивая, об их содержании. Вельможи, пользуясь этой доверчивостью, дозволяли себе и грабить казну, и теснить невинных. Пульхерия,

не теряя слов напрасных, поднесла императору доклад. Феодосий, не спросив о содержании, подписал и отдал бумагу сестре. Затем Пульхерия зовет к себе Евдокию и, занимаясь с ней разговорами, удерживает ее у себя весь день. Вечером зовут Евдокию к царю. Пульхерия не отпустила. Приходят в другой раз. Пульхерия с улыбкой сказала: «Доложите царю, что Евдокия — моя собственность, по его воле». Явясь затем к брату, она подала ему подписанную им грамоту. Тот прочитал, и Пульхерия кротко сказала: «Видишь ли, государь, как опасно не читая подписывать бумаги! Ты, по доброте своей, не думаешь, чтобы могли обманывать тебя. Но на земле не Ангелы, а люди всякого сорта. Ты — отец отечества. Берегись, чтобы не пострадало от тебя отечество». Феодосий, пораженный стыдом, дал слово быть осторожным.

По убеждению благочестивой Пульхерии, Феодосий отправил в Иерусалим много денег для раздачи бедным и золотой крест с дорогими каменьями для водружения его на лобном месте. Признательный архиепископ послал царю правую руку архидиакона Стефана. Когда мощи были в Халкидоне, Первомученик является во сне Пульхерии и говорит: «Вот, молитва твоя услышана, и я уже в Халкидоне». Царевна и царь вышли навстречу мощам, и Пульхерия построила в столице великолепный храм Первомученику, где и положены были мощи его.

Сколько Патриарх Несторий ни был силен связями своими с вельможами империи, как ни ловко действовал он для своей пользы, в 431 году составился в Ефесе Вселенский Собор; долго длился Собор по интригам защитников Нестория; Феодосий вовлекаем был в распоряжения несправедливые: но учение Нестория осуждено было как ересь, и Несторий сослан в заточение. Защитой Православия служила благочестивая и умная Пульхерия.

Блаженная отдала почесть великому святителю Златоусту: мощи его (в 438 г.) перенесены были из заточения и торжественно положены были в столице, в храме Апостолов.

В следующем году землетрясение долго держало в ужасе столицу. За 20 дней до Пасхи совершали общественное моление: царь, царевна и Патриарх шли пешие по городу. Пением ангельской песни «Святый Боже» прекращено бедствие, и песнь введена в общественное и частное Богослужение.

В 444 году Пульхерия похоронила сестру свою Аркадию, сохранившую, по ее убеждению, девство до гроба.

При дворе место Анфима занял евнух Хризаф, которого все достоинство состояло в том, что, великан телом, был довольно способный полководец, иначе — это был человек без всяких правил и жадный до денег. Пульхерия останавливала Хризафа в его дурных делах. Хризаф возбудил в Евдокии зависть к власти Пульхерии. Евдокия и Хризаф стали действовать заодно против Пульхерии. Феодосий, добрый, но слабый и недальновидный, сперва не принимал участия в их плане, но потом был вовлечен в него. Он потребовал, чтобы Константинопольский Патриарх Флавиан посвятил Пульхерию в диакониссы. Святитель объявил, что он не может посвящать никого против его воли, да и счастье империи требует совсем другого. Император упорно настаивал на своем требовании. Св. Флавиан отвечал, что он явится ко двору в другое время. Он поспешил дать знать Пульхерии о злостных замыслах врагов ее. Она решилась удалиться в уединение и в 447 году удалилась от двора. В империи и в церкви по воле Хризафа начались дела одни других страшнее. Против Флавиана поднято гонение. Евтихий–еретик стал любимцем двора. Диодор и евтихиане стали производить злодейские насилия. На Ефесском Соборе 449 г. Флавиан был удавлен. Ересь Евтихия явилась под защитой императора. Хризаф злодействовал в империи, грабил и убивал.

Блаженная Пульхерия благодарила Бога за свою уединенную жизнь. Она не хотела и думать ни о неблагодарности Евдокии, которая всем ей должна, ни о непризнательности слабого брата, а еще менее думала о низком Хризафе. Она хотела забыть все и быть забытой всеми, занималась только молитвой, чтением книг, полезных для души, и подвигами покаяния.

Между тем бедствия увеличивались со дня на день. В разных частях империи поднимались волнения

народа. Пульхерия видела это с глубокой скорбью. Ей тяжело было, что добрый брат ее завлечен в участие дел страшных. Она решилась попытаться помочь империи и церкви.

Явясь ко двору, просила она у императора дозволения видеться с ним. Ей не отказали. Тогда открыла она- глаза брату на состояние дел. Он с ужасом увидел бездну, на краю которой поставили его. Хризаф сослан был на остров и там по суду наказан смертью за свои злодейства. Евдокия, чувствуя свои грехи, с дозволения императора, отправилась на поклонение в Иерусалим. Пульхерия снова приняла участие в управлении империей. В 449 г. умерла девой сестра Пульхерии Марина, а в следующем году скончался император Феодосий.

Пульхерия осталась одна правительницей империи. Она не хотела думать, что в состоянии одна управлять империей. Она решилась найти способного императора. Выбор ее пал на полководца Маркиана: он был опытный правитель, любил чистую веру Христову и искренно любил все доброе. Он был вдовец: дочь первого брака его, Евфимия, была супругой Анфимия, впоследствии западного императора. Когда Пульхерия избрала Маркиана в императоры, то объявила ему условие: «Я избираю тебя из всего сената, как достойнейшего; но дай мне слово — уважать девство мое, которое обещала я Богу». Маркиан принял и исполнял условие. Маркиан и Пульхерия жили как брат и сестра, в чистоте целомудрия.

В 451 г. созван был Вселенский Собор в Халкидоне. На Соборе осуждено было евтихианство и постановлены были правила, между прочим, о девах, посвятивших себя Господу, о диаконах и о смешанных браках. Отцы Собора не раз, в продолжение деяний своих, провозглашали Пульхерию защитницей правоверия и славой церквей. В империи с радостью приняты были решения Собора. Только в Египте и Палестине упорные евтихиане произвели беспорядок. Пульхерия писала два послания в Палестину, с подробным оправданием решений Собора и с объяснением того, что Собор вовсе не думал принимать сторону Нестория.

Блаженная императрица основала много благодетельных заведений в столице, больницы и странноприимные дома. Ею построены были три знаменитые храма Богоматери: Влахернский, Одигитрии и Халкопратийский. Икона Богоматери, писанная Евангелистом Лукой, доставлена была из Палестины еще императрицей Евдокией. Теперь эта икона поставлена была в храме Одигитрии. Современный историк говорит: «С каким усердием исполняла Пульхерия дела благочестия, сколько выстроила великолепных храмов, сколько возвела домов для бедных и странных, также монашеских обителей, назначив для содержания этих заведений постоянную сумму денег, а для живущих в них известное количество хлеба. Перечислять все это было бы долго». Занятия делами империи не препятствовали ей заниматься делами благочестия, молитвой, чтением, посещением бедных и больных: последним прислуживала она своими руками. Благочестие царицы награждено было откровениями небесными. Три раза являлся ей св. мученик Фирс и объявлял ей о мощах 40 мучеников Севастийских, скрытых в земле; мученик объявлял волю свою, чтобы мощи присоединены были к его мощам, в его храме. Являлись ей и 7 мучеников, облаченные в светлые одежды. По исследованию точному оказалось, что, действительно, македонянами сокрыты были в указанном месте мощи мучеников. Мощи найдены и с торжеством положены были в храм св. Фирса.

Перед кончиной своей Пульхерия завещала, дабы все ее имущество обращено было в пользу бедных. Маркиан выполнил завещание во всей точности. Она почила 10 сентября 453 г., на 55 году своей жизни.

Память ее установлено праздновать еще при императоре Льве Великом (457–473).

Свв. Домника и Мавра

Добрые девы знаменитого рода прибыли еще язычницами в Константинополь из Карфагена, при Нектарии (+ 397 г.); с ними пришли еще три девушки–язычницы, служанки их. Пламенное желание их было принять христианство, с тем чтобы жить по правилам чистой небесной веры. Нектарий имел о них особенное извещение небесное. Потому не только совершил над ними крещение, но Домнику и Мавру посвятил в диаконисcы, а император Феодосии подарил им земли за чертой города. Домника основала монастырь в честь пр. Захарии, а Мавра построила обитель с храмом в честь мученицы Мавры. К той и другой собралось много девственниц, и преимущественно их единоплеменниц, из африканского Карфагена, бывшего тогда во власти Греческой империи. Император Феодосий обращал власть свою на ослабление язычества в дальних углах империи, и обители Домники и Мавры были училищами для юных христианок.

Блаженная Домника с пламенной ревностью предалась подвигам христианским; не щадя грешного тела своего, изнуряла себя постами и трудом, мужественно боролась с природой испорченной, чтобы творить волю Божию полной душой. «Сердечное желание являющи слезами, умилением славная землю омочила еси и власы отерла еси Христово подножие. Уклонилася еси милования плотского. Украшена была еси добродетельми». Твердыми и долгими подвигами взошла она на дивную степень духовного совершенства. По милосердию Божию исцеляла она больных. Являла силу над стихиями, прорекала будущее, чем обращала к заботам о вечности и беззаботных жителей веселой столицы. «Обогащенная даром пророчества, предсказывала об императорах, Патриархах и о многом другом». «Плаватели в мори обуреваемыя, — поет Церковь, — спасла еси, елей со благословением пустивши в море, и преложивши в тишину обуревание». «Явилась ты потоком исцелений, погашающим огонь страстей и подающим исцеление спасительное, Богоименная невеста Божия». Святая жизнь Домники была очень продолжительна: она дожила до времени императора Льва II (+ 474 г.). Ей известен был наперед и день смерти ее. «По вседетельному мановению Божию предвидев разрешение тела своего, чистою душой возносила она благодарную песнь Виновнику всего и предала чистый дух свой Богу».

Блаженная Мавра предварила кончину ее переселением в счастливую для нее вечность. Обитель ее прославилась впоследствии тем, что поднимала против себя самую позорную лютость Копронима. Свирепый против иночества, он обращал обитель св. Мавры в место самых гнусных оргий, храм мученицы сравнял с землей, инокинь, не успевших скрыться, отдавал насилиям мерзавцев слуг своих, и место чистых молитв было у него бойней людей. Само по себе понятно, что обитель после того была восстановлена как памятник мученичества чистых душ.

Преп. Матрона

Дочь благочестивых родителей, живших в Пергии, выдана была, не по ее желанию, замуж за дворянина. Муж перешел на службу в столицу. Молодая жена, познакомившись с одной подвижницей, загорелась желанием как можно чаще посещать общественное богослужение и помещения его. Муж не только препятствовал ей в том выговорами и подозрениями обидными, но часто бил ее. Десять лет прожила она с таким мужем. Измученная душевными страданиями, при неутоляемой, а усиливаемой жажде жить для Господа, она, в одежде евнуха, скрылась в мужском монастыре блаженного Вассияна, у которого было до 300 братий.

С именем Вавилы постриженная в иночество, усердно и покойно работала она Господу. Так прошло несколько лет.

В обители дознались, что евнух Вавила — жена. Преп. Вассиян строго обличал Матрону перед братией. «Ты наводишь беды на нашу обитель», — говорил ей настоятель и выгнал ее из обители.

Положение Матроны было печальное. Преподобный видел пламенное рвение ее служить Господу, видел и препятствия тому. Чтобы успокоить ее, что было делать? Апостол писал: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5). По этому правилу жена и муж, по взаимному согласию, могут на время оставлять общее ложе, могут оба дать обет чистоты и подвизаться в монашеской жизни; но если муж не согласен вести чистую жизнь, жена, хотя бы и хотела, не должна давать обет чистоты. Св. Василий Вел. писал: «Аще (жена отступила от мужа) потому, яко биена была и не стерпела ударов: то подобаше паче претерпевати, нежели разлучатися». Так рассуждал и св. Златоуст, но он еще указал на возможный случай: «Если, — говорил он, — муж вынуждает жену отступить от чистой веры, то для сохранения важнейшего долга совести жена пусть оставит такого мужа». По наставлению Спасителя (Лк. 16, 18), прелюбодеяние мужа дает жене право оставлять преступного мужа. Каков был муж Матроны? Нарушал ли он верность жене и св. вере? Не видно из жития Матроны. Но по отношению его

к жене–монахине видно, что это был человек, пропитанный языческими мыслями о безграничных правах мужа над женой. После того как жена его стала монахиней, он по гражданскому закону имел право взять себе другую и жить спокойно. Но он, как язычник, убежден, что он, муж, по сотне причин может прогнать от себя жену, а жена ни по какой причине не имеет права оставить мужа. Он гоняется за Матроной–монахиней и в столице, и в Эмесе, и в Палестине. Языческие убеждения о правах мужа над женой тогда еще были в силе; они обнаруживались и в жизни, и в законах империи. Пример жены–страдалицы, страдавшей от языческого права мужа над женой, видим во время св. Матроны в другом лице. На безлюдном острове найдена была иеромонахом жена с сыном. По ее рассказу, воспитанная сиротой в доме добродетельного вельможи, она по желаниям его стала супругой сына его. Отец скоро умер. Родные молодого аристократа не давали ему покоя; каждый день твердили ему: зачем он не берет за себя жены благородной и богатой? Зачем держит при себе ту, которая бесчестит собою род его? Чтобы избавить доброго супруга от тяжелого положения его, молодая жена тайно оставила дом его и скрылась на острове для подвигов отшельницы. Здесь, спустя 8 месяцев, родился сын, и она 30 лет прожила в подвигах сурового самоотречения, пока Господь не послал к ней иеромонаха для окрещения сына ее. Особенность в состоянии Матроны была та, что она уже дала обет иночества. На совете старшей братии обители Вассияновой решили не возвращать Матрону в мир, а укрыть ее в женской обители.

При содействии прп. Вассияна, Матрона принята была в Эмесский женский монастырь. Тут подвизалась она со всей твердостью. Преследуемая мужем, посещала она Иерусалим и Синай — места

святых, дорогие для благочестивой души, но ни там, ни здесь Матрона не могла оставаться долго. Как тяжела эта жизнь бесприютная! Ведь блаж. Матрона — не то что какая-нибудь личность, при шумных заявлениях о своей гениальности осязаемо уменьшающая собой капитал сил общества. Матрона благочестивой жизнью своей успела привести нескольких язычниц к св. вере.

Муж умер, к покою блаженной, и Матрона возвратилась в Константинополь слушать наставления пр. Вассияна. Он вызвал к ней и эмесских сестер ее. Супруга имп. Льва Великого (457–473 гг.), узнав о высокой ее жизни, посещала ее. Матрона, хотя жила очень бедно, ничего не просила у императрицы, а только говорила о душевном спасении. Удивленная тем императрица еще более стала уважать подвижницу. Исцелив вдову эпарха, преподобная получила от нее средства для построения монастыря, тогда как дотоле жила она с сестрами в кельях очень тесных и притом наемных. К великой подвижнице многие из мирян приходили за советами. «О, если бы люди, — говорила она, — столько заботились о добродетели, сколько они, во вред себе, заботливы о пустоте! Пусть бы эта страсть к зрелищам и вредным веселостям, пусть бы женская наша страсть к нарядам, страсть нравиться мужчине заменены были ревностью к благочестию: какие были бы успехи в духовной жизни!» В столице тогда еще мало было женских общин молитвы, а много было разврата, тяжелого для душ, сколько-нибудь понимающих себя. Наставления св. подвижницы, сильные искренностью и опытностью, влекли к ней многих. Измученные жизнью мирской находили у нее отдых, больные — здоровье. Обитель ее стала весьма многолюдной. Под ее руководством воспиталось много чистых дев для неба. Св. Иосиф поет ей: «Для пользы многих воздвигла ты священное жилище, будучи сама храмом Духа по чистоте душевной. Путеводила ты по подвигам поста спасительного и привела их целыми к Владыке, как брачное вено. С ними чтем тебя искренно, Матрона».

Но вот еще настало бурное время. Хищник престола Василиск выдает (в 476 г.) указ против Халкидонского Собора. В 480 г. Царьград поражен был страшным землетрясением. Император Зенон думал эдиктом своим (482 г.) примирить православных с еретиками–монофизитами; эдикт его диктован в духе индефферентизма (безразличия в вере), столько ненадежного ни для земли, ни для неба. На Западе произнесено было решительное, осуждение мирной грамоты. Император Анастасий с 491 г. поднял жестокое гонение против не принимавших этой грамоты. «В особенности понуждаемы были к мирному соглашению монастыри Вассияна, Неусыпающих и Матроны, которые наиболее отделились от принявших примирительную грамоту Зенона и со всей твердостью переносили гонение. Преподобная Матрона, прекратившая всякое общение с инокинями своими, принявшими мирную грамоту Зенона, совершила много чудес, когда принуждал ее к тому диакон великой церкви Хризавий». Встретив непреклонную твердость, оставили преподобную, как и других иноков, в покое. Так соединилась она со своими духовными детьми перед своей кончиной. «Отроковицы, — поет св. Иосиф, — покоряющиеся твоему учению, возлюбили Жениха Господа. Побеждая силой духа телесную слабость, укротили ревностью страсти; вместе с тобой, Матрона, введены они в чертог небесный, священный, и всегда веселятся».

Преподобная прожила в иночестве всего до 75 лет и почила 100 лет, в 492 г. ноября 9 дня.

Св. Елисавета

Еще в юных летах отданная в Цареградскую обитель чистых дев, блаженная Елисавета, дав обеты девства в зрелом возрасте, с пламенной ревностью выполняла их — проводила жизнь в посте, трудах и молитвах. Зимой и летом одна была на ней одежда — грубая власяница; тело ее коченело от холода, но душа горела любовью ко Господу. Какое, скажут, насилие природы! Да, насилие, но законное. Что прикажете делать, когда природа дурна и ее нельзя иначе приблизить к нормальному состоянию, как насилием? Иначе не желаете ли попасть в ад? Если желаете, попадете. Благочестивый император Иустин (518–527 гг.) и супруга его София, положив мощи св. мучеников Козмы и Дамиана в храме, щедро построенном, открыли тут женскую обитель. В этой?то обители настоятельницей была блаженная Елисавета.

Борьба преподобной с собою не ослабевала до гроба. Она питалась только растениями, не вкушая хлеба; даже масла не прибавляла она к суровой пище. Пост ее по временам продолжался до 40 дней. Три года во время молитвы не возводила она очей на небо, по примеру смиренного мытаря. Тела своего не мыла она всю жизнь. Так смиряла она и сладострастное тело, и гордость духа подвигами переменными.

Вместе с тем она ревностно заботилась о спасении сестер ее о Господе. Опытная подвижница, хорошо узнавшая сердце женское, внушала сестрам и женам особенно остерегаться лживого лукавства и злоязычия, как грехов очень частых между женщинами. «Мы слабы и телесной силой, и умом», — так рассуждала она. Премудрый говорит: *человека* (умного мужчину) *я нашел одного из тысячи, а женщины* (умной) *из всех их* (из тысячи) *не нашел ни одной* (Екк. 7, 28). В укоризну говорит пророк об Израиле: Дети — вожди народа моего, женщины господствуют над ним (Ис. 3, 12; 19, 16). И при такой?то слабости мы думаем быть сильными то хитростью, то языком злым. Но хитрость наша, как неразлучная с ложью, ставит нас прямо под влияние сатаны. Он — отец лжи и отважно действует там, где любят ложь. Кто, изворачиваясь во лжи, думает, что выказывает тем ум и силу, тот ошибается до жалости — он послушное орудие сатаны, отец лжи. Отец тьмы наводит на такую душу тьму, она не сознает грехов своих, не видит своей опасной низости и остается в бесчувствии. Говорливость женская тем более грешна, что, при недостатке рассудительности и при раздражительности сердца, расточаем мы всего чаще пустоту, ложь, клевету, легкомыслие, вредное для себя и других. *Сердце праведного подумав отвечает, а уста беззаконных рекой льют худое*, — говорит мудрый (Притч. 15, 28). Что обнаруживает собой болтливое злоязычие? Злость гордости, беснующейся от сознания своей слабости. В бедности женщина по зависти чернит других; богатая унижает других по гордости. Сколько бед, сколько страданий выходит от того для людей! Как все это пагубно для бессмертной души! Любите друг друга, а не злобствуйте, сказано нам. Блаженная игуменья полна была любовью к другим. У нее готова была помощь для бедных и вдов; обиженных защищала она от обижающих перед начальством их, призирала и воспитывала сироток.

Хотя внешний наш человек тлеет, но внутренний со дня на день обновляется, учит апостол (2 Кор. 4, 16). *Любящих Меня Я люблю, и усердно ищущие Меня найдут Меня*, — говорит Господь (Прит. 8, 17). Очищенная долгими скорбями подвижничества, преп. Елисавета была сосудом Св. Духа.

В ночных молитвах осиявалась она светом небесным. В земной жизни называлась она и была чудотворицей: по молитве ее издох змей и исцелилась кровоточивая жена.

Русские поклонники святыни: Стефан–новгородец в 1350 г. и иеродиакон Зосима в 1420 г. — поклонялись мощам преподобной Елисаветы в константинопольском монастыре свв. Козмы и Дамиана.

Свв. Евстолия и Сопатра

Блаженная Евстолия, дочь благочестивых родителей, с нежного возраста посвятила себя посту и молитве. Горя любовью к Господу, при имп. Маврикии (582–602 гг.) оставила она Рим и пришла в Константинополь.

Лучшие люди Запада чувствовали и тогда нужду как можно ближе и как можно чаще знакомиться с Востоком, чувствовали, что уже и тогда христианская жизнь была слаба на Западе и выставляла собой много печального. Да и как было не чувствовать, когда еще св. Амвросий, Иероним и Августин должны были бороться с Иовинианом и ему подобными, которые осыпали бранью лучшую христианскую жизнь и жарко хвалили жизнь, заботливую об одних интересах земных?

Св. Григорий Беседователь, который так много боролся с гордостью современного Запада для того, чтобы ввести восточное богослужение на Западе, вот что пишет о своих тетках, современницах св. Евстолии:

«У отца моего были три сестры: Фарсилла, Гордиана и Емилиана; все три они дали обет девства в один и тот же день, с одинаковой горячностью души, и жили вместе. Фарсилла и Емилиана возрастали время от времени в любви к Господу, твердо борясь с немощами. Иначе жила Гордиана. Она хладела в благочестии, и в душе ее явилась мирщина. Фарсилла часто, с глубокой скорбью, говорила:"Вижу, что сестра наша Гордиана более уже не наша, предается рассеянию и не верна призванию Божию". Обе сестры дружески уговаривали сестру удерживаться от легкомыслия и ветренности в поступках. После таких напоминаний любви Гордиана на время казалась степенной, но потом опять возвращалась к прежней легкости, дружила с девушками мирскими и отстранялась от тех, которые жили для Господа. Фарсилла постоянно пребывала в молитве и вела жизнь строгую. При такой жизни ее, в сонном видении является ей дед ее св. Феликс, папа, показывает ей светлое место своего покоя и говорит:"Иди, я принимаю тебя в это светлое жилище". Скоро после того она стала страдать от лихорадки и приблизилась к смерти. Благородные родственники собрались к умирающей, в том числе и мать моя, — прибавляет св. Григорий. — Больная поднимает глаза к небу и говорит громко:"Отойдите, отойдите, идет Господь Иисус". И в те же минуты скончалась. Когда стали убирать ее к погребению, увидали, что на коленях и локтях ее кожа от молитвенных трудов стала груба и толста, как у верблюда. Она скончалась накануне дня Рождества Христова. После этого праздника Фарсилла, в сонном видении, явилась сестре Емилиане и сказала ей:"Иди! Без тебя праздновала я Рождество Христово, но с тобой хочу праздновать Богоявление". Емилиана, сильно озабоченная душевным спасением сестры Гордианы, сказала:"Если я пойду, на кого оставлю сестру мою?"Та, как говорила Емилиана, с видом скорбным, сказала:"Иди одна; сестра твоя принадлежит к чадам мира". После того Емилиана стала больной и скончалась накануне дня Богоявления, как предсказала Фарсилла. Гордиана, оставшись в полной свободе, быстро стала меняться и наконец, забыв страх Божий, потеряв всякий стыд, вышла замуж за одного арендатора земель». Св. Григорий рассказывает об этом и в своей истории людей благочестивых, и в одной Беседе на Евангелие. Так поразил его пример слабости, показанный девственницей теткой! Там и здесь повторяет он в заключении: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Это событие римское, современное для Евстолии, без сомнения было одним из побуждений, заставивших Евстолию оставить слабый Рим и уйти в Константинополь, с надеждой видеть образцы лучшей жизни на Востоке.

В Константинополе посещала она святыни и обители иноческие, с жаждой духовного совершенства. Во Влахернском храме встретилась с ней другая жаждущая душа, и еще юная, дочь имп. Маврикия,

Сопатра. Юная душа, встретив уже довольно созревшую в духовной жизни, неотступно просила Евстолию быть для нее духовной матерью–наставницей. Евстолия согласилась, тем более что желала оставаться на Востоке. Сопатра, оставив царский двор, приняла иночество. Дочь просила доброго отца устроить обитель молитвы, и просьба была исполнена. Благочестивый император купил огромный дом патриция Кариана. Здесь прежде всего устроен был храм молитвы; потом явились и келлии для девственниц; здесь же открыто было и помещение для престарелых.

Блаженная Сопатра прежде того начала приучать себя к евангельской жизни. Тетка ее Дамиана была игумению Иерусалимской обители и потом жила затворницей. Сопатра путешествовала в Иерусалим для поклонения святым местам его и год прожила у тетки, выслушивая уроки ее о духовной жизни. «В одно время, — говорит блаженная Дамиана, у Иоанна Мосха, — пришла в святой город племянница моя, дочь императора Маврикия, и провела целый год здесь. Однажды, взяв ее с собой, пошли мы к свв. Козме и Дамиану. Стоя в храме, говорю я племяннице:"Смотри, госпожа, когда придет старица и будет давать тебе два нумула (две полушки), возьми их, не гордись". Она со вздохом сказала:"Как это приму я?"Я сказала ей:"Прими. Эта жена — велика пред Богом. Каждую неделю она раздает свои нумулы находящимся в храме, имея от роду 80 лет. Прими лепты; приняв, отдашь ты их другому, только не отвергай усердия старицы". Тогда как мы разговаривали об этом, вдруг подходит старица и подала мне тихо, ничего не сказав мне; но, подавая племяннице моей, сказала:"Прими и съешь". Когда она удалилась, мы поняли, что Господь открыл ей, о чем говорили мы. Послав одного из слуг купить на две лепты бобов, племянница съела их и свидетельствовалась Богом, что бобы эти сладки, как мед; она дивилась и прославляла Бога, подающего благодать рабыням своим». Другой урок, полезный для себя, Сопатра слышала тогда же в Кесарии. Об одной знатной из сенаторского дома женщине, так пишет современник Мосх, ходившей для поклонения святым местам, некто из отцов рассказывал так: «Она, придя в Кесарию, решилась здесь остаться и обратилась к епископу со следующей просьбой:"Дайте мне девицу для обучения меня страху Божию". Епископ приставил к ней смиренную девицу. Спустя несколько времени епископ, при встрече с ней, спрашивает у нее:"Каково поживает девица, которую я приставил к вам?" — "Хороша, — отвечала женщина, — но для моей души она мало полезна, потому что позволяет мне исполнять мою волю, и это оттого, что она смиренна, а я имею нужду, чтобы она бранила меня и не позволяла мне делать то, что хочу". Епископ вместо этой дал ей другую, с характером довольно грубым. Та начала бранить ее, называла ее глупой богачкой и тому подобными именами. По прошествии некоторого времени епископ опять спросил у нее:"А эта девица какова?" — "Она истинно приносит мне пользу", — отвечала жена. И она сделалась весьма кроткой».

Блаженная Сопатра подчинила себя св. Евстолии для обучения себя самоотречению. К ним присоединились весьма многие другие девы и проводили время в трудах и молитвах. Подвижница Евстолия, прожив многие годы в иночестве, мирно переселилась ко Господу. Сопатра управляла после нее общиной, строго следовала правилам духовной своей матери. Достигнув подвигами духовного совершенства, покойно скончалась ноября 9–го, около 610 года.

Вспомнив судьбу других детей Маврикия, и мирские люди должны сознаться, что счастлива Сопатра, избравшая доброй волей жизнь иноческую. Кровожадный Фока, убив доброго императора Маврикия и трех сыновей его, жену и трех дочерей (Анастасию, Феоктисту и Клеопатру), запер в монастырь, где после трех лет предал смерти. Не лучше ли было по воле избрать тишину уединения, чем поневоле? Не лучше ли добровольно отказаться от незавидной суеты мирской, чем против воли заключену быть во гробе? И в миру можно делать много доброго! Да, можно коптить сердца и небо! Делают добро души смиренные, а не гордые и самонадеянные. *Со страхом и трепетом совершайте свое спасение* (Фил. 2, 12). *Царство Небесное берется силой, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Св. Феврония–царевна

Дочь имп. Ираклия, блаженная Феврония, с юных лет пожелала служить единому Господу. Две сестры ее, Августина и Мартина, украшались титлом Августы, а Феврония подвизалась в уединении, заботясь только о том, как бы не лишиться славы вечной, приготовленной для всех страданиями Сына Божия.

Св. Апостол учит: *незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою телом и духом* (1 Кор. 7, 34). Здесь две высокие мысли о деве: дева, посвящающая себя Богу, заботится о славе Божией, потом она же заботится об освящении души и тела.

Кто так искренно и полно предан славе Господа, как та душа, которая не развлекается ничем земным? *Замужняя заботится о мирском, как угодить мужу* (1 Кор. 7, 34). Умное угождение мужу — дело должное; это не то, что служение страстям и грешной воле. Но земля и небо — не одно и то же. Услуживать мужу и услуживать Господу — вещи разные по предмету, по достоинству, последствиям. Прямое и полное служение Господу — занятие самое высокое и самое достойное желаний человеческих.

Освещение души и тела — другой предмет забот девы. Чистота и невинность — свойства богосозданной природы человеческой. С расстроенной грехом природой недоступна на земле невинность райская, но она возвращается постепенно, по частям, при пособиях благодати Божией. И вот, о возвращении этой-то невинности воздыхает дева, ее-то старается она усвоить себе подвигами.

Властью над стремлением к другому полу человек ставит себя выше животного. Зверь неудержимо влечется, следует влечению телесной природы. Человеку дана разумная свобода, чтобы господствовать над веществом. Честь ему, славу ему, если торжествует он победу над веществом. Само язычество уважало девственную чистоту: и оно для служения известным божествам назначало дев и юношей чистых, хотя с худым успехом. Тело христианина — собственность Божия, храм Св. Духа (1 Кор. 6, 15, 19; 3, 16–17); страшно злоупотреблять членами его (1 Кор. 6, 18); только для обуздания грешной плоти указан брак (1 Кор. 7, 3, 2). Чистым же обещается высокое счастье (2 Кор. 7, 1; 1 Кор. 7, 35). «Ничто так не приближает к Богу, как добрая, целомудренная и богоподобная чистота, которая доставляет честь и делает нас способными предстоять Господу без развлечения».

Более чем вероятно, что св. Иоанн, Патриарх (Т 595 г.), писал для св. царевны свое «Послание деве, преданной Богу». Прочитаем некоторые места из этого обширного, прекрасного послания.

«Хотя и успеешь в добродетели, не возносись добротой твоей, чтобы за тщеславие не отвратился от тебя Бог… Если уловлена будешь когда-нибудь глазами, как Давид, худо отворивший окна; если глаза твои возмутят душу твою, закрой с воздыханием око свое, худо смотревшее. Иначе навык греховный ведет споткнувшегося к худшему. Если имеешь чистую одежду, не везде ходи в ней, чтобы как-нибудь не замаралась… Упражняйся непрестанно в Св. Писании. Как вино, когда пьют его, прекращает печаль и производит в сердце веселость, так и духовное вино, когда пьешь его, производит в душе радость… Все настоящее слабее паутины, обманчивее сновидений. Спаситель ублажает скорбящих, чтобы наслаждение приятным не удерживало в своей власти пристрастных к нему. Как Авраам, услышав слова: *изыди от земли твоея* (Быт. 12, 1), вышел, — оставим и мы обычные наклонности наши, чтобы, упражняясь в умерщвлении, переселиться в горний город; будем всегда носить мертвость Иисуса в теле своем и помнить слова: *трезвитесь, бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8)… Много купцов, которые, обнищав, снова обогащались и, после кораблекрушения продолжая торговать, поправляли свое состояние. Неужели для нас приготовил Бог огонь? Нет, для диавола и ангелов его; только пусть сами мы не разводим того огня… Если не можешь быть солнцем, будь по крайней мере звездой, только восходи с земли к небу, начни ревновать светлым звездам… Подвижник не намащается миром, ибо это есть забота только низложенных. Какую приносит

пользу слоновой костью или серебром оправленный одр? Попечение об этом излишне и с неба низводит гнев… Ты возжелала девства? Храни заповеди, и Господь сохранит тебя. Если, молясь, скажешь: *сохрани мя, Господи, яко зеницу ока* (Пс. 16, 8), скажет тебе и Он: *храни Моя заповеди, и поживеши, словеса же Моя, яко зеницы очию* (Притч. 7, 2). Если будешь расположена так, Господь, усвоив Себе попечение о тебе, скажет: *касаяйся вас, яко в зеницу ока моего* (Зах. 2, 8). Многие девы понесли мученичество. Если же другие перенесли смерть, ужели ты не можешь превозмочь похоти? Надобно властвовать не только над похотью, но и над гневом. Язык твой должен говорить не много… Берегись, чтобы язык не погубил тебя: *язык*, говорит Иаков, *заражает все тело* (3, 6); когда заразится все тело, необходимо повредится и ум… Язык заключен двумя преградами, зубами и губами, чтобы, подобно целомудренной девице, не произносить ничего безрассудного… Сладок ночной сон, но будь уверена, что ничего нет слаще пения псалмов. Тебе тяжко спать на земле? Но вспомни, что мученики были повергаемы на горящие угли. У тебя очень горько во рту от поста? Но Христос для тебя вкусил желчи. Ты плачешь о себе? Но ты никогда не плакала, как Павел, о спасении других. Облегчай труд надеждой, за печалью следует радость».

По таким правилам, с такими мыслями подвизалась св. царевна Феврония. Чистая душой и телом, почила она в 632 г., когда отец ее, император, сражался с персами.

Память ее чтится Греческой Церковью октября 28 дня.

Свв. Анфуса, старшая и младшая

Старшая Анфуса, оставив родительский дом, подвизалась сперва в пещерах уединенно, переходя из одной в другую; потом, встретив старца, подвижника Сисиния, продолжала подвиги по его советам и столько успела в духовной жизни, что ее управлению отдали себя в Мантинее многие девы. К советам ее обращались жаждавшие спасения и не оставались без пользы. Высокая жизнь ее приобрела ей уважение и лучших из мирских людей Эллады. Ими. Константин Копроним настойчиво хотел быть тем, чем впоследствии был Лютер: страхом и обманом вынудил он (в 753 г.) оправдать на Соборе магометанское (т. е. глупое) отвращение от св. икон, почитание святых выдавал за суеверие, обеты девства — за извращение природы. Услыхав, что Анфуса в своей обители благоговейно и без страха пред людьми чтит св. иконы и даже уговорила своего брата стать в ряды защитников св. икон, он приказал представить к себе смелую игуменью со всеми ее 90 сестрами. Гордый и развратный деспот потребовал, чтобы отказались они от своего образа мыслей; он думал, что пустынная игуменья легко уступит гордой воле его, как уступали искатели частей его и прохладной жизни. «Христианская совесть, — отвечала Анфуса, — не дозволяет выполнить несправедливую царскую волю: поклонение св. иконам — дело святое, оправданное постоянной практикой Св. Церкви, а жить для удовлетворения одним скотским потребностям — не значит жить достойно человека; надобно плакать, что и без повелений власти так много несчастных, которые любят грязную жизнь». Копроним велел бить ее бичами без пощады. Воля деспота была исполнена. Копроним отдал приказание отослать игуменью с сестрами в заточение. В это самое время императрица страшно страдала муками родов. Преподобная сказала вслух всем, что императрица родит двойню, сына и дочь, и указала судьбу двойни. Разрешившаяся двойней императрица стала чтить преп. Анфусу как духовную мать и для ее обители сделала много пожертвований. Блаж. Анфуса скоро предала дух свой Господу, в глубокой старости, в 759 г.

Дочь Копронима, родившаяся по предсказанию св. Анфусы, названа была Анфусою. И по жизни явилась также святой.

«Отец желал, — говорит Менолог о младшей Анфусе, — выдать дочь замуж, но она отказалась от предложения. По смерти его (+ 775 г.), получив свободу, раздала имущество: одни расточала на нищих, другие употребляла на построение церквей и монастырей; золотые одежды свои, которые носила, обратила на украшение святынь. Она была матерью для многих сирот: собирая брошенных младенцев, воспитывала и пристраивала их; если иные умирали, поручала их Богу, а которые оставались живы — помещала в дом престарелых33. Блаженная царица Ирина (780–802 гг.) не раз приглашала ее к участию в управлении империей, но она уклонилась от того. Затем пострижена она была в инокиню Патриархом Тарасием (784–816 гг.) в монастыре св. Евфимии, в том самом, который жалким отцом ее «превращен был в арсенал и в общественный нужник».

По другим известиям, святая и тогда еще, как жила во дворце, под пышной одеждой царевны носила власяницу, довольствовалась хлебом и водой и занималась чтением священных книг. Безобразна была жизнь отца ее, и смерть его была ужасна: он кричал, что горит он и наказывается за хулы на Богоматерь. Жизнь безобразием ее, а смерть ужасами ее, без сомнения, более всего расположили царевну вести жизнь благочестивую. Приняв пострижение и став настоятельницей Омонейского монастыря, она, полная смирения и любви, сама носила воду для сестер и выполняла другие услуги. В столице империи, как и в Тавенне, женская обитель боялась принимать для себя недвижимые имения. «Греческие иноки не имеют рабов, а латинские имеют», — говорил западный Кантерберийский архиепископ. Община дев Анфусы рукоделиями добывала себе хлеб и другое содержание, а царская дочь–игуменья сама служила сестрам со смиренной любовью. Особенно строго выполняла игуменья Анфуса, в отношении к себе и другим, древнее

правило — не выходить из обители в мир, так как иначе душа расстраивается мирскими впечатлениями, да и другим подается случай к соблазну. Много значило для блаженной постановление Трулльского Собора об этом предмете, а еще более тот шум, который поднимали против монастырей при отце ее. Вселенский Собор поставил: «Не долженствует монах или монахиня оставлять свой монастырь и отходити во иный» (Правило 21). Так, блаж. Анфуса ни сама не переступала ногою за ограду обители, ни сестрам не дозволяла являться в миру без самой крайней нужды. Благоговейная настоятельница твердо выполняла и другое правило Собора: «Ни жена в мужеском, ни муж в женском монастыре да не спит»; тем более что и современный ей Собор подтвердил это правило до того, что запретил монаху с монахиней говорить наедине, а в столичной женской обители требовалась особенная осторожность относительно посетителей обители. Блаженная игуменья не допускала в свою обитель и того простодушного обыкновения, которое осудил Собор 692 г. В некоторых женских обителях принимавшие иночество наряжались тогда как невесты, и в таком виде приходили в храм для пострижения. Запрещая это, Констант. Собор 691 г. писал: «Не следует быть тому, чтобы по собственному произволению отложившая уже всякую житейскую приятность, возлюбившая жизнь по Боге, утвердившаяся в ней непреклонными мыслями возвращалась воспоминанием к тому, что уже предано забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся, возмущалась бы в душе, как от волн потопляющих и бросающих туда и сюда; иногда и проливая слезы, не являет она сердечного сокрушения, а если и упадет слеза искренности, зрители думают, что это не столько от усердия к монашескому подвигу, сколько от разлуки с миром и с тем, что в мире». Молитвы св. Анфусы были неуспыпные и стояние на бдениях неослабное; слезы сокрушения постоянно текли из очей ее. «Прекрасная ветвь дурного дерева, честная Анфуса отцвела для земной жизни» 12 апр. 811 г., на 57 году ее жизни.

Св. Афанасия Эгинская

Остров Эгина — один из островов Эгейского моря, ближайший к материку Эллады, на юге от Саламина. Здесь родилась и здесь подвизалась св. Афанасия. Родители ее, Никита и Ирина, были люди богатые, благородные и добрые христиане. Они дали дочери хорошее образование. Дочь с юности не находила утешения в приятностях земной жизни: душа ее стремилась служить одному Господу. Но благий Сердцеведец знает, какие меры всего удобнее могут привести душу к спасению, и употребляет самые полезные. Родители выдали Афанасию замуж против ее желания, за военного: партия блистательная! Но на 17 день брака арабы напали на остров, и муж Афанасии в схватке с ними был убит. Афанасия рада была тому, что может вступить в монашескую жизнь. Но указ императора Михаила Заики предписал выдать молодых вдов замуж за молодых военных людей. И Афанасия выдана была за второго мужа, опять против ее желания. К счастью ее, муж был человек, расположенный к добру; супруга своей добротой самоотверженной приобрела влияние на него. С дозволения супруга посвящала она большую часть времени и средств на дела милосердные: помогала бедным, посещала больных и часто оставалась в больницах для услуг страждущим; для вдов и сирот была она самой нежной матерью. Она снабжала одних пищей, других и одеждой. Такая высокая христианская любовь к другим и Господу произвела в муже решительную перемену. Он удалился в монастырь, как желала супруга. Афанасия, оставшись свободной, продала земли, составлявшие наследство ее, и большую часть денег раздала бедным. Дом свой обратила она в дом молитвы для душ, воздыхающих о небе. К ней собралось довольно девственниц. Спустя 4 года упросили ее быть игуменьею. Она горячо подвизалась. На теле ее была власяница, спала она на каменьях, пищей ее был ячменный хлеб, рыбу вкушала только два раза в год — в Пасху и в Рождество Христово. Блаженная игуменья внушала сестрам каяться пред Господом искренно и по ложному стыду не скрывать пред духовником какой-либо язвы душевной, к пагубе своей. Она напоминала им о древнем законе Божием относительно священников. *По закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе. А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там в служении пред Господом Богом твоим, или судии, тот должен умереть* (Втор. 17, 11–12). К себе самой преподобная по–прежнему была строга, но еще более стала смиренна и добра к другим. Слух о ее подвижничестве разошелся по всему острову. В обитель ее приносили больных, и они получали тут здоровье. Но слава имени преподобной сильно тяготила ее по многим причинам, между прочим и потому, что посещавшие отнимали время, нужное для молитвы и беседы со своей душой, а внося в чужую душу суеты свои, не платили ни вздохом о себе самих. Она удалилась в Константинополь. Здесь также скоро узнали о ней. Царица Феодора желала слушать советы ее. Хотя, по положению тогдашних дел церкви, пребывание Афанасии в столице было полезно для многих, но борьба придворных страстей была слишком шумна, и пустынная душа страдала в такой атмосфере: она скорбела о том, что люди выгнали ее из тихой обители ее. Наконец эгинские сестры явились к ней с неотступными просьбами возвратиться в свою обитель. Она была рада тому. Но кончина ее была уже близка: спустя 20 дней по возвращении в свою обитель почила она о Господе, так покойно, как бы заснула обыкновенным сном. Это было августа 14–го 860 г.

Перед смертью завещала она кормить нищих до 40 дней в ее память. Сестры ставили трапезу 9 дней, потом прекратили. Явясь в 40–й день, говорила она: «Напрасно нарушено мое завещание. Поминовение по умершим, совершаемое в храме до 40 дней, или питание нищих в то же время много помогает грешным в загробной жизни, а совершаемое за праведных низводит благословения небесные на совершающих поминовение». Явившаяся воткнула игуменский жезл свой в землю и перестала быть видимой. Оставленный жезл оказался на другой день живым деревцем.

Считаем уместным и должным привести здесь повествование Агапия, инока критского, о событии, касавшемся вопросов, занимавших душу блаж. Афанасии.

Надобно сказать, что император Михаил Заика (820–828 гг.) жил как язычник, без веры в будущую жизнь; для него все веры были одной пены — неважной, он не допускал бессмертия и бытия духов, и жизнь грязная, плотская была для него жизнь безгрешная.

Этим объясняется значение загробной проповеди св. Афанасии, как и событие, рассказываемое Агапием.

«Была, — пишет он, — одна женщина добрая и благочестивая. Она раздавала милостыню, постилась и творила другие добрые дела. Но, бедная, допустила один грех тяжкий и не исповедалась в нем. Не раз порывалась она открыть грех свой духовнику — и, тогда как рассказывала о других грехах, стыдилась сказать о том, и так уходила от духовника. Часто с горькими слезами молилась она перед иконой Богоматери и просила защиты Ее. Наконец умерла она, не исповедав греха своего. Родные, и особенно сестры, захотели похоронить ее в другом месте, и погребение совершалось на третий день. Когда отпевали ее в церкви, вдруг мертвая поднялась, села на одре и сказала:"Велика мощь твоя, Владычице Непорочная!"Призвав духовника, исповедала пред ним скрываемый грех. Затем вслух всем говорила:"Бедная я, от стыда не исповедалась в одном грехе, так и умерла; но я каждый день с глубоким сокрушением молила Пресвятую Богородицу о том, чтобы не понести мне наказания за свой грех. Когда несчастная душа моя разлучилась с телом, темные злобные духи укоряли меня в тайном грехе и радовались, считая меня своей добычей. Но явилась Царица Ангелов и своим светом разогнала духов злобы. Она сказала им с негодованием:"Господь не дал вам власти над этой душой". Потом привела меня к Господу и просила Его явить милость Свою надо мною; «она, — говорила, — оказывала много любви и веры». Господь сказал:"Пусть эта душа соединится с телом своим и, как должно, исповедует грех свой". Тогда Ангел–хранитель мой оживил меня. Прошу тебя, любезная сестра, и всех родных моих не плакать обо мне — это не принесет мне никакой пользы, а пусть совершаются литургии и подается милостыня за меня". Затем она снова почила во Господе».

Св. Кирилл Алекс, в свое время обличал тех, которые говорили, что «не надобно приносить жертву за умерших». Если, учил он, ни к чему не служить и бесполезно удостаивать умерших нашего приношения, то и в простых молитвах наших не нужно поминать их. Если же вы попираете законы любви и, ни за что считая умерших, оставляете их погибать, то вы оказываетесь камнями бездушными и людьми бесчеловечными. Затем повторяет евангельское повествование об исцелении сына сотникова и говорит: «Смотри, вот исцеленный за веру другого. Зачем же вы упрекаете нас в любостяжании, когда мы, невиновные в том, стараемся привлекать милость небесную на усопших в вере и приносим за них Таинственную Жертву, столько благотворную, от которой пала смерть и засияла надежда на жизнь нескончаемую?» Св. Златоуст писал: «Не напрасно узаконено апостолами поминать умерших при Страшных Тайнах. Они знали, что великая бывает от того польза для умерших». Другой великий учитель Церкви говорил: «Не надобно отвергать того, что души умерших получают облегчение от благочестия живых родственников, когда приносится за них жертва Ходатая или раздается милостыня в церкви для их пользы… Подлинно, есть образ жизни, который не столько честен, чтобы не требовал того по смерти, и не столько худ, чтобы не послужило ему в пользу по смерти. Есть образ жизни столь честный, что не требует помощи, и есть образ жизни столь худой, что это не может помочь ему но смерти. Кому молитвы полезны, то полезны или столько, что бывает полное отпущение грехов, или столько, что сносное бывает осуждение».

Св. Феодора–царица

Блаженная Феодора, дочь благородного Пафлагонского дома, давшего для империи многих даровитых людей, быв супругой императора Феофила, удерживала мужа, сколько могла, от гонений против Православия; тайно поклоняясь св. иконам в своих покоях, она усердно молила Господа, дабы Он Сам утишил бурю иконоборства. Когда умер (в 842 г.) император Феофил, она, по малолетству сына, приняв правление империей, немедленно начала восстанавливать покой церкви: множество страдальцев, разосланных в ссылки за исповедание чистой веры, возвращено было на места покойной жизни, ложный архипастырь лишен власти и заключен в монастырь, а св. исповедник Мефодий возведен был на патриарший престол. Тогда же установлено было праздновать Торжество Православия каждый год в первое воскресенье Великого поста. Патриарх Мефодий предложил царице: «Не служит к чести империи, если славный Патриарх Никифор, за защиту чистой веры согнанный с престола и скончавшийся вдали, остается в пренебрежении; надобно, чтобы тело его возвратилось в столицу». Императрица, соглашаясь с тем, сказала: «Выполнение будет честью мне и детям моим». И святое тело торжественно перенесено было (марта 13–го 846 г.) в столицу. Все лучшие люди отдавали уважение царице и за управление гражданскими делами империи: ее умным распоряжениям и твердости империя одолжена была (в 852 г.) успехами в отношениях к Болгарии. Но против нее восстал злобный и властолюбивый брат ее Варда. Царица вынуждена была (855 г.) отказаться от управления и сперва жила уединенно в загородном дворце своем, называвшемся впоследствии дворцом св. Феодоры. Оказывая помощь всякой бедности, изыскивала она способы для восстановления благочиния в обителях, столько страдавших от иконоборства; вызывала к себе опытных стариц игумений, какова была св. Афанасия Эгинская, для бесед об устроении духовной жизни. Блаженная царица много сделала для Св. Церкви тем, что воспитала в своем сыне императоре Михаиле твердую преданность св. Православию. Как много и как долго страдала дотоле Церковь от магометанской ненависти верховных правителей империи к св. иконам! Мать желала, чтобы и нравственное поведение сына было достойно престола и полезно империи. Она все употребила в его юности, чтобы дать ему лучшее воспитание: наставниками Михаила были люди даровитые и с желаниями добрыми; св. Кирилл, просветитель славян, был товарищем Михаила по учению. Но Михаил своим примером показал, что самое усердное воспитание не пересиливает в нас порчи природы: порча остается и открывается в жизни то теми, то другими дурными наклонностями. Мать старалась быть полезной Михаилу–царю советами. Но Михаил только оскорблялся добрыми советами и вел жизнь разгульную в обществе дурных людей. Мать страдала. После многих бесполезных попыток вразумить сына она увидела, что ей остается предать сына воле Божией, тем более что ему было уже 17 лет. Она прервала всякую связь с миром и заключилась в монастырь. Теперь занятиями ее были молитва, пост, чтение душеполезных книг; известно ныне Евангелие, писанное ее рукой. Строгим наблюдением над своей душой она очищалась и возвышалась в духовной жизни; прекрасные качества души ее, на свободе от дрязг света, раскрывались по Евангельскому закону. Так провела она восемь лет в подвигах самоотречения и мирно скончалась февраля 11–го 867 г., а вскоре затем убит был сын ее.

Св. Феодора Солунская

Солунская подвижница Феодора родилась на острове Эгине, от родителей благочестивых, ревнителей чистой веры. Выданная замуж, имела у себя дочку. Неприятельским нашествием вынуждена она была с мужем переселиться в Солунь. Здесь отдала дочь она свою в монастырь, а потом, по смерти мужа, и сама приняла иночество в обители, где жила дочь ее. Порча души нашей так велика, что противовес, остающийся у нас для борьбы с ней, противовес разума и совести, не силен предохранять нас от самых дурных поступков. Что же делать нам с собой? Молиться и молиться, чтобы оживляла и укрепляла нас, больных, благодать Божия. Так поступала блаж. Феодора. Она для того и заперлась в монастырь, чтобы молиться и молиться, молиться молитвой, не рассеиваемой миром, молитвой вседушевной. И вот, укрепляемая благодатью, она трудами послушания и смирения, постом и самоотречением, молитвой и хвалой столько угодила Господу, что по смерти своей, последовавшей в 879 г., совершала разные чудеса. Когда, спустя некоторое время, скончалась игуменья обители и гроб последней ставили вблизи мощей Феодоры, то блаженная Феодора, отдавая честь настоятельнице обители, подвинулась, как живая, и дала место усопшей игуменье. Из тела ее истекала благовонная и целительная масть, и Феодора называлась мироточивой; масть исцеляла разные болезни. Когда турки (в 1427 г.) взяли Солунь, то, предав поруганию мощи св. великомученика Димитрия, то же неистовство фанатизма «показали и над мощами святой и мироточивой Феодоры, бросили их на землю и раздробили на части». Те, которые знают только жизнь животную, скотскую, не терпят видеть осязаемые знаки победы духа бессмертного над веществом. Жалкие люди! *Бог поругаем не бывает: что сеет человек, то и пожнет. Сеющий в плоть свою, от плоти пожнет тление, а сеющий в дух, от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6, 7–8).

Св. Феоктиста Паросская

Остров Лесбос — один из островов Эгейского моря, соседний с мысом Миссии. Его Митилену посещал св. Павел (Деян. 20, 14), а на северном берегу его — город Мефимна. Это считалось частью Малой Азии. Парос, один из Цикладских островов, знаменитый своим мрамором, принадлежал к Элладе.

На острове Лесбосе, в городе Мефимне, родилась блаженная Феоктиста. С юных лет, пожелав вести жизнь чистую, отдана она была родными в девичий монастырь. Семнадцати лет пострижена была в монашество. Случилось ей выйти из обители для свидания с сестрой. В это время, неожиданно ни для кого, напали на остров пираты–арабы. Захватив множество пленных, захватили они и Феоктисту с ее сестрой. Грабители пристали потом к острову Паросу и расположились тут оценивать пленных. Феоктиста, трепеща не столько за жизнь, сколько за чистоту свою, бросилась бежать. Долго гнались за ней, наконец она, спасаясь от них, скрылась в пустыне на середине острова.

Феоктиста спасла жизнь и чистоту от насилия людей, но остров оказался совершенно запустевшим. На нем стоял только каменный храм, пустой. Феоктиста предала себя в волю Божию. Она питалась семенами местного растения, солнечника. Псалмы, которые изучила она в монастыре, составляли пищу и утешение ее. Одежда, в которой схватили ее пираты, впоследствии обветшала, обратилась в гниль, и она осталась нагой. То зной летний жестоко палил ее, то холод зимы костенил тело ее. Она терпела и молилась. Местом молитв ее был притвор опустевшего храма. Так прожила она 35 лет. Случилось, что прибыли на остров охотники для ловли зверей. Между ними был богобоязненный человек, он ходил один, следя за зверями. Увидав запустевший храм, вошел в него помолиться. Помолившись, видит небольшую ямку с водой и в ней намокшие семена солнечника. «Верно, — подумал он, — подвизается здесь раб Божий, пустынник». Чтобы не потерять дружины, он поспешил выйти из храма. На следующий день мысль о пустыннике снова привела его в пустой храм. На этот раз увидал он на правой стороне притвора как бы растение, колеблемое ветром и закрытое густыми сетями паутины. Он хотел подойти и посмотреть, что это такое? Но услышал голос: «Остановись, не подходи ко мне, добрый человек! Стыжусь показаться тебе нагой». Он затрепетал и хотел бежать, но собрался с духом и спросил: «Кто ты и откуда?» — «Брось мне какое-нибудь одеяние, чтобы я могла прикрыться, и тогда скажу». Он исполнил желание ее. Обернувшись верхней одеждой охотника и оградив себя крестным знамением, вышла она к охотнику. Волосы ее были белые, лицо почерневшее, одна кожа покрывала кости, щ и все целое походило более на призрак, чем на живого человека. Она рассказала о себе, как попала она на остров и как жила тут. Потом просила она охотника принести ей Святое Причастие. Так как охотники, отправляясь в дальний и опасный путь, запасались тогда Св. Дарами Евхаристии, то тот поспешно принес сосуд со Святыми Дарами. Она, помолившись, причастилась Св. Евхаристии и вознесла благодарение Богу. Когда охотник еще раз пришел видеть дивную пустынницу, он нашел ее почившей. Выкопав могилу, какую мог, благоговейно положил страдальческие останки подвижницы.

Нападение морских разбойников, африканских арабов, на остров Лесбос было в 846 г.; тогда они ограбили и Рим. Прибавляя к этому году разбоя 35 лет пребывания святой на безлюдном острове Паросе, находим, что дивная подвижница почила в 881 году.

Св. Мария–младшая

Подвизалась девственницей при имп. Василии Македонянине.

Дорогое, высокое богатство — чистота девственная. Как соблюсти ее?

Надобно усердно молиться к Тому, для Кого все возможно и Кто по благости своей готов помогать и любит дарить чистоту (Фил. 4, 12; Иак. 1, 5).

Надобно бояться гордости и самонадеянности: с этими расположениями легко попадают в нечистоту.

Соблюдайте умеренность в пище и питье (Рим. 13, 13).

Охраняйте чувства, взор, слух, осязание: *очи — двери смерти* (Иер. 9, 21). Смотрите на святое, и святое будет в уме и сердце. Берегитесь обхождения с другим полом, чтения соблазнительных книг и сладострастных картин. *Кто любит опасность, попадет в нее* (Екк. 3, 27).

Труд телесный много укрощает похотливость.

Особенно же спасителен страх Божий, страх смерти и геенны (Дан. 13, 22).

Девственница Божия Мария, крепко подвизавшаяся для чистоты, богоугодно почила около 886 г.

Блаженная Феофания–царица

Плод молитв матери, долго бывшей бездетной, дочь вельможи Константина Мартинакия и Анны получила блистательное образование; родители нежно любили Феофанию и ничего не жалели для ее воспитания. Имп. Василий Македонянин избрал ее в супругу сыну своему Льву, и с брачным венцом возложен был на Феофанию венец царский, как на супругу наследника престола. Но счастье недолго ласкало Феофанию. Феодор Сантаварин, человек злой и коварный, подал совет Льву носить под одеждой меч на случай опасности для царя–отца, также наклеветал царю, что сын нетерпеливо ждет, как бы сесть на престол отца, и намерен умертвить его скрытым под одеждой мечом. Лев и супруга его заперты были в крепость и три года пробыли в тяжелом заключении. В день пророка Илии, по ходатайству вельмож, ручавшихся за невинность сына, Василий возвратил сыну и невестке свободу. Но здоровье Феофании, расстроенное неожиданным несчастьем, уже не возвращалось к ней. У нее была только одна дочка, и та лишь только родилась, как и умерла. Блаженная увидала, что земля скорбями отталкивает ее от себя и что приходится искать покой, только не на земле. Где же покой, столько желаемый душой? Душа сама знает, где ее покой: созданная по образу Божию, она рвется к Нему, Богу своему, там ее свет, там ее радости. Временные блага, меняющиеся образы земные обольщают собой душу, увлекают ее за собой, но ведь это — только обольщение, обман: после него в душе только пустота и горечь. Так блаженная обратилась всей душой к Господу своему. Она усердно занималась молитвой и читала Св. Писание. Одеваясь для приличия царственной одеждой, она на теле носила власяницу. Кровать ее была царски пышная, но она спала на голом полу. Пищей ей служили хлеб и овощи. С теми, которые служили ей, обращалась она ласково и кротко, никто не слыхал от нее и слова гневного. Светского празднословия не любила она, как и веселостей забывчивой рассеянности. Заботы о бедности служили утешением для нее. Все, что получала она от двора, обращала на вспоможение сиротам, вдовам несчастным, на монастыри и храмы. Она жила мыслями о вечности и мирно почила 16 декабря 892 г., пробыв в супружестве 12 лет.

Супруг ее, имп. Лев, зная святость жизни ее, построил храм и желал посвятить ее имени; но, по совету других, храм освящен был во имя Всех Святых, и здесь основался женский монастырь. «Уважая первую супругу, блаженную Феофанию, Лев создал памятник в ее имя вблизи храма св. Апостола, где положил и тело ее», — говорит греческий историк. Русский поклонник святынь в 1342 году писал: «Идохом к св. Константину, в монастырь женский: тут лежит тело св. Климента архиепископа и Феофании царицы».

Св. Каллия и терпеливая вдова

Блаженны милостивые: они помилованы будут, сказал Господь (Мф. 5, 7). *Кто сеет скупо, для того и жатва скупа; а кто сеет щедро, для того щедра и жатва. Доброхотно дающего любит Бог*, учит Апостол (2 Кор. 9, 6–7). Все это видим исполнившимся над св. Каллией. Она прославлена на земле и на небе за подвиги искреннего милосердия. Муж ее был богатый купец. Каллия с юности любила благотворить бедным: богатство мужа доставляло ей средства помогать нищете. Но муж ее сколько был богат, столько же и жаден до денег. Раз целые три года плавал он по морю, занимаясь торговыми оборотами. Милостивая супруга его щедро раздавала без него милостыню. Она твердо помнила и верно выполняла наставления Господа: *продавайте имения и давайте милостыню; приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает* (Лк. 39). *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою* (Мф. 16, 26). Возвратившийся муж, увидав, что жена растратила для нуждающихся очень и очень много денег, столько любимых им, до того рассвирепел на жену, что замучил ее до смерти. Бог прославил щедрую жену нетлением тела ее. Блаж. Патриарх Антоний (893–895 гг.) выстроил женскую обитель для мощей святой Каллии. «Хромии и больнии гробу ее кланяются и исцеляются», — говорит русский поклонник, поклонявшийся белице Каллии в 1420 г.

Вот что значит богатство, расточаемое для бедных. Но бедность терпеливая и благочестивая также близка к Небесному Царству.

Около того же времени, как жила Каллия, бедная вдова благодушно переносила горькую бедность и усердно сохраняла заповеди Всевышнего.

Священник позван был к ней, умирающей, для приобщения Св. Тайн: в то же время звали его за тем же к богатому князю. Он пренебрег бедной вдовой и пошел к богачу. Возвратясь от князя, нашел он нового посланного звать его к умирающей вдове. Гордый и корыстолюбивый, не пошел он к нищете. Диакон его, богобоязненный и благочестивый, выпросил у него дозволения идти и приобщить умиравшую. Придя в дом ее, к изумлению, видит он тут Пресвятую Деву, и чистые девы одевают бедную больную в чистые одежды. К новому изумлению, Небесная Царица благоговейно поклонилась Пресвятому Телу Христову. Чистые девы пали пред ним на землю. Встав, девы дали знать диакону, чтобы он совершил свое служение. Когда больная приобщена была Святых Тайн, девы приняли святую душу ее и вознеслись на небо. Диакон пошел потом в дом богача. Здесь видит он при постеле умирающего страшных темных духов, и один из них насильно вытащил душу из грешного тела. В ужасе диакон упал на землю. Является Пресвятая и говорит: «Не бойся, возлюбленный служитель! Сохраняй заповеди Сына Моего, и духи злобы не будут иметь власти над тобой; тебе готово Царство Небесное». Диакон пал пред Царицей Небесной, и Она удалилась.

Блажен человек, который переносит искушение, потому что он, усовершась искушением, получил венец жизни, который обещал Господь любящим Его (Иак. 1, 12). *Мы хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). *Если остаетесь без наказания, которое всем обще: то вы не законные девы и не сыны* (Евр. 12, 8). Таково учение слова Божия!

Св. Феодора Цареградская

Феодора была зажиточная гражданка Царьграда. По смерти мужа она посвятила себя на служение ближним и молитве. Когда блаженный Василий стал жить в доме благочестивого Константина, в соседстве с домом Феодоры, Феодора, по приглашению Константина, с полным усердием прислуживала блаженному Василию, как рабу Божию. Если кто приходил видеться с затворником Василием, Феодора докладывала о том Василию, и Василий в келье Феодоры беседовал с приходившими к нему. *Кто принимает во имя праведника, получит награду праведника*, — сказал Господь. *Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию*, учил Апостол (Рим. 152). Феодора была притом усердная молитвенница. Это было в то время, когда в той же столице пр. Симеон Богослов ревностно одушевлял подвизающихся наставлениями о любви к Богу. Проповедуя о чистой любви к Богу, он вместе учил: «Надобно поститься в три поста. В Великий пост пощение усиленное, кроме Великого праздника, субботы и недели, а в два другие — через день. В другие дни года следует принимать пищу один раз в день, кроме субботы, недели и праздника, притом не в сытость». Это значит, что чистая любовь к Богу — не любовь мечтательная, довольная восторгами чувства и мыслями своеволия, а любовь трудолюбивая, строгая исполнительница заповедей Божиих и уставов Церкви. Так жила блаженная Феодора. Перед смертью приняла она иночество и скончалась 30 декабря 940 года. Ученик Василия, Григорий, усердно просил наставника открыть, где и как пребывает почившая Феодора? По молитвам Василия, Григорию во сне показаны были в образах состояния, которые прошла Феодора, пока достигла покоя; показано и то, что молитвы праведника служили великой помощью для Феодоры в загробной жизни ее.

Св. Марфа Моновассийская и три неизвестные подвижницы

Св. Марфа была игуменьею моновассийской обители Св. Богородицы. Морея с VII века занята была славянами, и Моновассия, которой святители известны с VIII века, в VIII веке полагалась в славянской земле. Блаженной Марфе, как и современным ей проповедникам веры, предстояло между прочим утверждать в вере и благочестии недавних язычников. Жизнь христианская сама по себе свет, только в точном своем виде нелегка она для нас, немощных. Св. Василий В. писал к современной ему благородной инокине Феодоре: «Нелегкий подвиг обещающемуся выполнить обещанное. Долг каждого избирать жизнь Евангельского закона. Но выполнять все до малости и не пренебрегать ничем из написанного в Евангелии, как знаем, не многие успевают. Надобно обуздывать язык и очи просвещенные Евангельским учением; надобно, чтобы и руки делали в угождение Богу, и ноги двигались, и каждый член употреблялся так, как изначала назначил Творец нам. Надобно соблюдать скромность в одежде, осторожность в сношениях с мужчинами, умеренность в пище, не иметь лишнего из вещей нужных. Все это кажется просто малостью, а требует великого подвига при выполнении, как дознаем на деле. Надобно хранить смирение, чтобы не помнить о знатности предков своих, не гордиться природными дарованиями тела или души, не превозноситься добрыми мнениями о нас других. Всего этого требует жизнь евангельская; к тому же нужны: постоянство в воздержании, усердие к молитве, сострадание любви к другим, щедрость к нуждающимся, смирение в мыслях, сокрушение сердечное, целость в вере, равнодушие в скорбях, постоянное памятование о том Страшном и неизбежном Суде, к которому все близимся и о котором, однако, немногие помнят, беззаботные о его решении». Блаженная Марфа крепко подвизалась сама на пути Евангельского закона и усердно понуждала сестер к подвигам благочестия. Потом удостоилась страдальческой кончины с тремя сестрами в конце царствования Константина Порфирогенета. Записка о ней, известная ныне только по отрывку, не объясняет, по какому случаю и от кого последовала эта смерть, но так как, с одной стороны, вместе со св. Марфой и тремя сестрами пострадали «знаменитые благочестием мужи», как бывает в нападение неприятелей, с другой стороны, единственные неприятели греческой власти в Морее были тогда славяне, частью еще язычествовавшие, то более чем вероятно, что св. Марфа с сестрами пострадала от славян–язычников.

Тот же блаженный Павел, епископ Моновассийский, который писал о св. Марфе, оставил следующее известие о трех современницах св. Марфы.

«Был я, — говорит он, — послан на Восток по царскому делу. На дороге встретился мне пустынный монастырь, и мне захотелось побывать в нем. Игумен и черноризцы вышли ко мне навстречу, и, поздоровавшись, сели мы на горе. Тут были плодовые деревья. И вот птицы, прилетая, ломали ветки с плодами и быстро уносили. Я спросил игумена, отчего это птицы не едят плодов, а уносят куда-то с ветками? Он отвечал:"Вот уже одиннадцатый год, как они то же делают каждое лето"."Тут в горах, — сказал я по какому-то вдохновению, — живут или мужи, или жены, и им-то носят они плоды". Когда говорил я это, прилетевший ворон сломил ветвь с плодом. Я сказал игумену:"Пойдем за ним", и пошли. Ворон с плодом летел впереди нас и, долетев до утеса, положил ветку. Когда подходили мы к нему, он, взяв ветку, полетел в провалье и там, оставив ветвь, воротился без всего. Придя к провалью, мы бросили вниз камень. И вот кто-то кричал:"Если вы христиане, не убивайте нас". — "Кто вы таковы?" — спросили мы."Если хотите, — был ответ, — видеть нас, бросьте три одеяния, мы нагие жены; идя по горе, увидите дорожку, и по ней можете сойти к нам". Услышав это, три чернеца сняли с себя одеяние и, обвив ими камень, пустили вниз. Найдя указанную узенькую дорожку, с трудом сошли мы по ней, к святым. Три жены,

увидев нас, поклонились нам до земли, и, сотворив молитву, сели мы. Одна из них тоже села, а две стояли. Тогда игумен спросил севшую:"Откуда ты, госпожа–матерь, и как пришла сюда?" — "Я из Константинограда, — отвечала она, — муж мой служил при императоре и скончался молодым; я осталась вдовой 20–ти лет и горько плакала, как о вдовстве, так и о том, что не имела детей. Спустя несколько дней один вельможа присылает ко мне слуг с тем, чтобы насильно доставить меня к нему. Слуги, ничего не слушая, хотели вести меня. Я помолилась Господу Иисусу, да избавит меня от того, который готов осквернить душу и тело мое. Потом сказала слугам:"Я рада идти к вашему господину, столько славному; но теперь я очень больна, непрестанно течет кровь, потерпите, пока выздоровлю, и тогда с радостью пойду". — "Хорошо, — сказали они, — господин будет ждать до 40 дней". По удалении их созвала я слуг моих и, дав им денег, отпустила их на волю, а при себе оставила только двух служанок, которых вы видите. Потом, пригласив одного родственника, человека христолюбивого, под клятвами завещала ему продать села мои и дом и раздать деньги нищим. Так я осталась без забот житейских. Ночью, взяв моих служанок, а теперь моих сестер, вступила я с ними на корабль, и мы пришли на это место, где видите нас. Вот одиннадцатый год, как не видали мы ни одного человека, кроме вас. Одежды наши изветшали и распались". Игумен сказал:"Откуда, госпожа, получаете вы пищу?" — "Благой и человеколюбивый Бог, — отвечала она, — прокормивший народ свой в пустыне 40 лет, посылает пищу и нам, недостойным рабыням Его. Каждое лето птицы приносят всякий овощ, даже до излишества. И нагота не тяготит нас, ни зимой не боимся холода, ни летом зноя, прославляя Святую Троицу". Мы слушали это с изумлением. Игумен сказал:"Если прикажешь, госпожа моя, пошлю брата в монастырь принести пищи, и мы покушаем с вами". Она отвечала:"Прикажи придти священнику, пусть наперед помолится, и мы причастимся Святых Тайн: с того времени, как удалились мы из города, не удостаивались мы принять Святые Тайны". Игумен послал чернеца в монастырь позвать пресвитера и принести пищу. Пресвитер, придя, совершил службу, и Божий рабыни причастились Святых Тайн. Потом покушали они с нами."Молю святыню твою, — сказала святая, — пробыть здесь три дня". Игумен дал обещание. Блаженная, встав, усердно молилась и тихо преставилась ко Господу; совершив надгробное пение, похоронили мы ее. На другой день так же покойно скончалась другая, а на третий — третья. Похоронив их, возвратились мы, славя Христа Бога, творящего чудеса».